

Георг Генрих фон Лангсдорф

ЗАМЕЧАНИЯ
ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ
ВОКРУГ СВЕТА
В 1803–1807 ГОДАХ

Полный русский перевод

Георг Генрих фон Лангсдорф

**Замечания во время путешествия
вокруг света в 1803–1807 годах**

«Автор»

2026

фон Лангсдорф Г.

Замечания во время путешествия вокруг света в 1803–1807 годах /
Г. фон Лангсдорф — «Автор», 2026

«Замечания во время путешествия вокруг света в 1803–1807 годах» Георга Генриха фон Лангсдорфа — подробное свидетельство участника первой русской кругосветной экспедиции. Автор проходит путь от Европы через Атлантику и Бразилию к Камчатке и Японии, затем посещает Алеутские острова, русские владения в Северной Америке и Калифорнию, после чего возвращается через Охотск, Якутск и Сибирь в Санкт-Петербург. Лангсдорф описывает природу, климат, растения и животных, быт и обычаи коренных народов, русские поселения, торговлю, медицину, мореплавание и повседневную жизнь начала XIX века. Это одновременно путевой дневник, научный труд и ценное этнографическое свидетельство эпохи. Автор заметок Г.Г. фон Лангсдорф, Автор перевода Д.В. Ткаченко. 2026 г. Москва Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищен авторским правом.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	75
-----------------------------------	----

Георг Генрих фон Лангсдорф

Замечания во время путешествия вокруг света в 1803–1807 годах

ЗАМЕЧАНИЯ

о

ПУТЕШЕСТВИИ ВОКРУГ СВЕТА

в 1803–1807 годах

Г. Г. фон Лангсдорфа,

императорско-русского надворного советника,

кавалера ордена Св. Анны второго класса, члена нескольких академий и учёных обществ.

ПЕРВЫЙ ТОМ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

Первое путешествие русских вокруг света есть одно из замечательнейших событий в летописях славного царствования Вашего Императорского Величества, и всякий вклад в более близкое познание этого великого предприятия вправе рассчитывать на интерес всего образованного мира.

Замечания, которые я, как счастливый спутник русских кругосветных мореплавателей, имел случай собрать, получают полнейшее право на участие, когда я ставлю перед ними Высочайшее имя Вашего Императорского Величества и могу также публично похвалиться этим новым знаком Высочайшей Вашей милости и великодушия к моим скромным трудам.

Да благоволит Ваше Императорское Величество удостоить эту малую жертву безграничной благодарности и почтения Высочайшим снисхождением и милостиво принять чувства благоговения, с которыми я пребываю,

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ,

Вашего Императорского Величества

всеподданнейший и покорнейший

фон Лангсдорф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Некоторым, кому покажется смелым, что я передаю публике собранные мною во время одного из интереснейших кругосветных путешествий наблюдения в то время, когда она уже отчасти имеет в руках описание, составленное достойным начальником этой экспедиции, я замечу лишь, что главная причина моего предприятия состоит в том, что я, как врач и естествоиспытатель, обязан был обращать своё внимание на иные предметы, чем этот учёный и сведущий в науках мореплаватель, и что я покинул его экспедицию в 1805 году на Камчатке, вследствие чего исход моего путешествия получил совершенно иное направление, так как впоследствии я посетил Алеутские острова и северо-западное побережье Америки и наконец сухим путём через Сибирь возвратился в Россию.

Каждый наблюдатель имеет свою собственную точку зрения, с которой он рассматривает и оценивает новые предметы, свою собственную сферу, в которую он стремится включить то, что вообще находится в более близком отношении к его любознательности, знаниям и интересу; поэтому и в моём труде, быть может, увидят затронутым многое, чего недостаёт у Кру-

зенштерна, а многое, напротив, вовсе не найдут или найдут представленным иначе, чем в том труде, который всеми признан превосходным.

Моей целью не могло быть дать морское описание этого путешествия или заниматься политической либо торговой целью экспедиции, планом путешествия, организацией и оснащением кораблей.

Всё это после появления труда нашего достойного начальника было бы излишним и оказалось бы не на своём месте.

Я старался выделить предметы, представлявшие мне общеинтересными, нравы и обычаи различных народов, их образ жизни, продукты стран вообще и исторический ход нашего путешествия и в популярном изложении сообщать лишь такие события, о которых я мог предполагать, что они будут новыми, поучительными и желанными для читающей публики всех сословий.

Насколько мне удалось достигнуть своей цели, я должен предоставить судить другим.

Строгая любовь к истине есть не достоинство, а обязанность каждого описателя путешествий, и в самом деле при путешествии такого размаха нет нужды выдумывать приключения и сочинять сказки, поскольку оно само по себе предлагает столь много замечательного и интересного, что приходится прилагать усилия, чтобы всё воспринять и ничего не упустить.

Поскольку я полагаю, что собственно научные, естественно-исторические описания растений и животных не принадлежат книге, которая должна представлять общие взгляды и занимать читателей всех сословий, я совершенно отделил их от неё и впоследствии издам отдельными выпусками; с ботаническими я уже начал, поскольку познание растений в наши дни сделалось самым любимым разделом естественной истории.

Вклады в познание насекомых, рыб, птиц и т. д. будут следовать за ними постепенно, если позволят время и силы.

Чтобы путешествовать с пользой, требуется в известной мере особая способность, которую едва ли можно приобрести иначе, как посредством прежних путешествий.

И мне посчастливилось посредством предшествовавших меньших странствий подготовить себя к этому более крупному.

После того как в 1797 году в Гёттингене я получил степень доктора медицины и хирургии, я сопровождал в Лиссабон принца Christian von Waldeck, отправлявшегося генералиссимусом в португальскую армию.

Уже в молодые годы меня пленяли предметы природы; наставления Блуменбаха придали моему влечению более определённое направление, а в Португалии передо мной открылось широкое поле для наблюдений и удовлетворения моей любознательности.

Мои профессиональные обязанности в качестве лейб-медика не удерживали меня от любимого занятия естественной историей, и в лице названного принца, который сам был учёным и другом наук, я находил всевозможную поддержку и поощрение.

Весной 1798 года я сопровождал его в военном путешествии через несколько провинций Португалии; к несчастью, он пережил его ненадолго и в следующем году умер от водянки грудной клетки, возникшей после потери руки.

По совету тогдашнего португальского министра Luiz Pinto de Souza Coutinho я предпочёл начать поприще практического врача в Лиссабоне, под прекрасным небом и в дружеском кругу образованных и любезных людей, нежели возвращаться в Германию.

Вскоре я приобрёл обширные знакомства и врачебное доверие в немецких, английских и португальских домах, которые, однако, едва оставляли мне время посвящать несколько часов дня исследованию множества открывавшихся мне новых и неизвестных произведений природы.

Это побудило меня принять предложение занять место *chirurgien-majord* при находившихся тогда в Португалии английских вспомогательных войсках, а именно при полку *de*

Castrier, поскольку при хорошем жалованье я мог в свободные часы полностью отдаваться любимому занятию.

С этими войсками я участвовал в 1801 году в кампании против испанцев, а когда после Амьенского мира 1802 года нас распустили и отправили в Англию, я воспользовался этим случаем и в начале 1803 года через Лондон и Париж возвратился на родину.

Между тем я велел отправить из Лиссабона в Гамбург и Гёттинген моё уже тогда значительное естественно-историческое собрание, куда и сам отправился, чтобы там обработать свои путевые заметки о Португалии.

Дружба, которой меня удостоили первые естествоиспытатели Франции, а именно Haüy, Olivier, Bose, d'Antin, Latreille, Geoffroy, Prognart, Dumeril и др., и честь, которую почти в то же время оказала мне Императорская Академия наук в С.-Петербурге, назначив меня своим корреспондентом, всё это придало мне мужества и сразу после моего прибытия в Гёттинген возбуждало во мне живое желание предпринять более значительное путешествие исключительно с естественно-исторической целью.

Для этого едва ли могла представиться лучшая и более желанная возможность, чем отправиться с первыми русскими кругосветными мореплавателями.

Как корреспондент Академии я считал себя в известной мере вправе без околичностей искать её поддержки для своего намерения.

Итак, я письменно обратился к ней, и хотя достойный господин государственный советник и кавалер von Krafft и господин коллежский советник и кавалер von Adelung сделали всё возможное, чтобы поддержать моё прошение, всё же 18 августа 1803 года в Гёттингене я получил от первого письмо, в котором он сожалел, что не узнал о моём желании раньше, поскольку теперь времени слишком мало, так как корабли «Надежда» и «Нева» с первым ветром отплывут и пробудут в Копенгагене не более восьми дней; кроме того, поскольку господин доктор Tilesius уже назначен естествоиспытателем экспедиции и его ожидают в Хельсингёре, а я, вероятно, не захочу предпринимать путешествие наудачу и за собственный счёт, мне нельзя обещать ничего определённого относительно моего прошения и т. д.

Тем не менее я остался верен своему намерению и не хотел окончательно отказываться от него, пока не буду совершенно убеждён в невозможности его осуществления.

Поэтому я решился столь быстро и ещё в тот же день, не теряя времени, отправился в Копенгаген.

Утром 21 августа я прибыл в Любек и как раз нашёл в Травемюнде готовый к отплытию корабль, направлявшийся в Копенгаген, на который и сел.

В ночь с 22-го на 23-е мы снялись с якоря и при благоприятном ветре рано утром 24-го достигли Копенгагена.

Здесь я остановился в гостинице господина Rau, где, к моей величайшей радости и удовлетворению, нашёл на постое большинство офицеров, принадлежавших к экспедиции фон Крузенштерна.

Это обстоятельство вселило в меня новую бодрость и показалось мне счастливым предзнаменованием; и в самом деле, успех соответствовал моим желаниям, ибо я столь настойчиво обратился к предназначенному в Японию посланнику и камергеру v. Resanoff, что он наконец, преимущественно по представлению и ходатайству превосходного капитана v. Krusenstern, действительного начальника экспедиции, позволил мне стать участником этого путешествия.

Я не могу отказать себе в том, чтобы здесь публично принести нашему достойному начальнику, господину v. Krusenstern, чьи общепризнанные заслуги стоят гораздо выше моих похвал, мою должную благодарность за его добрую поддержку и за всю дружбу, которую он оказывал мне в этом путешествии и впоследствии.

Не меньше благодарю я моего друга и спутника, господина надворного советника v. Tilesius, который при самых обширных научных познаниях обладает редкими талантами к

изящным искусствам и не только уже сообщил мне различные свои эскизы, но и обещал украсить несколькими рисунками вторую часть моего описания путешествия.

Ему, а не художнику экспедиции, обязаны мы всеми историческими листами атласа Крузенштерна, и, кроме того, он обладает чрезвычайно многочисленным собранием изображений естественно-исторических предметов, которое постепенно обрабатывает и сообщает учёному миру.

Научная часть моего труда, касающаяся географии Японии и языка Tschoka, получила значительное дополнение благодаря ценным замечаниям господина надворного советника Julius v. Klapproth, поскольку этот учёный друг и коллега любезно сообщил мне в переводе несколько интересных сведений из японских карт и географических сочинений этой нации.

Доброте талантливого художника, господина Alexander Orloffsky, обязан я портретом француза Joan Cabri и несколькими другими листами, а корабельному мастеру, господину Iwan Petrowitsch Korükin, — чрезвычайно точными и чисто вычерченными планами и описаниями всех судов народов, которых мы посетили.

Каждому из этих достойных мужей я здесь публично, в доказательство моей признательности, приношу самую сердечную и тёплую благодарность за их дружеские старания и любезно сообщённые материалы.

С.-Петербург,

12 июня 1811 года.

G. H. v. Langsdorff.

ПУТЕШЕСТВИЕ

ИЗ КОПЕНГАГЕНА В БРАЗИЛИЮ,

ЮЖНОЕ МОРЕ,

КАМЧАТКУ И ЯПОНИЮ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъезд из Копенгагена в Англию. Пребывание в Фалмуте. Морское путешествие на Тенерифе. Описание этого острова и Пика. Путешествие в Бразилию.

Сентябрь 1803.

Хотя якоря были подняты 8 сентября 1803 года в Копенгагене, мы всё же из-за противного ветра должны были ещё на несколько дней отложить наше путешествие, так что лишь 15-го смогли покинуть Хельсингёр. В ночь с 18-го на 19-е для дружеского приветствия в Скагерраке нас встретил сильный шторм, и большинство наших непривычных к морю путешественников, к числу которых в особенности принадлежали господа кавалеры посольства, были весьма основательно больны морской болезнью. Корабль ужасно качало, и о горячей кухне нечего было и думать.

Рёв ветра, — ударявшиеся о корабль и разбивавшиеся в брызги волны, звон, грохот и стук, крики и шум людей — всё это представляло для многих новое и непривычное зрелище. — Вечером 19-го мы заметили необыкновенно красивое северное сияние, которое привлекло к себе внимание всех нас. — На западно-северо-западном горизонте поднимались огненные столбы, которые попеременно и как бы толчками становились то ярче, то бледнее. Рефракция, или испарения, этих столбов образовывала вокруг них светлое дугообразное сияние, которое постепенно всё более расширялось и поднималось до зенита, где, становясь всё бледнее и бледнее, наконец терялось в атмосфере.

При переменчивой погоде, со штормовым ветром, штилями, дождём и солнечным сиянием, мы 28-го рано утром достигли гавани Фалмута, куда капитан фон Крузенштерн зашёл, чтобы ещё запастись провизией, инструментами и другими необходимыми вещами.

Фалмут.

Фалмут, на юго-западной оконечности Англии, имеет очень хорошую гавань, которая защищена замком с одной стороны и небольшим фортом с другой и по своему положению и якорному грунту должна быть причислена к лучшим в Англии.

Сам город мал и незначителен. — Все пакетботы в Португалию, Ост- и Вест-Индию входят сюда и выходят отсюда. Это регулярное судоходство и значительное рыболовство составляют главные источники существования этого места; здесь, несмотря на то что оно находится более чем в 700 английских милях от столицы, всё же встречаются весьма значительные товарные склады всякого рода.

Фалмут расположен в графстве Корнуолл, которое своим пустынным, сухим и бесплодным видом отличается от всех прочих английских провинций; однако вид обманчив, и Корнуолл, скрывающий свои сокровища в недрах земли, есть одна из богатейших и интереснейших провинций, дающая большое количество лучшего олова и превосходнейшей меди, а также немного серебра и каменного угля.

Минералог находит здесь совершенно исключительные редкости, а именно мышьяково-кислую медную руду, древесное олово и оловянный колчедан. Ближайшие к Фалмуту богатые рудники — медные копи в Редруте.

Всего в нескольких английских милях от Фалмута находится маленькая деревушка Менакан, которой менаканит, или титановый песок, обязан своим названием. Чтобы получить его в чистом виде, его приходится с большим трудом вымывать из песка.¹²

Морское побережье богато рыбой, раками и устрицами. — Рыбный рынок всегда обильно наполнен рыбами различных видов, среди которых во время моего пребывания я особенно заметил следующие: *Raja Batis*, *Raja Rubus* Gmel., *Esox Belone*, *Mullus barbatus*, *Muraena conger* и некоторые виды *Perca*, *Labrus* и *Pleuronectes*. *Squali*, или акулы, иногда также попадают, однако на рынок их не приносят, а употребляют лишь как приманку при ловле на удочку.

Trigla lineata обитает только здесь, в Корнуолле, а *Pilchard* (*Clupea Pilchardus*), совершенно особый и ещё очень мало известный вид сельди, особенно привлёк моё внимание. Эта рыба ловится здесь у берегов в большом количестве, ценится на столе и богатых, и бедных, в больших количествах засаливается и главным образом вывозится в Гибралтар и к Средиземному морю.

Октябрь 1803.

После того как мы снабдились лучшей провизией и полагали, что имеем на борту всё, что казалось нам необходимым для столь важного и далёкого путешествия, мы отсалютовали крепости и сторожевому кораблю и 5 октября при попутном ветре и прекрасной погоде покинули европейский берег. Ожидания каждого были напряжённо обращены к предстоявшим нам событиям. Отрезанные от остального мира, отданные на волю ветров и волн и имея отныне перспективу по меньшей мере на 6–8 месяцев с каждым часом всё дальше удаляться от родителей, братьев и сестёр, родственников, друзей, словом, от всего, что нам мило и дорого, мы, конечно, не могли не испытывать по этому случаю в сердцах большинства множество противоречивых чувств.

Капитан фон Крузенштерн предпочёл в качестве нашего первого места пополнения запасов Тенерифе острову Мадейра, поскольку на последнем высадка гораздо дороже и провизия всякого рода значительно более дорогая. Поэтому наш курс был направлен прямо к Канарским островам. Английский берег вскоре исчез из виду, и перед нами лежал великий Атлантический океан.

¹ Шахты и рудные жилы копей в Пензансе и других местах Корнуолла, вероятно, принадлежат к замечательнейшим на нашем земном шаре, поскольку они разрабатываются на значительной глубине под водами самого моря.

² Господин надворный советник Klaproth в Берлине, получивший через сэра John Hawkins полное собрание корнуолльских минералов, химически исследовал их и определил их составные части.

Многие люди пребывают в заблуждении, будто большое продолжительное морское путешествие³ должно быть чрезвычайно скучным, поскольку ежедневно видишь лишь воду и небо, и полагают, что дух каждого утомляется вечным однообразием. Но это, вероятно, лишь редко или никогда не бывает так и случается только с теми людьми, которым и на суше повсюду скучно, если их не развлекают театр, бал, концерт или карточная игра.

При такой экспедиции, как наша, в многочисленном обществе учёных и любознательных людей, скучать было почти невозможно, и с тем же правом можно было бы утверждать, что каждому в отдельности не хватало времени, чтобы воспользоваться им с желаемой пользой.

Я попытаюсь описать течение обычного дня, чтобы дать каждому возможность лучше судить об этом.

Те, кто вставал утром несколько позднее, всё же по меньшей мере к 8 часам приходили к чаю или кофе. Общий разговор составлял рассказ об особенных событиях ночи: как изменились ветер и погода и насколько мы продвинулись.

После завтрака начинались личные занятия каждого. При имевшейся на борту избранной и обширной библиотеке, особенно состоявшей из описаний путешествий и географических карт, которую капитан фон Крузенштерн с присущей ему дружеской предупредительностью предоставлял в распоряжение каждого, было нетрудно найти весьма интересное чтение; таким образом, утро проводилось за чтением, письмом, рисованием, определением высоты Солнца и вычислением лунных расстояний.

Канарские острова, которых мы надеялись достичь через несколько дней, естественно занимали мысли каждого: теперь главным образом брались все описания прежних путешественников, посещавших эти острова. Каждый в отдельности уже как бы изучил их открытие, историю, положение и продукты, образ жизни их жителей и т. д.; припоминались сравнения различных описателей путешествий, прежнее и нынешнее государственное устройство, военные события, неудавшееся нападение англичан, при котором храбрый Nelson потерял правую руку, и т. д. и т. д., и всё это давало материал для научных споров, приятной и поучительной беседы, остроумия и шуток. Если же во время разговоров несколько разгорячались, то некоторое время гуляли по палубе, вдыхали свежий воздух и снова остывали. Стаи морских свинок, или дельфинов (*Delphinus Delphis* L.), бониты (*Scomber Pelamys*), летучие рыбы (*Exocoetus volans* L.), плавающие в океане морские водоросли (*Fucus*), — следовавшая за кораблём акула, многие прежде ещё не виданные нами морские птицы, — киты, — бедная сухопутная птичка, которую сильным ветром унесло с суши и которая нашла спасение на корабле, — чужое судно, замеченное на горизонте, — ожидание близкой земли — всё это и тысяча других предметов занимали, веселили и развлекали нас, так что я весьма склонен утверждать, что путешествие по морю столь же занимательно, как и по суше, при условии, что на суше не останавливаешься на каждой почтовой станции и в каждом городке. — И почему же такой образ жизни должен быть утомительнее жизни учёного? Почему он должен казаться более продолжительным, чем жизнь ремесленника? Среди разнообразных занятий и перемен таким образом проходило утро. Около 2 часов садились за стол, уставленный хорошими блюдами, за которым ежедневно принимали участие 22 человека. — После обеда снова работали до времени чая. — Дневник занимал каждого, а день заканчивали за весёлыми вечерними разговорами и чашей пунша, который, если употреблять его умеренно, при влажном воздухе и вообще во время морских путешествий следует рекомендовать как очень полезный и почти всякому организму весьма благоприятный. — Несколько наших спутников были любителями музыки, и потому иногда случалось, что тихим прекрасным вечером исполнялись дуэты и квартеты.

³ Я говорю здесь о морском путешествии в собственном смысле слова, ибо о переправе из Дувра в Кале или из Куксхафена в Лондон здесь, конечно, не может быть речи.

Погода была для нас довольно благоприятна, с каждым днём мы приближались к лучшему климату и при ясной погоде 19 октября увидели серебряную снежную вершину всемирно знаменитого Пика Тенерифе с расстояния примерно в два градуса широты.

Тенерифе.

20-го мы бросили якорь у Санта-Круса, на восточной части рейда, на глубине 36 сажень, под $28^{\circ} 27' 55''$ северной широты и $16^{\circ} 15' 50''$ западной долготы от Гринвича.

Санта-Крус, на северо-восточной стороне острова Тенерифе, представляет довольно хорошую бухту, которая, однако, мало или совсем не защищена от восточных и юго-восточных ветров. Городок, состоящий из нескольких сотен домов, с некоторого расстояния от берега выглядит очень хорошо. — Дома большей частью в один или два этажа; немногие имеют балконы, большинство снабжено деревянными решётками перед окнами, как это обычно в Испании и Португалии. Улицы правильные, чистые, хорошо вымощены лавой и с обеих сторон снабжены тротуарами, или широкими, частью несколько приподнятыми камнями для пешеходов, так что очень приятно встретить столь опрятно выстроенный городок под небом, столь далеко от нас отстоящим.

Внутреннее устройство домов, одежда, нравы и обычаи страны так мало отличаются от испанских, что можно было бы подумать, будто перенесён в метрополию. Улицы во всякое время наполнены множеством людей, причём женщин больше, чем мужчин, а по вечерам особенно — распутными бесстыдными девками и всякого рода оборванцами, которые скорее похожи на бандитов, нежели на цивилизованных людей; кроме них, здесь множество нищих, которые в рваной одежде и полунагие отвратительными кожными высыпаниями внушают отвращение всякому чужестранцу и имеют вид разбойников и мошенников.

Нынешним своим процветанием это место обязано преимущественно судоходству. Совсем близко к берегу находят якорный грунт на глубине 15, 20 и 30 сажень. Корабли, особенно если приходят сюда на месяц раньше нас, могут очень хорошо и дёшево снабдиться провизией. Виноград, персики, груши, лимоны, апельсины, бананы, миндаль, каштаны, инжир, дыни, картофель, лук и другие огородные растения являются продуктами страны и в изобилии доставляются из окрестностей. Зерно выращивают частью на этом, а ещё больше на соседних островах; соли же не хватает, поэтому, как меня уверяли, её иногда привозят из Португалии. Вино, один из главных предметов торговли Канарской группы островов, хорошее и вдвое дешевле мадерского, поэтому весьма вероятно, что в Англии, Франции и Германии часто продают tenerифское вино за мадеру. — Один уважаемый купец уверял, что качество последней и главное различие состоят преимущественно в небольшом прибавлении французской водки, которую на Тенерифе нельзя выгодно достать. — Собственно гостиниц здесь нет, зато тем больше гостеприимства, самые обязательные доказательства которого оказал нам господин Armstrong. — Среди низшего класса народа, по-видимому, царит очень большая бедность; многие даже не едят печёного хлеба, а растирают зерно между двумя камнями в муку и съедают её, предварительно замесив рукой с водой или молоком. Иногда они питаются также одним лишь жареным зерном.

Рыбный рынок был обильно снабжён, однако за время нашего короткого пребывания я не заметил большого разнообразия рыб. — Макрель (*Scomber Scomber*) ежедневно в большом количестве приносили на рынок; акул едят бедные люди. Из скатов (*Raja*) я заметил два вида, у обоих был отрублен хвост, вероятно потому, что и здесь, как и в Европе, сильные хвостовые шипы считают ядовитыми. Один вид, по-видимому, был *Raja Aquila*, другой же, совершенно голый и с очень заострённой головой, я не решаюсь определить по столь несовершенному экземпляру. Кроме них мне попадались ещё несколько видов, как то: *Esox Belone*, *Muraena Helena*, *Sparus*, *Labrus*, *Chaetodon* и один *Salmo*.

Рыбу ловят большей частью на удочки, вместо лесок употребляют латунную проволоку, которую привозят сюда из Кадиса. Для ловли макрели 6–8 человек вечером садятся в неболь-

шую лодку, на которой, как только стемнеет, с обеих сторон разводят большой смоляной огонь. Удочки не опускаются глубоко в воду, и почти каждую минуту с них снимают рыбу; эта ловля часто продолжается всю ночь, и приятно видеть в темноте столько ярких огней на воде.

В Санта-Крусе находятся два мужских монастыря. Город имеет несколько свободных площадей и общественную прогулочную аллею, которая, однако, за исключением воскресенья, посещается мало. На рыночной площади стоит памятник из белого мрамора, изготовленный в Италии и воздвигнутый здесь в честь Девы Марии Канделарии на средства одного дворянина. Говорят, что основатель истратил на него большую часть своего состояния и тем самым весьма расстроил своё домашнее хозяйственное положение.

Город, местопребывание нынешнего губернатора, и остров снабжены укреплениями и крепостями и защищаются полком солдат.

Остров состоит из крутых, почти неприступных гор и скал, несущих на себе самые явственные следы древних вулканов; куда ни посмотришь, повсюду видишь лавы различных видов, из них построены все дома и укрепления, ими вымощены все улицы.

Во время экскурсии вдоль морского берега к северо-восточной оконечности острова я после доброго часа пути достиг небольшой деревни St. Andrés. У близлежащих гор я наблюдал вулканические продукты, смешанные с большим количеством обсидиана, шерла и пироксена. У более отдалённых я нашёл несколько рыхлых и пористых лав с примесью железистой, как бы обожжённой глины. Здесь и там я видел в больших бесформенных массах маленькие и большие так называемые базальтовые шары, а в других местах — глинистую породу, частью пронизанную известковым шпатом, частью как бы облитую им. Примерно в получасе от St. Andrés самый нижний слой гор состоит из настоящего траппа, к которому примыкает лава. — В глубокой долине по соседству с этим местом я наблюдал мелкозернистый гранит с большой примесью шерла. — На крутых склонах гор в различных местностях острова находятся несколько гротов, или подземных пещер, которые в древнейшие времена, как говорят, были населены первыми жителями острова, гуанчами. — Несомненно то, что во многих из этих пещер ещё и теперь находят множество человеческих костей, а иногда, хотя чрезвычайно редко, и целые трупы, зашитые в кожу и высушенные. Одну такую естественную мумию можно видеть в Парижском национальном музее, другую нам посчастливилось получить для Санкт-Петербургского музея.

Об исконных жителях, гуанчах, мы не смогли получить удовлетворительных и точных сведений. Нас уверяли, что кое-где на острове существуют семьи, которые ещё следует считать потомками гуанчей с несмешанной испанской кровью. Мы также видели мужчин, имевших весьма отталкивающий вид и больше похожих на грубых и диких, чем на цивилизованных людей; — грязный желтовато-бурый цвет кожи, бедность и скудная одежда, нечистоплотный образ жизни — всё содействовало тому, чтобы произвести на нас, европейцев, дурное впечатление и заставить считать большую часть здешних жителей скорее гуанчами, чем цивилизованными испанцами.

Климат столь мягок, что даже зимой можно ходить в самой лёгкой одежде. Мы видели множество детей, нагими играющих на улицах, и мальчиков от 12 до 14 лет, совершенно без одежды занимавшихся на берегу. — Обычное показание термометра во время нашего пребывания составляло от 18° до 22° R.

В окрестностях имеется несколько ветряных мельниц; бедняк же, как уже сказано выше, растирает зерно между двумя круглыми камнями, из которых верхний, меньший, представляет лёгкую и пористую, а нижний, больший, — твёрдую и плотную лаву.

Санта-Крус и в отношении общественного общения не совершенно мёртв. Наше общество путешественников каждый вечер находило приятное развлечение у господина Armstrong, в английском торговом доме. — По предложению и при содействии этого дружелюбного человека несколько наших спутников предприняли небольшую поездку во внутреннюю часть острова, а именно в его северо-северо-западную часть, к Porto de l'Orotava. — Расстояние от

Санта-Круса составляет около 8–9 часов, или $4\frac{1}{2}$ немецкой мили. Согласно местному обычаю, такие экскурсии здесь совершают на ослах, мулах или совсем маленьких лошадях. Посланник фон Резанов, майор фон Friderici, доктор Laband, надворный советник Tilesius и я выбрали последний способ и потому утром 21-го отправились в путь. Дорога вела через La Laguna, La Matança, La Victoria и Santa Ursula. Примерно через час мы прибыли в La Laguna. Дорога сюда большей частью идёт вверх по слоям лавы и представляет довольно голый и не слишком занимательный вид. La Laguna — столица острова; она расположена в очень плодородной местности, где выращивается очень много зерна; сам город менее правилен, чист и красив и гораздо хуже вымощен, чем Санта-Крус. — Здесь находятся два женских и два мужских монастыря. — Мы посетили доминиканский монастырь, в котором нашли нескольких монахов, принявших нас очень учтиво, но в разговоре обнаруживших величайшее невежество, так что мы не смогли получить от них совершенно никаких сведений о местности; даже происхождение или история их монастыря были им неизвестны. Библиотека состояла из нескольких церковных книг, жизнеописаний знаменитых святых и т. д. — Мы попытались посетить также женский монастырь, но у его ворот старая монахиня-привратница учтиво и с таинственной улыбкой отказала нам во входе. Впрочем, нам показалось, будто ближе к вечеру эта добрая дама, вероятно, приняла бы нас дружелюбнее. — Изнурённые солнечным зноем и хождением, мы напрасно искали постоянный двор и увидели себя вынужденными обратиться к гостеприимству незнакомого горожанина, в доме которого немного отдохнули, подкрепились фруктами, вином и варёными яйцами, которые велели купить, а затем продолжили путь.

На небольшом расстоянии от города Laguna перед нами открылась широкая, прекрасная долина, засеянная зерном. — Почва, состоящая из выветрившейся лавы, казалась в высшей степени плодородной, хотя для глаза была пуста и утомительна, поскольку во всей округе едва можно было заметить куст или кустарник. Кактусы, фиговые и тутовые деревья были почти единственными, которые мы здесь видели. Примерно через полтора-два часа мы сменили эту плодородную местность на каменистую и гористую. Здесь особенно много занимаются виноградарством, и чем ближе мы подходили к местам La Matança, La Victoria и т. д., тем больше становилось число виноградников. В Santa Ursula, довольно значительной деревне, мы прибыли после наступления ночи. Вся деревня и окрестность собрались здесь, чтобы отпраздновать день святой Урсулы. Для этого по соседству и непосредственно у церкви было поставлено множество палаток, в которых продавались прохладительные напитки и всякие мелочи. Здесь и там виднелись группы танцоров и танцовщиц, которых сопровождали грубое пение и гитара. — Танец состоял в как бы парящем, очень медленном движении, так что люди почти не покидали однажды занятого места и лишь иногда делали *demi-chainé*. Скопление людей во мраке ночи имело скорее вид ярмарки, чем церковного праздника. — Нам оставалось ещё три часа пути отсюда до Porto de l'Orotava, и потому, удовлетворив любопытство, мы поспешили дальше.

Дорога от Santa Ursula была плохой, каменистой и неудобной; однако нас занимал высокий Пик, который казался стоящим совсем близко перед нашими глазами, хотя расстояние до него, вероятно, составляло ещё пять немецких миль. Большинство наших спутников не доверяли в темноте неуверенному шагу лошадей, поэтому сошли с них и пошли вниз с горы, у подножия которой уже издали, при ярком лунном свете, можно было заметить город Orotava, куда мы наконец после многих изгибов дороги прибыли утомлёнными около 9 часов. — Мы остановились у компаньона господина Armstrong, господина Barry, который, будучи заранее извещён о нашем прибытии, принял нас в своём доме весьма дружески и с большим гостеприимством.

Porto de l'Orotava — небольшой городок, постепенно выросший из нескольких рыбацких хижин и теперь ставший местом жительства богатейших купцов острова. — Улицы большей частью широкие, чистые и довольно хорошо вымощены. Здешняя бухта далеко не так хороша и безопасна, как бухта Санта-Круса. Вблизи берегов много скал и сильный прибой. — Город

и окружающая местность имеют прекраснейшее положение и, поскольку находятся на северной стороне Пика, меньше подвергаются палящему солнечному зною. — Большая часть виноградников острова находится в здешних окрестностях, и потому корабли нередко становятся на якорь далеко от берега, чтобы грузить здесь вина, но при всяком поднимающемся сильном ветре вынуждены выходить в море.

Самым интересным в здешнем городе, вероятно, является прекрасный ботанический сад, заложенный в 1795 году маркизом de Nava, богатым человеком, живущим в Laguna. — Как друг наук, он представил испанскому двору план, по которому здесь следовало выращивать растения со всех частей света и попытаться таким образом постепенно приучить несколько полезных растений жарких земных поясов к более холодному европейскому климату. — План был одобрен, и правительство обещало поддержать это предприятие. Сам маркиз ни в чём не допускал недостатка и, чтобы как можно скорее увидеть осуществление дела, авансировал для него правительству значительные суммы. Вот уже несколько лет он старается получить возмещение этих весьма значительных расходов, но, к сожалению, напрасно, так что весьма вероятно, что этот памятник, который сделал бы честь нации и частному человеку, вскоре снова придёт в упадок; это тем более достойно сожаления, что сюда уже пересажено около 5000 редчайших видов растений, главным образом из Мексики, Перу, Чили и с мыса Доброй Надежды, которые под руководством искусного садовника, выписанного из Англии, находятся в самом прекрасном состоянии. Он также старался выращивать здесь в саду растения, свойственные Канарским островам; однако всему этому вскоре придёт конец, поскольку маркиз оказался в весьма стеснённых имущественных обстоятельствах, а государство, по-видимому, не желает принимать в этом участия.

Драконовы деревья (*Dracaena Draco* L.) являются местными для этой группы островов, но жители, хотя и знают их пользу, очень мало стараются извлечь из них возможную выгоду. Примерно в часе пути от Porto de l'Orotava находится Villa того же имени, где у дома Don Pedro Franchy растёт драконово дерево, окружность которого, как говорят, составляет 42 английских фута. Время не позволило нам осмотреть эту редкую достопримечательность природы. 25-го мы вернулись в Санта-Крус. Капитан фон Крузенштерн тем временем позаботился о воде, дровах, вине и другой корабельной провизии; от наших офицеров мы услышали, что, пока мы развлекались в Orotava, они дали на борту «Надежды» бал.

Команда укрепилась и освежилась, и 26 октября мы все были готовы к путешествию.

Пик.

Прежде чем покинуть этот остров, я должен всё же сказать несколько слов о всемирно знаменитом Пике Тенерифе. Из всех высоких гор нашего земного шара эта, несомненно, одна из самых известных. По лучшим геометрическим определениям Borda её высота указывается в 1905 туазов, по другим — лишь в 1901 туаз. С тех пор как мы ближе познакомились с Новым Светом и узнали, что Chimborazo имеет высоту 3357, Cayambe Urku — 3030, l'Antisana — 2993, Соторахи — 2952 туаза и что существует ещё большое множество других гор, намного превосходящих Пик по высоте, он многое утратил от своей прежней славы.

Как бы сильно ни желали некоторые из нашего общества подняться на эту гору, короткое и неопределённое здешнее пребывание противилось нашему намерению, а кроме того, жители уверяли нас, что в уже позднее время года мы не преодолеем больших трудностей и, вероятнее всего, вернёмся, ничего не достигнув. — Поэтому нам пришлось отказаться от нашего намерения. —

Но поскольку эта во многих отношениях чрезвычайно примечательная гора весной этого года была посещена господином Cordier, усердие и познания которого, особенно в минералогии, достаточно известны, я хочу здесь кратко сообщить моим читателям из его рукописи результаты новейших наблюдений этого учёного путешественника.

16 апреля он отправился из Porto de l'Orotava, чтобы подняться на Пик. Он нашёл равнину, на которой стоит эта гора (Las faldas de las Cañadas), на высоте 1100 туазов над поверхностью моря и покрытой только стекловидной лавой и пемзой. Большое количество дрока (*Spartium supranubium*) вместе с некоторыми лишайниками разделяло владение этой огромной пустыней. — У Stancia de los Ingleses было отмечено положение барометра 19 дюймов 9,05 линии и температура $+4^{\circ},09$ R. — По соответствующим наблюдениям Stancia находится на высоте 1529 туазов над поверхностью моря. Дрок встречается ещё и на этой высоте, хотя и сильно искривлён. — 19-го в 12 часов термометр опустился до $+5^{\circ}$. Холод, однако, был вполне терпим. За три часа он достиг вершины Пика. — Чтобы попасть туда, приходится карабкаться через груды стекловидной лавы, состоящие из очень больших, грубых и острых кусков. Крутой склон, ведущий к вершине, усеян раздробленной пемзой, которая из-за своей подвижности сильно утомляет. При ясной атмосфере и мягкой погоде можно было видеть лишь острова Hierro, Gomera, Palma и Canaria. — Стены кратера внутри отвесны и выше с северной стороны. Спуститься вниз можно лишь через три расщелины. Внутреннее пространство эллиптическое, около 1200 футов в окружности и 110 футов глубиной. Крутые склоны, ведущие в глубину кратера, состоят из белой земли, являющейся продуктом разложения стекловидной лавы. — Кристаллы серы прекраснейшего цвета и самого живого блеска украшают внутренние стены. Горячие пары, часто поднимавшиеся со всех сторон, несомненно, приходили из глубины в несколько часов пути и заставляли термометр, помещённый в одну из трещин, подниматься выше 80° R.; они состоят только из серы и несовершенной безвкусной воды. Примечательно, что рядом с инкрустациями серы, которые образуются этими парами за короткое время, находят опал в различных формах.

В восемь часов господин Cordier находился ещё в 14 туазах от вершины, барометр стоял на 18 дюймах 4 линиях, термометр — на $-6^{\circ},09$. В то же время барометр в Porto de l'Orotava стоял на 28 дюймах 5 линиях, термометр — на $+19^{\circ},09$. Место этого последнего наблюдения находилось на 7 туазов над поверхностью моря, и результат всего вычисления, увеличенный на 84 туаза, даёт высоту Пика в 1901,02 французского туаза. Наклонение магнитной стрелки постоянно было направлено более чем на 5° к южному полюсу.

То, что утверждают о сильном холоде, об ослаблении спиртных жидкостей, о затруднённости дыхания и о явлении солнечного диска, господин Cordier нашёл сильно преувеличенным и неверным и уверяет, что холод был вполне терпим, что ликёры нисколько не потеряли своей крепости, что гидросернистые пары не причиняли никаких затруднений при вдыхании и что разреженность воздуха отнюдь не была для него тягостной, хотя довольно часто заставляла его останавливаться по мере приближения к вершине.

Хотя наблюдения господина Cordier отличаются от наблюдений предшествовавших путешественников, всё же одни вполне могут существовать наряду с другими, ибо известно, что в Швейцарских Альпах холод часто меняется в течение одного часа. Таким образом, господин Cordier был очень счастлив, что при восхождении на Пик застал чрезвычайно благоприятный момент. Он покинул это интересное место, пробыв там три четверти часа. — При спуске он очень скоро достиг *paríces del Pico*, или ноздрей Пика. Это две расселины у подножия вершины, постоянно испускающие водяные пары. Здесь поблизости находится пещера *cueva del hielo*, о которой рассказывают тысячу приключений. О ней можно составить представление, если вообразить грот, который иногда образует текучая лава, разрываясь над пустым пространством. Дно этой пещеры обычно наполнено обильным пропитанным водой снегом, однако иногда и летом бывает сухим. Различные лавы, встречающиеся на этом пути, имеют ту особенность, что показывают переход обсидиана в пемзу. — Существуют ещё некоторые другие вулканы.

Кратер вулкана, залившего лавой гавань Garachico, находится в пяти часах от Orotava, новый вулкан — в семи часах от Icod de los vinos. — Три отверстия, излившие лаву на равнину de las Cañadas, лежат одно над другим на крутом склоне горы de la Chahorra, которая

сама представляет огромное продолжение подножия Пика с юго-западной стороны. Самое большое имеет 1200 шагов в окружности, его края возвышаются примерно на 1500 туазов над поверхностью моря. Спуститься можно только в два других. Сера встречается в небольшом количестве, а пары почти совершенно утратили значение. При восхождении на высоту горы de la Chahorra господин Cordier открыл новый кратер, который до него ещё не был замечен. Он находится примерно на 1600 туазов над поверхностью моря и красивее всех известных. Его окружность может составлять около полчаса пути, он очень древний и ещё показывает на своих крутых боковых стенах самые явственные следы страшнейшего огня. Пик стоит на его краях; незнание, в котором до сих пор находились относительно этого прекрасного явления, происходит оттого, что подняться на края Пика с северной стороны невозможно.

Вулкан Guimar находится на высоте 670 туазов над поверхностью моря, на крутом склоне, ведущем к La Cumbre. После того как на самых крутых склонах образовалась масса площадью более квадратного часа пути, лава распространилась на равнину los barrancos, находившуюся у подножия этих крутых возвышенностей. Одна её часть протянулась до половины часа пути от моря и на 2½ часа пути от кратера. Лавы серые, петросилексоподобные, смешанные с кристаллами авгита и оливина. Шлаки теперь разлагаются и образуют мелкий песок, который, возможно, можно было бы сделать плодородным посредством обработки.

27 октября после полудня якоря были подняты, и под гром пушек мы отправились в путешествие к Бразилии. Атмосфера была необыкновенно чиста, так что утром 29-го в 6 часов мы ещё могли видеть Пик с расстояния более 100 морских миль; теперь нам предстояло морское путешествие примерно в 2½ месяца, которое, хотя кому-нибудь может показаться ужасно скучным, для каждого из нас было весьма занимательным.

Через несколько дней после нашего отплытия мы оказались между тропиками и, благоприятствуемые так называемыми пассатами, имели самое приятное плавание. Термометр показывал большей частью от 20° до 22°, и лёгкой одеждой, особенно из нанкина, мы старались сделать жару для себя терпимой.

Корабль теперь столь спокойно рассекал волны, что лишь сильные порывы ветра временами напоминали нам о морском путешествии. Ночи были прохладными и часто влажными, и капитан фон Крузенштерн зорко следил за тем, чтобы ни офицеры, ни матросы ночью не спали на палубе легко одетыми или вовсе без покрытия. В самом деле, некоторые считали это слишком строгой дисциплиной, полагая, что прохлада ночи укрепляет их, однако счастливый результат и сохранение здоровья каждого на борту достаточно показывают, что этому превосходному человеку все единодушно обязаны выразить самую сердечную благодарность за его большую заботу.

Большинство наших северных путешественников находили тёплый климат весьма приятным и сходились во мнении, что при 20°–24° холода вполне можно отморозить нос и уши, тогда как при такой же степени тепла нечего опасаться ничего вредного для здоровья. Богатства южных стран, где природа почти без содействия человека производит плоды и пищевые продукты всякого рода, где не приходится заботиться ни о тёплом жилище и дровах, ни о тёплой одежде, — всё это, по-видимому, достаточно доказывает, что существование человека в более мягких поясах естественно, а в более холодных искусственно, и именно поэтому там, где нужда заставляет нас больше напрягать дух и где взаимная деятельность имеет единственной целью удовлетворение забот о пропитании, следует искать гораздо более высокой культуры.

Только один русский, телосложение которого уже прежде было расстроено, жаловался на невыносимость жары.

Ежедневно у нас были новые зрелища и развлечения различного рода. Тропические птицы (*Phaëthon aethereus* L.), летучие рыбы (*Exocoetus* et *Trigla volitans*), бониты и тунцы (*Scomber Pelamys* и *Scomber Thynnus*) и т. д. теперь чаще показывались в этих областях, иногда ту или другую рыбу удавалось убить гарпуном; однако эта охота была у нас менее успешна, чем

рассказывают другие путешественники, утверждающие, будто часто и во множестве ловили рыб. — Несколько раз мы убивали также небольших акул (*Squalus coeruleus* L.), которых матросы за отсутствием свежего блюда с удовольствием съедали, и тогда любовались их обычными спутниками (*Echeneis remora* и *Gasterosteus Ductor*), корабельным прилипалой, или рыбой-присоской, и лоцманом. Во время штилей мы иногда наблюдали также с трудом пойманных галер (*Physalis pelagica*). Необыкновенное строение, или форма, этого существа, похожего на маленький пузырь, к которому прикреплено множество нитей, красивые цвета и новизна предмета радовали всех нас. Отдельные присасывающиеся бугорки нитей при прикосновении причиняют сильную боль и сильное воспаление кожи, словно на неё был наложен пластырь из шпанских мушек. При хорошей погоде иногда спускали шлюпку — либо для исследования прозрачности и температуры воды или морского течения и т. п., либо для ловли моллюсков, либо чтобы нанести визит нашей спутнице «Неве». Такие небольшие экскурсии в открытом море имеют много привлекательного, и каждый раз желающих было больше, чем мест в шлюпке.

Ноябрь 1803.

Чем ближе мы подходили к экватору, тем непостояннее становилась погода. Штили, шквалы и ливни часто сменялись грозой, облачным небом и солнечным сиянием; жара была терпимой и редко превышала 22° R.

26 ноября 1803 года до полудня мы пересекли экватор под 24° 20' западной долготы от Гринвича. Это событие достаточно интересно для всякого европейца, чтобы быть отмеченным в его дневнике; но гораздо замечательнее должен был быть этот день для русских, поскольку до сих пор мореплавание этой великой нации никогда ещё не распространялось до этих вод, а наши корабли были первыми, приблизившимися к южной половине земного шара. — В груди каждого пробудилось национальное чувство, и у нас, иностранцев, также забилося сердце, поскольку мы принимали равное участие в этой чести и полагали, что закладываем основу русской активной торговли, которая впоследствии могла бы иметь величайшее значение.

У каждого царило радостное настроение, и этот день стал для каждого праздником. Когда около десяти часов утра мы пересекли экватор, оба корабля («Надежда» и «Нева») подняли русский флаг. Согласно старому обычаю, каждого, кто впервые пересекает экватор, окунают в воду или по крайней мере обливают, и у нас этот обычай также был соблюден. — Один матрос, не лишённый природной весёлости и живости, чтобы придать всему больший эффект, переоделся Нептуном. Этот морской бог был одет совершенно так, как тот, кто обитает, пожалуй, у Северного или Южного полюса; ибо на экваторе он, вероятно, никогда ещё не появлялся в столь странном наряде. В руке этот северный Нептун вместо трезубца держал гарпун, которым мы охотились на рыб. С непостижимой деятельностью он черпал одно ведро воды за другим и обливал стоящих вокруг. Если при этом принять во внимание, что у нас была жара между 22° и 23° R., легко представить себе, как жарко стало этому доброму матросу, который под своей маской и закутанный в толстую шубу несколько часов прыгал по палубе и исполнял свою возвышенную роль к всеобщему удовольствию зрителей.

Командир другого корабля («Нева»), капитан Lisiansky, в тот момент, когда русский флаг приветствовал экватор, велел своему кораблю повернуть и под полными парусами, при троекратном «ура» всех матросов, выставленных на мачтах, прошёл совсем близко мимо нас; мы ответили на это с радостным сердцем и во весь голос.

Морской бог сделал ещё всевозможные прыжки, а затем, чтобы и ему, и остальному экипажу этот памятный день русского мореплавания остался в памяти, посланник фон Резанов торжественно велел вызывать на палубе всех матросов одного за другим и каждому вручить по пиастру (испанскому талеру). Между тем наступило время обеда, и с самым весёлым расположением духа все сели за стол. Во время еды под гром пушек пили за здоровье Его Императорского Величества, милостивейшего монарха, благодетеля своих подданных, покровителя

мореплавания и торговли; и за великий императорский дом, а стол завершили тостами за министра торговли графа von Romanzoff и морского министра Tschitschagoff, президента Академии наук в С.-Петербурге v. Novossilzoff, директоров Российско-Американской торговой компании, нашего храброго командира фон Крузенштерна, посланника фон Резанова и всех наших друзей, родственников и участников предприятия. Мы как раз достигли такой степени веселья, которую можно только чувствовать, но невозможно описать, когда встали из-за стола и поднялись на палубу. Здесь ликование началось вновь, капитана фон Крузенштерна, посланника и всех офицеров одного за другим поднимали с радостными криками и «ура!» и качали на руках. Это у русских обычай, выражающий величайшее уважение и почёт, которые таким образом дают понять. Радости этого памятного дня завершились пуншем.

Жара под экватором и вообще между тропиками вовсе не столь невыносима, как обычно себе представляют. Если судить по моему ощущению, то я должен признаться, что жара действительно знойного летнего дня в самом северном краю Европы гораздо тяжелее, чем постоянное днём и ночью тепло под экватором; ибо в тех областях редко проходит день, когда прохладный грозовой дождь не освежил бы всю природу.

Подобно тому как на севере стараются защититься от зимнего холода тёплой одеждой и меховой шапкой, так в более тёплых климатах защищаются от солнечного зноя чрезвычайно лёгкой и тонкой одеждой и большой лёгкой соломенной шляпой.

Наш Нептун, который при 22°–23° R. в маске, толстой шубе и в непрерывном движении несколько часов прыгал вокруг, выдержал, вероятно, совершенно необычную степень жары и после этого чувствовал себя столь же хорошо, как прежде. Возможно, привычка и употребление русских паровых бань много способствовали тому, чтобы сделать его нынешнее положение более переносимым. Вообще поразительно, когда мы сравниваем меры современного мореплавания с мерами прежних времён, и нам кажется смешным, когда мы судим о предосторожностях тех эпох. Так, например, Narborough⁴ в 1670 году говорит: «Из предосторожности в жарких поясах я часто пускал кровь своим людям, и опыт показал мне, что этим предупреждались горячки». Этот мореплаватель, должно быть, имел очень здоровую команду; ибо на веских основаниях можно было бы доказать ему, что именно эта его предосторожность была достаточна, чтобы обессилить каждого в отдельности и вызвать тяжёлые гнилостные горячки, цингу и т. д.

Гораздо лучше опыт капитана Cook и фон Крузенштерна, поскольку они благодаря хорошему питанию, бережному отношению к людям, хорошей воде, чистоте, рюмке грога⁵, вина или пунша, даваемых в надлежащее время и умеренно, возвратили в Европу здоровой всю команду, которая без частых кровопусканий четырежды пересекла экватор.⁶

Наша домашняя птица, которую мы взяли частью из Европы, частью с Teneriffe, не могла так же хорошо, как мы, переносить этот жаркий пояс или долгое морское путешествие; наши куры, за исключением немногих, тем временем ослепли и заметно худели. Какая причина лежит в основе этого явления, я не решаюсь определить. Labillardière, наблюдавший ту же болезнь кур, выводит её из воздействия воздуха; возможно, ещё больше способствует воздействие морской воды, поскольку невозможно избежать того, чтобы при частом мытье корабля, при сильных ветрах и т. д. значительное количество её не попадало в кормушки и поилки.

Всякое малое, часто кажущееся незначительным обстоятельство даёт во время такого путешествия, каким было наше, развлечение; поэтому я не могу умолчать о том, что 22 ноября мы заметили корабль, который, казалось, шёл к Европе, вследствие чего фон Крузенштерн направился к нему и послал на борт офицера с письмами. Мне было позволено сопровождать

⁴ G. Histoire des navigations aux terres Australes. Vol. II. p. 5.

⁵ Смесь водки и воды.

⁶ См. третье путешествие Cook с открытиями в Южном море. Март 1778.

его, и я упоминаю об этом потому, что такая прогулка в маленькой лодке по великому океану не является чем-то повседневным. Мы узнали, что корабль шёл из Соединённых Американских Штатов и направлялся в Батавию. Капитан, как многие другие, совершал это значительное путешествие без больших астрономических познаний и без хронометра; ибо по своему корабельному счислению он находился на три градуса западнее и весьма сердечно поблагодарил фон Крузенштерна за то, что тот указал ему истинную долготу, на которой находился корабль, после чего он тотчас изменил свой курс.

7 и 8 декабря капитан фон Крузенштерн посвятил поискам проблематического острова Ascenso, существование которого подвергали сомнению новейшие мореплаватели, в особенности La Perouse. Мы шли на запад и к вечеру находились под $20^{\circ} 42'$ южной широты и 37° долготы, следовательно, на $2^{\circ} 1'$ западнее того места, где находился этот несчастный мореплаватель, не заметив никакого острова. Следовательно, если он действительно существует, то по крайней мере находится не там, где его до сих пор наносили на карту географы.

Уже несколько недель, с 27 октября, мы плавали по великому океану, вверенные ветрам и волнам, когда наконец 12 декабря увидели давно желанный берег Бразилии, а именно мыс Frio. Эта богатая золотом и алмазами страна вместе со своими блестящими городами и богатыми произведениями природы уже много недель была главным предметом нашего внимания, наших ежедневных разговоров, нашего любопытства и наших желаний. Многие из нашего корабельного общества, вероятно, желали получить возможность посетить значительный торговый город Rio Janeiro, расположенный по соседству с этим мысом. Но капитан фон Крузенштерн принял во внимание трудности, которые нам пришлось бы преодолеть; он прекрасно понимал, что мы без нужды подверглись бы строгому надзору, тщательному таможенному досмотру и, особенно как во всех больших городах, значительным расходам и невосполнимой потере времени, и потому решил лучше выбрать лежащий несколькими градусами южнее остров St. Catharina, имеющий столько преимуществ перед другими местами пополнения запасов и также посещённый бессмертным La Perouse. Мы между тем довольствовались множеством новых предметов, которые море и близость земли здесь нам представляли. Мы находились в 23–30 морских милях от суши и видели вблизи нашего корабля несколько рыбацких лодок, которые совершенно равнодушно проходили мимо нас, вероятно потому, что не имели ничего, что могли бы предложить нам для обмена или продажи.

Страна уже издали давала нам узнать своё богатство. Море казалось весьма оживлённым; на глубине 40 саженей мы поймали так называемую дораду, золотую дораду (*Coryphaena hippurus*), которая показалась нам превосходной на вкус. Мы заметили также необыкновенное множество салпы, берое, медуз и других студенистых, слизистых и прозрачных существ, известных под общим названием зоофитов и моллюсков. Особенно поразительно было видеть открытое море в некоторых местах совершенно красным. Более точное исследование показало нам, что этот цвет происходил от неопишуемого множества маленьких рачков, плававших на поверхности воды.

Несколько серебристо переливающихся и заметных на большей глубине Onisci (*Ligia Fabric.*), некоторые из которых были выловлены, рассмотрены и исследованы, по-видимому, получили это богатое серебром убранство от близкой материковой земли.

18 декабря мы увидели остров St. Catharina, и уже на расстоянии 60–80 морских миль нас приветствовали на борту корабля несколько бабочек, вероятно отнесённых от суши сильным ветром. Погода была очень прекрасная, горизонт ясный, и мы шли прямо к берегу. Ветер мягко наполнял паруса, и около $4\frac{1}{2}$ часов пополудни мы были так близко к берегу, что могли точно различать деревья, скалы и другие предметы. Мы уже полагали, что этим вечером или самое позднее рано утром станем на якорь и попробуем великолепнейшие плоды Бразилии, как внезапно сильная гроза со шквалом и дождём заставила нас оставить берег и множество лежавших перед нами зелёных островов и при сильном юго-восточном ветре искать безопас-

ности на высоких волнах открытого моря. Этот свежий ветер держался дольше, чем нам хотелось, и только 20-го мы смогли решиться снова приблизиться к берегу, чтобы отыскать гавань.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прибытие в Бразилию; пребывание на Санта-Катарине. Вилла Носса-Сеньора-ду-Дестерру. Нравы и обычаи. Танец негров-рабов. Экскурсия на материк. Искусства, науки и общественные учреждения. Промысел ворвани; медицинские и естественно-исторические наблюдения.

Вид на лежавший перед нами ландшафт, украшенный прекраснейшей зеленью и несравненными цветами, обещал нам ещё издали самое приятное пребывание и богатый урожай. Остров С.-Катарина и лежащая напротив него часть нашей Южной Америки предлагают здесь и там, но сами по себе лишь на среднюю высоту и до самой вершины покрытые лесом горы, большей частью пересекаемые несколькими долинами. Длинные гряды тянутся от бухт и рек, которые образуют множество заливов, ручьёв, бухточек и безопасных якорных мест. Все берега отчасти низки и непроходимы, отчасти окаймлены гранитными скалами, у которых шумящий прибой заставляет доступ казаться невозможным.

Вид каждой страны уже сам по себе имеет известную своеобразную физиономию; тем более должна она иметь её, когда одна страна лежит под 25 градусами, другая — под 27° 19' 10" южной широты и 47° 48' 20" западной долготы, согласно наблюдениям Крузенштерна и доктора Горнера*. От твёрдой земли её отделяет пролив, который в самом узком месте имеет в ширину не более нескольких сотен саженей. Все подходы снабжены фортами, орудиями и караулом, через которые, однако, в случае неприятельского нападения, вероятно, нельзя было бы долго задержать большие корабли, например фрегаты. Большие суда должны вследствие мелководья пролива доходить до места якорной стоянки кругом острова, однако же более крупные шлюпки могут без опасности проходить между островом Санта-Катарина и островом Атомери, который находится близ твёрдой земли; один форт на мысе Гросса и другой, лежащий близ твёрдой земли, Форт-де-Санта-Крус, охраняют этот очень удобный путь.

Главный город на острове и местопребывание губернатора, одновременно также резиденция некоторых купцов, называется Villa Nossa Senhora do Desterro. Этот маленький городок лежит на юго-западной стороне острова Санта-Катарина и примерно в одной морской миле от так называемого места якорной стоянки, у подножия нескольких умеренных гор, на высоком возвышении, и насчитывает приблизительно от 400 до 500 домов; число жителей всего острова, говорят, составляет от 10 000 до 15 000. Мы жили здесь несколько недель, но могли узнать очень немного об обычаях, нравах и образе жизни жителей. Дома почти все построены из камня и утрамбованной или высушенной глины, улицы большей частью правильны. Встречаются торговцы или, скорее, лавочники всякого рода, и очень многие продукты питания ежедневно доставляются сюда из окрестностей и на рынок. В многочисленных лавках находят европейские и отечественные продукты по более дешёвой цене, чем можно было бы ожидать. Многие вещи, однако, в особенности вино, пиво и т. п., необычайно дороги. Чай, сахар, мука, бумага и всё необходимое для письма стоят, напротив, очень дёшево. Жители приятны, дружелюбны и предупредительны, и потому имеется много гостеприимных и очень общительных домов. Женский пол собирается в небольшие семейные общества, в которых по португальскому обычаю танцуют, смеются, шутят, поют и играют. Обычные инструменты — гитара и род небольшого клавесина. Музыка весьма разнообразна, гармонична и трогательна; песни часто имеют довольно своеобразные мелодии и несколько мрачны, печальны и трогательны. Возможно, мне следовало бы записать какие-нибудь из них для более точного сведения, когда я улучу свободное время.

Обычная одежда не пышна, у женщин она главным образом чёрного цвета и с капюшонами; они часто ходят в церковь в таком одеянии, имеют чёрную шёлковую накидку и пёстрые огненные глаза; к этому прибавляется весьма красивый пол, которые вместе производят

приятное впечатление. У простого класса женский пол ещё недостаточно приучен и втянут в общественный оборот, как в собственно португальской Португалии, где дамы весь год заперты в своих комнатах. Больше всего это заметно в общественном общении и в занятиях обоих полов. В то время как мужчины целый день проводят в лавке, в конторе или в трактире, женщины часто сидят в окне или за дверью и занимаются лишь домашними делами.

Одежда обоих полов европейская; за исключением того, что всё из самых тонких лёгких тканей и парчи, вследствие чего люди кажутся тонкими, изящными и стройными и обеим сторонам часто идут на пользу. Это правительство введено лишь в недавнее время. Оно простирается от Рио-Гранде 32° ю. ш. до губернаторства Сан-Паулу 23°, откуда оно вновь разделяется. Правительство имеет отчасти заслуженную репутацию, что оно дало земле много свобод, например дозволило всем прибывающим иностранным судам, как отечественным, так и иноземным, приставать во всех бразильских портах. Провинция плодородна и имеет все необходимое для жизни в изобилии. Климат хорош, без чрезмерной жары, и имеется множество всевозможных плодов, как то: арбузы, лимоны, бананы, ананасы, персики, инжир и водяные дыни, ягоды, кокосовые орехи и другие плоды, тыквы, турецкое зерно, рис, очень съедобные и питательные корни, как бататы (*Convolvulus Batatas* Linn.), свёкла, ям (*Dioscorea alata et sativa*) и другие. Так называемая *Tapioca* (которую в других местах называют *Mandioca*, или *Mandihoca*, или *Cassavamurzel*), *Jatropha Manihot* Linn., составляет у здешних белых главную пищу и называется хлебом земли; у богатых её едят лишь в виде муки, у бедных же как хлеб. Зерно и виноград выращиваются немного и только у наиболее богатых и состоятельных лиц. Ананас (*Arachis hyrogaea*) также выращивается здесь и часто выкапывается; стручки склоняются после цветения к земле и так переходят в землю, где затем созревают плоды. Из него готовят очень вкусное масло.

Скот здесь имеется в изобилии: волы, коровы, свиньи, лошади, ослы, овцы, козы, ослы и вся домашняя птица в большом количестве и по низким ценам. Целый бык весом не менее 400 фунтов стоит самое большее восемь испанских талеров. Жирная свинья весом 200 фунтов — десять пиастров или испанских талеров. Жирная курица — один испанский талер. Рыба, моллюски и крабы, особенно креветки очень крупного вида, имеются также в большом количестве, однако при сложившихся условиях питания они стоят дорого, потому что каждый прибрежный житель предпочитает заниматься земледелием, и лишь немногие беднейшие тратят время на рыболовство. Поэтому приходится платить большие цены.

Большое плодородное имение с несколькими сотнями акров земли, с лесными и пастбищными угодьями, стоит около 300–400 испанских талеров. Если в собственности такого имения имеются несколько хороших рабов, то оно может рассматриваться как состоятельность и вести беззаботную жизнь от продуктов. Земля вообще распределена между обитателями очень выгодно. Португальское правительство наблюдает за солдатами, крестьянами и бедными людьми. Лишь среди немногих достойных внимания местностей находятся крупные поместья.

Большая часть губернаторства Санта-Катарина находится в собственно внутреннем Кюрибаносе, который удалён от немецкой мили от побережья вглубь материка. Уже на расстоянии двух часов, или одной немецкой мили, встречается только один охотничий дом. Жители острова часто совершают туда поездки и по несколько дней бродят по свободному лесу, не встречая ни одной человеческой хижины. Они, как мне говорили, стреляют там оленей и иной дичи и иногда проводят несколько недель в лесу. Эти поездки могут совершаться лишь верхом, ибо дороги через леса чрезвычайно плохи.

Климат там дальше вглубь страны гораздо мягче, чем на морском побережье. В июле, августе и сентябре почти каждую ночь бывают заморозки, а иногда выпадает снег. В декабре, январе и феврале жара довольно сильна, но редко неприятна. На побережье, напротив, жара больше, воздух влажнее, и вследствие близости моря дует свежий ветер.

* Доктор Горнер был астрономом экспедиции и назначен по высочайшему повелению. Он умер в Цюрихе в 1834 году, и его заслуги как человека и учёного получили заслуженное признание.

Жители отдалённых поселений внутри страны принадлежат не только к беднейшим в провинции, но время от времени подвергаются также нападениям коренных жителей страны, индейцев, которых здесь называют *Gentio brava*, дикими народами, или *Cabocolos*. Во время нашего пребывания произошёл такой случай, и губернатор был вынужден послать на помощь отряд солдат. Подобные нападения, говорят, не являются редкостью.

Что касается климата, то солнечный зной показался нам не столь невыносимым, как можно было бы вообразить. В течение декабря и января, которые в южном полушарии соответствуют нашим летним месяцам, обычное положение термометра на суше в тени было от 20° до 22° по Реомюру. Наибольшая жара составляла 26°. Губернатор рассказывал нам как о чём-то необыкновенном, что зимой он испытал здесь 10°, именно тепла. Это, однако, на суше составляет наибольший холод.

Почти ежедневно и обыкновенно к вечеру возникали дождь и гроза. Это бывает только в это время года; ибо зима природы, которая, как я только что упомянул, в южном полушарии приходится на летние месяцы северного, по уверениям жителей, представляет собой лучшее и приятнейшее время года и непрерывную прелестную весну.

Воздух постоянно влажен; высокие, вечно покрытые зеленью горы притягивают облака, которые затем спускаются в долины, дают новую пищу и освежение всему растительному и животному царству и могут по справедливости считаться главной причиной большого богатства и разнообразия растительного и животного мира, но они также очень затрудняют естествоиспытателю сохранение естественно-исторических предметов; ибо жуки, раки, четвероногие животные, ночные бабочки, кузнечики, большие пауки и т. п., которые у нас легко высыхают, здесь большей частью подвергаются гниению, если большой заботливостью и хранением их в сухих и закрытых местах не стараются сколько-нибудь предупредить эту неприятность. К сожалению, по незнанию этого влияния климата и вследствие вызванного этим недостатка необходимой осторожности я потерял большую часть собранных мною вначале растений, которые, чтобы совершить дальнейшую экскурсию внутрь страны, оставил на несколько дней лишь высушенными и по возвращении большей частью нашёл сгнившими.

Окрестности вообще отличаются особенной влажностью; однако климат, по-видимому, всё же не оказывает дурного действия на здоровье жителей, по крайней мере правительство, за исключением северного Сан-Франсиско, считает его весьма здоровым. В упомянутой же выше местности, говорят, много болот и стоячих вод, испарения которых весьма вредны для здоровья.

Нравы и обычаи страны вообще относятся к тем, которые главным образом можно встретить у испанцев и португальцев, только климат, продукты страны и вытекающий отсюда образ жизни создают некоторые собственные обычаи. Так, например, домашнее хозяйство женского пола устроено весьма просто, но свадебный костюм женского пола состоит из весьма простого чёрного платья, белой рубашки и белого платка. Жильё в деревнях очень просто; крестьяне носят простую рубаху и короткие штаны, а женщины — лёгкую одежду.

Торговля неграми-рабами составляет здесь один из наиболее заметных предметов общественной жизни и вызвала во мне совершенно новое и неприятное чувство, когда я приблизился к *Villa Nossa Senhora do Desterro* и увидел множество этих обнажённых человеческих существ, несущих на плечах тяжести или занятых самой тяжёлой работой. Я совершенно не мог привыкнуть к этому зрелищу, хотя через несколько дней и стал встречать его чаще. Едва ли можно пройти по улице, не увидев таких несчастных, привезённых из Анголы, Бенгелы, Мозамбика и других бразильских портов. Среди них встречаются люди, которые ежедневно доставляются сюда из Рио-де-Жанейро и из других мест, и при этом продаются.

При этих людях, как и при всякой торговле европейцев людьми, чувство должно возмущаться, хотя, признаюсь, я нашёл их положение здесь менее жестоким, нежели ожидал. Негры-рабы ходят почти без всякого покрова; мужчины имеют лишь короткие штаны, женщины — короткую юбку и самое большее старую рубаху или лоскут, который прикрывает верхнюю часть тела. Только что привезённый раб кажется подавленным и печальным, но после некоторого пребывания в стране принимает более спокойный вид и, кажется, свыкается со своей участью.

Эти несчастные главным образом должны возделывать землю и исполнять самую тяжёлую работу всякого рода. Богатство здешних жителей большей частью определяется числом рабов, которыми они владеют. Они часто бывают счастливы, когда попадают к хорошему человеку-любовнику, который обращается с ними мягко и не заставляет их работать чрезмерно. Я видел случаи, когда рабам позволяли держать небольшое хозяйство для себя и предоставлять плоды своего труда. Часто они называют своего хозяина *Senhor* и относятся к нему с той привычной покорностью, которую долгое рабство делает почти второй природой.

Во время нашего пребывания один такой раб убежал от своего хозяина и пришёл на наш корабль, надеясь найти у нас защиту. Мы не могли оставить его у себя и должны были возвратить владельцу. Этот случай произвёл на меня сильное впечатление, потому что человек умолял нас о защите и, кажется, ясно понимал, какая участь ожидает его после возвращения.

До сих пор ещё не думали об облегчении их положения; ибо как раз те, которые заняты на казённых предприятиях, именно на сахароварнях, при китобойном промысле и в рудниках, по свидетельству весьма достойных доверия лиц, подвергаются самому тяжёлому и самому жестокому обращению.

Произведения здешней страны могли бы составить неисчерпаемые источники богатства, если бы правительство не ставило их развитию столько препятствий и если бы жители могли свободнее распоряжаться своими товарами. Если бы впоследствии эти превосходные области были более населены и менее оставлены без внимания со стороны правительства, то благодаря своим произведениям они могли бы сделаться одними из важнейших торговых мест Бразилии. Разведение кофе и хлопчатника могло бы приносить богатую прибыль. Для сахарного тростника имеются хорошие почвы в изобилии, и всё же чувствуется недостаток в роме и араке. Индиго, перец, ваниль, копайский бальзам и многие другие предметы могли бы добываться без труда и приносить доход.

Тончайшие и самые разнообразные породы дерева для кораблестроения и дорогой домашней мебели растут в ближайших лесах и тотчас же могли бы стать прибыльной статьёй торговли, если бы вывоз не был ограничен. В южной части губернаторства, именно в Рио-Гранде, удаются большинство произведений умеренной Европы, например виноград, и всё же почти никто не занимается их разведением. По этим и подобным обстоятельствам можно судить об остальном состоянии этой провинции.

Кто несколько точнее знает устройство Португалии, тот должен в самом деле удивляться, что в этих поселениях, где могло бы существовать такое большое благосостояние, находится так мало монашествующих духовных лиц. Правда, они уже неоднократно обращались к португальскому двору за разрешением основать здесь монастырь; однако нынешний губернатор, полковник *Joaquim Xavier Curado*, каждый раз и ещё совсем незадолго до нашего прибытия умел многими представленными им основаниями воспрепятствовать его учреждению как нецелесообразному, чем, как легко предположить, заслужил большое недовольство духовенства, но приобрёл любовь правительства и более просвещённой части жителей.

Из особенных нравов и обычаев, которые я наблюдал во время моего пребывания в С.-Катарине и о которых ещё не упоминал, я хочу выделить некоторые наиболее примечательные.

Здешние жители часто пьют настой из листьев, который называют *Herba do matto*, лесной травой, и который большинство людей употребляет подобно чаю. Растение, дающее этот чай, я не мог добыть; говорят, что оно растёт преимущественно в южных областях. Листья соби-

рают, сушат и кладут в небольшой сосуд, после чего их заливают горячей водой и подслащивают сахаром. При питье употребляют трубочку, нижний конец которой снабжён множеством маленьких отверстий, так что жидкость можно высасывать, не втягивая листьев. У бедных этот сосуд состоит из высушенной тыквенной оболочки, у состоятельных он бывает сделан из серебра или украшен им. Чай этот имеет терпкий, но не неприятный вкус и употребляется в большом количестве.

Вместо ружей и огнестрельного оружия жители употребляют род лука, посредством которого стреляют не стрелами, а маленькими камешками или затвердевшими глиняными шариками. Удивительно, с какой точностью они умеют ими поражать самых маленьких птиц, и особенно часто пользуются этим оружием для охоты за колибри, потому что таким способом их нежное оперение почти не повреждается. Я видел мальчиков, которые на значительном расстоянии сбивали маленькую птицу одним выстрелом. Это оружие так распространено, что его можно встретить почти в каждом доме.

Другой общий обычай состоит в том, что вечером перед сном люди обоего пола обмываются или купаются в тёплой воде. Этого обычая придерживаются все, от богатейшего владельца до последнего раба, и в лучших домах для этого имеются особые приспособления. В тёплом климате такая привычка столь приятна и полезна, что европеец скоро сам начинает ей следовать.

В *Villa Nossa Senhora do Desterro* мне бросился в глаза также один обычай, который напомнил мне некоторые европейские праздничные порядки. Во время праздников на домах вывешивают знак, по которому знакомые понимают, что хозяин готов принимать посетителей; кто не желает принимать гостей, такого знака не выставляет.

В наших европейских городах мы разъезжаем в богатых экипажах, чтобы наносить парадные визиты или посещения и справлять свадьбы или крестины. В этом маленьком городке Нового Света при подобных случаях пользуются родом носилок, называемых *cadeirinhas*, маленькими креслами, которые несут два негра. Эти носилки не закрыты, как наши, стёклами и дверцами, а скорее похожи на кресло с высокой спинкой, снабжённое небольшим навесом и занавесками. Сидящий в них человек может видеть улицу и сам остаётся виден прохожим.

Мы имели удовольствие встретить здесь начало 1804 года и могли наблюдать необыкновенное участие, с каким празднуется эта пора. Негры-рабы, которых в течение всего года весьма строго принуждают к работе, только при ежегодной перемене года получают несколько дней свободы и тогда веселятся по своему обычаю, проводя время в танцах и музыке. Обычно они бродят большими толпами по улицам с шумом и криками; в этот раз, однако, шёл столь сильный дождь, что они были вынуждены собираться в нескольких маленьких хижинах. Место танца можно было отыскать издали по музыке и ликованию танцующих, хотя среди них нельзя было услышать ни одного из наших европейских духовых или струнных инструментов, даже волынки.

Однообразный шум, производимый барабанами, хлопаньем в ладоши и ударами по различным полым предметам, вместе с пением и криками составлял музыку. Один из инструментов был подобен барабану, другой состоял из полого дерева или тыквенной оболочки, наполненной твёрдыми зёрнами, а иной, подобный трещотке, давал резкий звук. Мужчины и женщины образовывали круг, и по временам один танцор выходил на середину и исполнял особые движения, после чего его сменял другой.

Движения их были большей частью медленными и размеренными, затем становились всё живее; плечи, бёдра и весь корпус следовали ритму, тогда как ноги делали сравнительно небольшие движения. Остальные пели или повторяли короткие припевы, которые, вероятно, были африканского происхождения и по большей части импровизировались. Несмотря на продолжительность танца, я почти не заметил пьянства; веселие происходило главным образом от музыки, движения и общества.

Особенно искусно танцевала одна молодая негритянка, движения которой были необычайно гибкими и выразительными. Многочисленные оттенки цвета кожи присутствующих, блеск разгорячённых тел, белизна зубов и глаз, пёстрые куски одежды и непрерывное движение всей группы составляли своеобразную картину, которую трудно описать словами.

После этого шумного зрелища тем приятнее действовала на нас совсем иная музыка. В тихую ночь мы слышали нежное пение, сопровождаемое флейтой и гитарой. Воздействие чарующей музыки, особенно ночью, известно каждому, и было бы излишне описывать приятное впечатление, которое томные и увлекающие переходы мелодии производили на наше полусонное ухо. Только на следующее утро мы узнали, что это было знаком расположения и дружбы, который нам пожелали оказать некоторые здешние жители.

Мне было весьма неожиданно и чрезвычайно приятно узнать у здешнего губернатора, что здесь находится человек, уже много лет занимающийся собиранием насекомых. Я давно искал случая познакомиться с человеком, который мог бы указать мне места, наиболее богатые природными предметами; трудность состояла лишь в том, что он жил не на самом острове, а приблизительно в одной немецкой миле отсюда на американском материке и точное место его пребывания было неизвестно. Всё же за ним послали, и вскоре мне удалось завязать с ним знакомство. Моей первой просьбой было показать мне наиболее богатые насекомыми местности и позволить сопровождать его в некоторых экскурсиях; он охотно согласился.

Вскоре этот человек пригласил меня посетить его жилище. Его маленький домик стоял в прелестной плодородной местности, в нескольких сотнях шагов от берега, и окружали его сад и небольшое хозяйство. Три раба, восемь коров, несколько свиней, кур, уток и индеек составляли его хозяйство, содержание которого, по-видимому, почти ничего ему не стоило, поскольку окрестная земля давала всё необходимое.

Хозяин принял меня с той сердечной предупредительностью, которая так часто встречается в здешних домах. Его жена и дочери старались всячески сделать моё пребывание приятным. После еды принесли музыкальный инструмент, и дочери пели под аккомпанемент простые песни, которые, несмотря на несложность, производили приятное впечатление. Вечером погода прояснилась, и мы вышли в сад.

Здесь я впервые увидел в большом количестве светящихся насекомых, о которых раньше много слышал. Сначала мне казалось, будто между кустами то вспыхивают, то исчезают маленькие искры; затем я заметил, что это были жуки, летавшие в темноте. Дочери хозяина ловили их и забавлялись тем, что прикрепляли к платьям и волосам, отчего в темноте получалось чрезвычайно своеобразное украшение. Я взял несколько экземпляров для своего собрания и долго наблюдал их яркий свет.

На следующее утро, с рассветом, после хорошего завтрака из бананов и молока, ибо от кофе я отказался, мы отправились на естественно-историческую прогулку.

* Банан, *Musa sapientum* и некоторые другие виды, принадлежит к числу плодов, которые в тёплых странах служат человеку почти столь же обыкновенной пищей, как у нас хлеб; растение даёт урожай чрезвычайно обильно.

* См. «Историю растений и размножения» Гёте, Берлин, 1789, и другие приведённые там наблюдения.

Мы удалились едва ли на немецкую милю от жилища и вернулись, когда мои ящики были уже богато наполнены насекомыми и бабочками. Я ловил всё, что только попадалось мне, и маленький мальчик нёс за мной коробки, которые вскоре наполнились превосходнейшими и у нас редкими бабочками и жуками. Мой спутник также добыл немало экземпляров, и после возвращения, подкрепившись пищей и питьём, я выразил желание ещё в тот же вечер вернуться в *Villa Nossa Senhora do Desterro*, так как при мне уже не оставалось пустых коробок для дальнейших сборов. Я попросил моего дружелюбного хозяина доставить мне возможность

переправиться, и он тотчас послал одного из своих рабов к берегу и велел приготовить собственное каноэ; сам он также сопровождал меня часть пути.

Удача этой первой экскурсии ещё сильнее возбудила моё желание исследовать окрестные леса. В особенности большие бабочки, среди которых *Papilio Adonis Crameri*, *Pap. Epistrophus Weber*, *Pap. Helenor Cram.*, *P. Lysimnia*, *P. Ebrua Hoffmannseggii*, *P. Thoas*, *P. Archidamas* и многие другие, возбуждали моё любопытство. Ещё до рассвета мы отправились в путь. Один расторопный португальский мальчик, которого я взял с собою, нёс ловчие коробки и необходимые припасы, а я был снабжён сачками, сетями, ботаническими и энтомологическими коробками, иглами и прочими принадлежностями.

Едва я достиг ещё неизвестных мне лесов, как с каждым шагом всё вновь приходил в изумление и с глубоким восхищением рассматривал многообразные предметы. Очарованный и как бы опьянённый красотами природы, я часто должен был останавливаться, чтобы несколько минут дольше наслаждаться ими. Мои спутники совершенно не могли понять, как возможно, что я так восхищаюсь столь обыкновенными для них предметами: разнообразием и ростом исполинских деревьев, осыпанных цветами, благоуханием атмосферы, новыми формами и красками грибов, величиною и удивительным разнообразием папоротников*, и как всё, что я видел вокруг, могло возбуждать во мне такое радостное удивление. Вместо кокосовых и банановых деревьев, вместо кофейных, сахарных, рисовых и хлопковых плантаций, вместо полей тапиоки и миндаля, вид которых долго удерживал мой взгляд, я теперь видел в тёмных, тенистых и непроницаемых лесах *Beroba*, *Oleo*, *Figueira*, *Garaxuba*, *Gararuba*, *Cedro* и многие другие, самые высокие, толстые и стройные деревья, какие когда-либо представлялись моим глазам. Высокие стволы, кроны которых состояли из густой тенистой листвы, а ветви были покрыты цветами и плодами, производили совершенно особенное впечатление; то же делали и разнообразные вьющиеся растения, *Bauhinia*, *Aristolochia* и другие, которые частью поднимались до самых высоких вершин этих великолепных деревьев и между которыми находились тысячи видов паразитических растений, образующих там красивейшие группы в естественных цветниках.

* Каких только видов папоротников я здесь не встречал; многие из них достигают размеров небольших деревьев и образуют в лесу весьма своеобразные группы.

Пышная природа, доставлявшая здесь столько наслаждения глазу, нигде не оставляла наблюдателя без новых предметов. Справа кричали попугаи самых различных величин и цветов, слева показывался то красный, то жёлто-пёстрый тукан (*Ramphastos*), а над нами мелькали многочисленные маленькие птицы. В кустах шуршали броненосцы (*Tatua*, *Dasypus* Linn.); между цветами величественно перелетала крупная бабочка, затем появлялся неутомимый колибри, который, жужжа, высасывал сладкий сок из благоухающих цветов; здесь лежала ядовитая змея, там прыгала лягушка, и каждый шаг открывал новый предмет. Среди таких и подобных картин, которые я никогда прежде не видел собранными в таком изобилии, часы проходили незаметно.

На всём пройденном нами пути, превышавшем немецкую милю, мы встретили лишь один жалкий домик, обитатели которого, хотя сами были бедны, приняли нас с большой готовностью. Семья состояла из нескольких человек и жила почти исключительно продуктами собственного маленького хозяйства. Мы попросили немного хлеба и воды, и нам дали то, что имелось, не желая принять никакой платы. Когда мы уходили, хозяева ещё снабдили нас небольшим хлебом на дорогу.

Дальше нам пришлось переходить через несколько ручьёв и речек. В одном месте вода была настолько глубока, что пришлось снять обувь и чулки и перейти босиком, причём проводник нёс часть вещей. В другом месте русло было каменистым и скользким, а быстрое течение делало переход весьма неудобным. Однако подобные трудности мало значили сравнительно с богатством природы, которое окружало нас со всех сторон.

Охотник, шедший с нами, иногда отделялся и долго оставался в стороне, высматривая дичь. Мы ожидали его, разложив собранные предметы и просматривая добычу. Солнце стояло почти отвесно и палило чрезвычайно сильно; поэтому, когда мы встретили прохладный ручей, я с удовольствием искупался и освежился. Вода была прозрачна и холодна, а густая тень деревьев делала это место особенно приятным.

После нескольких часов пути мы снова встретили жилище, где нам предложили молоко, яйца, бананы и немного хлеба. Я хотел было проникнуть ещё дальше в лес и остаться в этой богатой местности до следующего дня, однако должен был отказаться от этого намерения, потому что ноги мои от непривычной ходьбы и постоянного перехода через воду были настолько утомлены, что я опасался на следующее утро едва ли быть в состоянии идти.

Жители этих уединённых домов вообще отличаются большой доброжелательностью. Иногда мне давали курицу, несколько яиц, молоко, фиги или бананы и воду, не желая ничего принять взамен; хозяева часто находили достаточной наградой мою благодарность и удовольствие, которое доставляло мне их гостеприимство. В это время года почти ежедневно идут дожди, и несколько раз я, застигнутый грозой и ливнем и промокший до кожи, должен был искать защиты и крова в ближайшей хижине. Добровольно и без всякой просьбы мне предлагали сухую одежду для перемены, а мою мокрую одежду сушили, пока я отдыхал и подкреплялся пищей.

Ночлег в таких домах обыкновенно очень прост. На пол расстилают большие циновки, иногда покрывают их чистой простынёй и кладут небольшую подушку; на таком ложе путешественник может провести ночь довольно удобно. Та же циновка нередко служит днём для сидения, а в бедных жилищах заменяет и множество других предметов домашней мебели.

Я уже выше упоминал корень маниоки (*Jatropha manihot* Linn.) и должен здесь заметить о способе его употребления. Из него готовят *farinha*, муку, которая составляет одну из главнейших статей пищи и которую здесь едят почти при каждом кушанье. Корень трут, массу отжимают, затем высушивают или поджаривают и получают крупчатую муку, которая долго сохраняется. Из более тонкой части готовят также другой сорт муки, служащий для некоторых кушаний и печений.

Обыкновенная пища простых людей состоит главным образом из этой муки, рыбы, мяса, бананов и других плодов. Сушёная или солёная рыба употребляется весьма часто и продаётся на рынке. Некоторые блюда, несмотря на простоту приготовления, показались мне весьма вкусными, особенно после долгих прогулок и сильной усталости.

Деревни здесь большей частью состоят из отдельных, далеко друг от друга стоящих жилищ; собственно больших селений немного. Дома часто строятся из дерева или утрамбованной земли и покрываются пальмовыми листьями. Небольшие каноэ, сделанные из одного древесного ствола, служат обыкновенным средством сообщения по многочисленным рекам и бухтам.

Редко жители посвящают себя одному особому ремеслу; каждый является как бы мастером на все руки в своём маленьком хозяйстве. Они сами режут свой скот, бывают плотниками, столярами, портными, рыбаками, охотниками и т. п., а многие между прочим также ткут. Поэтому разделение труда развито мало, и почти всякий старается собственными руками приготовить то, что ему необходимо.

Что касается искусств, наук и общественных учреждений, то в этом отношении можно указать очень немного замечательного. Инструменты и приспособления для хозяйства и земледелия по большей части просты и несовершенны. Всё, что могло бы быть сделано посредством более искусного механизма, исполняется ручным трудом, и давление правительственных постановлений ещё увеличивает препятствия для всякого улучшения.

Трудолюбию и предприимчивости каждого, кто хочет отличиться от остальных сограждан своим прилежанием, вместо поощрения и поддержки часто ставят величайшие затрудне-

ния; это произошло, например, с человеком, который хотел устроить здесь фабрику индиго и уже сделал для этого значительные приготовления. Из-за недостатка поддержки и из-за правительственных ограничений предприятие пришло в упадок.

Винокурение также подвергается строгим ограничениям, и едва ли кто может приготовить водку без особого разрешения. Для отделения хлопка от семян употребляют весьма несовершенную машину, состоящую из двух валиков, между которыми пропускают хлопок; семена остаются с одной стороны, а волокно выходит с другой. При столь простом устройстве работа идёт медленно, хотя хлопчатник здесь растёт хорошо и мог бы стать важным продуктом.

Табак возделывают довольно часто, и в некоторых местах он хорошего качества. О сахарных заводах я не собрал особенных сведений. Китобойный промысел и добыча ворвани в здешнем губернаторстве, напротив, заслуживают особенного внимания и упоминания. Они в известной мере являются государственной отраслью и дают правительству значительный доход.

В различных местах находятся следующие учреждения для китобойного промысла и добычи ворвани:

- 1) Armação da baleia da freguesia da villa nova, то есть склад китов в приходе Villa nova.
- 2) Armação de Garopaba.
- 3) Armação de baleias na ilha, склад на острове С.-Катарина.
- 4) Armação da baleia da entrada, склад у северного входа в пролив.
- 5) Armação de rio do Gravato, склад у реки Gravato.

Учреждение № 4 находится на северо-восточной оконечности острова напротив ближайшего к нашему месту стоянки берега, поэтому я имел возможность осмотреть его несколько подробнее. Прошлой зимой было убито около ста кашалотов (*Physeter macrocephalus* Linn.), тогда как настоящих китов было значительно меньше. Крупнейшие животные дают чрезвычайно много жира, из которого вытапливается масло; из головы кашалота получают также так называемый спермацет, представляющий особенную ценность.

Охота производится лодками, которые выходят от берега, как только замечают китов. Гарпунщик старается приблизиться к животному и вонзить гарпун; затем лодка следует за раненым китом, пока тот не ослабеет. Убитое животное буксируют к заведению, где жир снимают и вытапливают. Работа эта тяжела, опасна и производится большей частью рабами и людьми низшего класса.

При благоприятном улове промысел приносит весьма значительную прибыль; однако количество добытых животных сильно меняется от года к году. Частным лицам трудно заниматься этим делом самостоятельно, потому что правительственные привилегии и монополии стесняют свободное предприятие. На юге, около Рио-Гранде, также имеются несколько заведений подобного рода, но мне не удалось получить о них точных сведений.

Если теперь я сообщу ещё несколько медицинских замечаний, то прежде всего должен отметить, что эти наблюдения могли быть лишь беглыми и неполными, поскольку я находился здесь сравнительно недолго. Всё же климат, образ жизни, болезни и способы лечения представляли для меня такой интерес, что я старался собирать сведения при всяком удобном случае.

Полковой хирург, живущий в Nossa Senhora do Desterro, заведует также госпиталем и оказывает помощь больным солдатам. Кроме того, в городе имеются лица, занимающиеся врачеванием частным образом. В Nossa Senhora do Desterro существуют три лавки, которые называют аптеками и владельцы которых утверждают, что имеют запас лекарств; однако в них не было даже многих медицинских продуктов самой страны, и напрасно спрашивали несколько унций копайского бальзама или касторового масла.

Оспа является здесь одной из наиболее страшных и опустошительных болезней. Когда появляется эпидемия оспы, она поражает множество людей, особенно тех, кто прежде не болел ею. Прививание оспы известно мало и применяется редко, а коровья оспа, несмотря на уже

известные в Европе успехи вакцинации, ещё почти не получила распространения. Поэтому болезнь время от времени производит большие опустошения.

Венерическая зараза также весьма широко распространена; половое влечение здесь, как во всех тёплых странах, пробуждается очень рано, и мальчики двенадцати или тринадцати лет, которые ещё не достигли полного телесного развития, уже заражаются этой болезнью. Многие женщины также страдают от неё, и лечение часто бывает небрежным или недостаточным. Ртутные средства употребляются, но не всегда с необходимой осторожностью.

Очень обыкновенным злом является также *Bicho dos pés* (*Pulex penetrans* Linn.), или так называемая песчаная блоха. Маленькое насекомое проникает в кожу, преимущественно на ногах и под ногтями, и там быстро увеличивается. Если его не удалить вовремя, возникают воспаление, нагноение и иногда тяжёлые последствия. Негры и местные жители умеют очень ловко вынимать его иглой, не разрывая мешочка с яйцами.

О деторождении и численности семей я получил также некоторые сведения. Женщины здесь обыкновенно чрезвычайно плодовиты, и семьи с пятнадцатью—двадцатью детьми не представляют большой редкости. Все улицы и дороги полны детьми, и население Бразилии, по-видимому, быстро возрастает.

Если принять во внимание, что здешний житель, как видно из сказанного выше, может сравнительно легко добывать необходимое для жизни и не несёт тяжёлой военной службы, то можно предположить, что это обстоятельство вместе с тёплым климатом составляет одну из главных причин многочисленности семей. Дети раннего возраста часто питаются бананами. Многие матери кормят своих детей грудью очень долго, иногда до трёх или четырёх лет; при этом можно видеть мать, которая, продолжая кормить одного ребёнка, уже носит другого.

Так как собственно естественно-историческая часть находится вне плана настоящего описания путешествия, я приведу здесь лишь некоторые замечания о животных, которые особенно привлекли моё внимание. В окрестностях встречается множество ядовитых змей и других животных, опасных для человека.

Среди первых особенно замечательны *Cobra Coral*, коралловая змея, и *Xirraraca* (*Bothrops*). *Cobra Coral* считается чрезвычайно ядовитой. Когда жители говорят о её укусе, они уверяют, что пострадавший едва ли может прожить несколько часов. Другая змея также весьма опасна и встречается часто; при укусе её яд вызывает сильное опухание и воспаление.

В лесах и по берегам встречается также много крупных пауков. Некоторые из них считаются ядовитыми, и местные жители очень боятся их укуса. Я не имел возможности произвести точные наблюдения над действием их яда и потому не хочу повторять все рассказы, которые слышал об этом предмете.

Один птицеед, *Aranea avicularia* Linn., или *Aranha carangueira*, вообще известен; доктор Stiefius дал в своё время верное изображение этого паука. Его называют птицеедом потому, что он, по словам жителей, будто бы нападает на маленьких птиц. Мне самому не удалось наблюдать такого случая, и я потому не могу подтвердить это мнение.

Этот паук не строит свободной сети, а живёт преимущественно в земле, в норах, которые он выстилает паутиной. Ночью он выходит из своего убежища и разыскивает добычу. Я держал несколько экземпляров живыми и наблюдал их движения и образ жизни. Они могут долго обходиться без пищи и отличаются большой живучестью.

Птицеедов иногда едят некоторые животные, а сами они питаются насекомыми и другими мелкими существами. Их укус, по рассказам жителей, болезнен, но я не видел случая, который позволил бы мне судить о степени его опасности.

Во время пребывания на острове я особенно много занимался насекомыми. В тёплые и влажные месяцы они появляются в необыкновенном количестве. Бабочки всех величин и цветов наполняют открытые места и опушки лесов; среди них встречаются формы, которые в Европе известны лишь по редким экземплярам в коллекциях.

Одна особенно крупная бабочка, которую я преследовал довольно долго, привлекла меня красотой окраски и величиною крыльев. Она садилась высоко на стволы деревьев и каждый раз улетаала, когда я приближался, так что мне пришлось долго следовать за ней, прежде чем удалось добыть экземпляр. Подобные маленькие приключения часто заставляли меня незаметно удаляться далеко от спутников.

У других бабочек окраска была менее блестящей, но формы и рисунок крыльев представляли не меньший интерес. Некоторые летали только в густой тени, другие появлялись на открытых солнечных местах, и многие держались около определённых растений. Уже тогда я убедился, насколько тесно распространение насекомых связано с растительностью и влажностью отдельных мест.

К наиболее красивым дневным бабочкам принадлежали многие виды *Papilio*, *Danaus*, *Heliconius* и другие. Ночные бабочки также были многочисленны, но их было труднее сохранять из-за сырого климата. Тонкая пыльца с крыльев легко стиралась, и собранные экземпляры быстро портились, если их тотчас не высушивали.

Некоторые виды бабочек собирались большими обществами на влажной земле или у воды. Я видел места, где сорок—пятьдесят экземпляров сидели рядом на небольшом пространстве. При приближении они одновременно поднимались, но вскоре снова садились почти на то же место.

Жуки встречались как на суше, так и в воде. Многие формы были мне совершенно неизвестны. В особенности под корой старых деревьев, в гниющей древесине и среди опавших листьев можно было находить большое число видов. Однако влажность и жара делали сохранение их коллекций весьма трудным.

На морском берегу и в соседних бухтах находится также богатая фауна. В особенности около острова С.-Катарина и вокруг *Alvoreda* встречается много каракатиц, которых здесь называют *Polvo*. Рыбаки уверяют, что встречали очень крупных особей, которые обхватывали своими руками значительные предметы; я сам видел лишь экземпляры средней величины.

Рыб здесь необыкновенно много, и многие виды отличаются хорошим вкусом. Я отмечал, между прочим, *Coryphaena hippurus*, *Silurus Bagre*, *Scomber Trachurus*, *Squalus Zygaena*, *Trichiurus Lepturus*, *Salius argentatus*, *Scomber Pelamys*, некоторые виды *Chaetodon* и *Tetraodon*, *Sparus*, *Diodon* и многие другие, о которых доктор *Stiefius* в своих естественно-исторических работах уже сообщил сведения.

Большое количество ещё неизвестных животных, наблюдение их образа жизни в столь отличном климате, богатство и разнообразие растительного царства могли бы занять естествоиспытателя на многие годы. Наше пребывание здесь было слишком кратко, чтобы произвести более полные исследования; но даже то немногое, что мне удалось увидеть и собрать, убедило меня, какое богатое поле открывает Бразилия для естественной истории.

* *Histoire naturelle des mollusques*, par Denys-Montfort. Paris. An. X. B. T. I.—IV. & T. II. p. 256, pl. XXVI. Le poulpe colossal.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отъезд из Бразилии. Огибание мыса Горн. Остров Пасхи. Прибытие на Нуку-Хиву, один из Вашингтоновых островов. Первое впечатление.

К концу января корабли снова были приведены в состояние, готовое к плаванию. Все мы в течение нескольких недель подкреплялись превосходнейшими продуктами; команды обоих кораблей были здоровы, и капитан фон Крузенштерн, снабжённый большим запасом свежей провизии всякого рода, приказал теперь всем тем, кто до сих пор жил в *Villa Nossa Senhora do Desterro*, первого февраля явиться на борт, и таким образом нам пришлось покинуть прекраснейшую и богатейшую землю на свете. Воспоминание о моём пребывании в Бразилии останется для меня незабываемым на всю жизнь!

2 февраля губернатор, который во время нашего пребывания оказывал нам весьма много дружеского расположения, вместе с многочисленным обществом обоих полов прибыл на корабль, чтобы пожелать нам прощания.

Капитан фон Крузенштерн считал необходимым насколько возможно ускорить отплытие из Бразилии, потому что перспектива обогнуть мыс Горн в столь позднее время года была не самой отрадной.

Столь многие страшные описания адмирала Ансона, воспоминания о великих лишениях, которые пришлось претерпеть капитанам Блау, Вильсону и другим и рассказы о которых составляли предмет наших ежедневных разговоров, стояли у каждого перед глазами и заставляли нас ещё болезненнее ощущать отплытие из Бразилии.

День нашего отъезда был назначен на 3 февраля, однако северный шторм бушевал столь сильно, что капитан фон Крузенштерн счёл более благоразумным ещё оставаться в гавани и ожидать более благоприятных обстоятельств. Лишь во второй половине дня 4 февраля, при усиливающемся южном ветре, были подняты якоря, и к вечеру оба экспедиционных корабля были под парусами. Погода была пасмурной, во время этого и следующих дней дождь шёл почти непрерывно, и при всё ещё державшемся южном ветре мы вскоре увидели, что удалились от бразильского берега. 6-го погода переменилась, стало ясно, и при восточном ветре мы очень быстро шли на юг, так что уже 9 февраля находились на широте Рио-де-ла-Платы, в окрестностях которого небольшое судно на юго-восточном горизонте привлекло наше внимание. Было бы бесцельно покупать удовлетворение нашего любопытства потерей времени, и потому при благоприятном ветре мы продолжили путь. Новые предметы разного рода доставляли нам в этом южном небесном поясе занятие и развлечение.

Летучие рыбы, бониты, морские свиньи или дельфины, корифены, тропические птицы и другие предметы тёплых зон теперь исчезли, и нашими ежедневными спутниками стали альбатросы (*Diomedea exulans*), буревестники (*Procellaria*) и киты. На 40° южной широты мы часто замечали морские водоросли (*Fucus*) особого рода, хотя находились в 600 милях от ближайшей земли. В ночь на 20 февраля команда «Невы» была немало испугана: корабль внезапно получил такой сильный удар, что все на борту подумали, будто налетели на скалу или по меньшей мере на песчаную банку. Встревоженные, все выбежали на палубу, чтобы узнать причину происшествия, но вскоре успокоились, когда выяснилось, что всё это следует приписать мёртвому или живому киту.

При переменной, до сих пор большей частью благоприятной погоде 25 февраля мы оказались в соседстве с Землёй Штатов, и вид этого сурового и необитаемого острова, чьи крутые и остроконечные скалистые горы ограничивали наш южный горизонт, при ясном небе доставил нам немало разнообразия. Мы видели мыс Сан-Жуан, от которого, вероятно, находились примерно в 33 морских милях; этот мыс, лежащий на 63° 47' западной долготы, должен иметь величайшее значение для всякого морехода, потому что его положение определено с такой необыкновенной точностью, что наибольшая разница у самых искусных астрономов и мореходов составляет всё же лишь несколько минут. Этот мыс может служить каждому капитану торгового судна, который не всегда располагает средствами для точного определения долготы⁷, надёжным ориентиром для исправления корабельного счисления; это вдвойне важно в местности, где мореплавание столь опасно и где удачное огибание мыса Горн нередко может зависеть от точного определения долготы.

Количество альбатросов и буревестников увеличивалось по мере того, как мы продвигались дальше на юг, а фонтанообразные выбросы китов, которые ночью иногда принимались за буруны у какой-нибудь неизвестной скалы, стали для нас уже настолько обыкновенными, что едва привлекали наше внимание.

⁷ Пусть вспомнят американца, который оказался на три градуса западнее. См. выше, стр. 26.

То здесь, то там на море виднелись большие полосы или пятна, которые уже издали отличались своей гладкой поверхностью и менее волнообразным движением воды. Эти пятна образуются из жирных и маслянистых веществ, которые посредством дыхания, фонтанирования и испражнений китов сообщаются воде, и известно и примечательно, как мало масла требуется, чтобы распространиться по непостижимо огромной поверхности воды. На этом факте основано также предложение, кажется Франклина, во время шторма успокаивать море маслом.

Почти постоянно благоприятный ветер, с которым мы до сих пор столь быстро продвигались от Санта-Катарины, окрылял наши желания и оживлял наши мечты за несколько дней при прекраснейшей погоде обогнуть столь страшный мыс Горн; однако эта радость продолжалась недолго, потому что едва мы обогнули мыс Сан-Жуан и утром 26 февраля достигли широты печально знаменитого мыса, как поднялся очень сильный шторм с юго-юго-запада, и сильные порывы ветра с градом и дождём дали нам почувствовать, в каких областях мы плавали.

Мы настолько привыкли к тёплому климату и всё время имели такую умеренную температуру, что до 25 февраля, когда в полдень находились на $54^{\circ} 12'$ южной широты, редко наблюдали менее 22° тепла. В этот день, при дожде и шторме, термометр опустился до восьми градусов тепла, к чему мы все оказались весьма чувствительны. 27 февраля погода несколько прояснилась, в полдень наблюдали $57^{\circ} 19'$ южной широты и $5\frac{1}{2}$ градуса тепла. Волны вчерашнего шторма всё ещё катились очень высоко и утомляли и нас, и качавшийся корабль. Надежда на более спокойное море, которой мы уже начали льстить себя, вскоре разрушилась; ибо 28-го снова начались самые ужасные юго-западные ветры, сопровождавшиеся туманом, дождём и градом, и продолжались более 24 часов, пока наконец 1 марта шторм не улёгся, когда ветер повернул больше к северу; во время него вода проникала в корабль почти повсюду.

2 марта был одним из прекраснейших дней, пережитых нами после многих дней в этих южных широтах; освежающие лучи солнца согревали нас сегодня сильнее, чем когда-либо, и так как до сих пор продолжительные туманы, дождь и неприятная меланхолическая погода удерживали почти всех, кто не был вынужден выходить на палубу, от того, чтобы подышать свежим воздухом, то сегодня они старались возместить это; впервые за три дня снова были взяты высоты солнца, но часть нашей радости была нарушена, когда мы узнали, что за это время продвинулись только на юг и совсем не на запад.

Наши самые горячие желания поскорее выбраться из этих холодных, бурных областей, казалось, наконец были услышаны, поскольку после полудня поднялся слабый северо-восточный ветер, который к вечеру настолько усилился, что за один час мы прошли десять морских миль на запад, и утром 3 марта имели удовольствие принести нашему превосходному руководителю, сообщившему нам, что мы обогнули мыс Горн, самые сердечные поздравления и должную благодарность.

С 17 февраля термометр обычно показывал от 13 до $5\frac{1}{2}$ градусов тепла, в ночь на 1 марта он стоял всего на 1° выше точки замерзания.

Самое низкое положение барометра было 28 февраля во время шторма $28'' 5'''$, самое высокое его положение 2 марта $29'' 5'''$.

Едва мы вошли в Южное море, как северо-восточный ветер оставил нас, и вместо него теперь дул не слишком благоприятный западный ветер, который своим постоянством заставлял нас держать всё более южный курс, так что 5 марта мы находились на 60-м градусе, самой южной широте, достигнутой нами в этом путешествии.

После огибания мыса Горн, несмотря на то что мы шли южнее, с каждым днём становилось всё теплее, чем дальше мы продвигались на запад. С 5 по 13 число этого месяца обычное положение термометра было 4° , самое низкое 3° , а самое высокое 5° выше точки замерзания.

Штили, туманы и солнечные проблески при переменном, сначала умеренном восточном, затем с 12-го по 16-е сильном северо-северо-западном ветре сопровождали нас.

В ночь на 17-е между 3 и 7 часами ртуть барометра упала с 29" 40''' до 28" 45''' и этим до сих пор ещё не наблюдавшимся положением вновь заставила нас опасаться ещё не испытанного шторма, однако 18-го установилась прекраснейшая погода. Был почти полный штиль, солнце светило тепло, термометр в полдень в тени показывал 7° тепла, и множество альбатросов (*Diomedea exulans*), словно гуси, плавали вокруг нашего корабля (55° 46' южной широты, 89° 54' западной долготы). Пытались, хотя и напрасно, подстрелить нескольких из них из ружья. Как только раздавался выстрел, некоторые пытались улететь, однако могли подняться лишь очень тяжело и сперва пробегали большое расстояние по вздымающимся морским волнам, прежде чем набирали достаточно ветра, чтобы подняться на своих узких и длинных крыльях. Это было для нас новое и весьма желанное зрелище.

Хотя мы также неоднократно пытались ловить этих птиц на крючок, как другие мореходы, нам всё же не удалось поймать ни одной. Капитан Блай говорит⁸: «Способ, которым матросы ловили альбатросов, состоял в том, что приманку прикрепляли на один или два фута впереди крючка; когда птица оказывалась у приманки и они внезапно сильно дёрнули леску к себе, она таким образом зацеплялась крючком то за ногу, то за туловище. Альбатросов и других птиц, пойманных таким способом, запирали и откармливали, и благодаря этому они приобретали вкус, ничуть не хуже гусяного».

Следующая неделя была приятной, и до 24 марта ничего особенно примечательного не произошло. Однако в этот день поднялся очень сильный северо-северо-западный ветер, который держался до конца марта и сегодня, при продолжительном густом тумане, к нашей величайшей печали отделил нас от «Невы», нашей до сих пор верной спутницы.

Наш командир фон Крузенштерн назначил капитану Лисянскому на такой случай остров Пасхи местом встречи, и теперь на него было обращено наше особое внимание.

Были принесены все описания путешествий мореплавателей, посещавших этот остров; они возбудили наше любопытство сравнить его нынешнее состояние с прежним и посмотреть, не оказались ли несчастные жители, благодаря подаркам, оставленным Лаперузом⁹, в лучшем положении.

История этого совершенно изолированного в великом океане острова и поразительные изменения, которые он, должно быть, испытал за короткое время, чрезвычайно примечательны. Особые обстоятельства и неблагоприятные ветры заставили капитана фон Крузенштерна отказаться от своего намерения и надежды посетить этот остров, хотя мы находились всего в 500 морских милях к востоку от него.

Новейшее состояние этого острова достаточно известно из трудов Кука, Форстера и Лаперуза, однако я всё же не могу не привести здесь несколько мест из малоизвестного описания путешествия его первого открывателя, из которых видно, с каким преувеличением обнародовали открытия того времени.

Роггевен открыл этот остров 6 апреля 1722 года, и в одном труде, описывающем его путешествие¹⁰, между прочим говорится:

«Дикари не ходят нагими, но укутаны в хлопчатобумажные ткани; самое удивительное — длинные уши, что считается большим украшением; в некоторых имеются такие большие отверстия, что через них удобно можно было бы просунуть руку. До сих пор моему рассказу поверят, потому что в нём нет ничего необыкновенного. Но теперь я должен ещё сказать, что все эти дикари были выше великанов, а мужчины более чем вдвое выше и толще самых крупных наших людей. Большинство было двенадцати футов ростом, так что мы очень легко могли

⁸ См. Bligh, Voyage to the South-Sea, p. 39.

⁹ Они состояли из коз, овец, свиней, лимонных деревьев, хлопчатника, маиса и всевозможных семян. См. Voyage de La Pérouse etc., T. II, p. 94.

¹⁰ См. Twee Jaarige Reyze rond om de Wereld etc., te Dordrecht by Joannes van Braam, 1728, 4°.

бы, не нагибаясь, пройти между ногами этих сынов Голиафа. Все были хорошо сложены, так что каждый из них мог бы сойти за Геркулеса. Ни одна из женщин не достигала роста мужчин, ибо они были не выше десяти-одиннадцати футов. Я предполагаю, что большинство читающих это не поверят моему рассказу и сочтут его выдумкой или сказкой, поэтому ещё раз заявляю, что записал одну лишь чистую правду и что при самом точном исследовании этот народ действительно оказался именно такого сверхъестественного роста, как я описал» и т. д.

Господин Форстер говорит о жителях этого острова: «Мы не нашли среди них ни одного, кого можно было бы назвать высоким, при этом они были худы. Женщины малы и нежно сложены».

Так сильно расходятся старые и новые описания путешествий. Нам всем было жаль, что мы не могли посетить этот маленький и интересный остров.

Между тем при бурной погоде мы постепенно продвигались в более тёплые области. 1 апреля ветер стих, а в последующие дни ясная погода, дождевые ливни и штили сменяли друг друга. Термометр поднялся с 13° до 15°. 5-го снова поднялся столь сильный западный ветер, что при очень сильной качке один борт корабля лежал более чем на три дюйма в воде, а фок-парус черпал воду. 17-го мы пересекли тропик Козерога и после до сих пор столь тягостного плавания нашли более постоянную тёплую погоду весьма приятной и благотворной. Через несколько дней, 22-го, установились пассаты (18° 45' южной широты и 144° 50' западной долготы), и при ясной и прекрасной погоде и температуре от 18° до 23° мы приблизились к Маркизским островам и 6 мая, на рассвете, увидели один из них, который Кук называл Hood's Island, примерно в пятидесяти морских милях.

Краткие описания новых Маркизских, или Вашингтоновых, островов, доставленные нам Хергестом, Маршаном и другими, в целом казались столь благоприятными и многообещающими, что капитан фон Крузенштерн мог рассчитывать получить на крупнейшем из них, Нуку-Хиве, в изобилии свежие припасы. Поэтому в этом отношении он предпочёл его расположенной поблизости и обычно чаще посещавшейся Санта-Кристине.

Необычайное множество птиц и большие стаи мелких рыб, казавшихся похожими на сельдей (вероятно, *Scomber scomber* Linn.), возвестили нам 5 мая близость земли.

6-го на рассвете мы имели удовольствие увидеть Фетугу, или открытый Куком Hood's Island. Он похож на крутую скалу, поднимающуюся из моря, и кажется, по меньшей мере с северной стороны, совершенно голым, пустынным и бесплодным. Около 7 часов мы увидели несколько дальше к юго-западу, на туманном горизонте, острова Доминико и Сан-Педро. Около 9 часов показался Riou's Island (Уахуга); его голый вид и резкие, крутые, остроконечные скалы не особенно нас радовали. Мы заметили множество птиц, а вокруг корабля большими стаями плавали морские свиньи (*Delphinus phocaena* Linn.). В 5 часов вечера мы увидели в тумане желанное место пополнения запасов, остров Нуку-Хиву. Почти одновременно начались дождевые ливни и порывы ветра, поэтому с наступлением ночи большинство парусов было убрано, чтобы при довольно сильном ветре и дожде держать корабль как можно дальше от земли. Ранним утром, едва рассеялись туманы, остров Нуку-Хива снова стал виден. Чем больше мы к нему приближались, тем больше росло наше любопытство. С величайшим вниманием мы разглядывали в подзорные трубы уже довольно близкий юго-восточный берег. После долгого тяжёлого плавания мы с тоской искали те плодородные долины, столь превознесённые Куком, Форстером и другими, с превосходными хлебными деревьями, кокосовыми пальмами и бананами.

Покрытые лесом долины островов Южного моря уже в мыслях давали нам вкусить великолепнейшие плоды, хотя мы пока не видели ничего, кроме голых и пустынных скалистых утёсов. Лишь то здесь, то там в глубоких скалистых долинах можно было заметить некоторые следы культуры и населения. За ночь прошёл сильный дождь, и теперь множество водопадов, из которых некоторые низвергались с высоты по меньшей мере в тысячу футов, мчались

через тёмные скалы в ревущий прибой моря и оживляли этот мёртвый и бедно населённый ландшафт. Картина предстала нашим глазам в тем более приятном и привлекательном свете, потому что уже несколько недель мы страдали от сильного недостатка воды и были посажены на ежедневную порцию воды.

Лежавшая перед нами земля была средней высоты. Крутые и внезапно обрывающиеся массы скал сменялись то остро выступающими, то косо поднимающимися голыми каменными громадами, которые казались совершенно беспорядочными и как бы случайно брошенными туда. Нам снова казалось, будто мы перенесены на Тенерифе; по внешнему виду земля была словно выжжена, и первый взгляд обнаруживал сходное происхождение со всеми прочими так называемыми вулканическими островами. Лишь изредка можно было увидеть куст или заросль, украшавшие вершину тёмной скалистой пирамиды, либо дерево, цеплявшееся за почти чёрную скалу, едва покрытую землёй. Немногие полого поднимавшиеся холмы были покрыты прелестным травяным ковром. Как ни привлекателен поначалу был этот пейзаж, вскоре он всё же утомил глаз своим вечным однообразием, поскольку его не оживляли ни люди, ни какое-нибудь стадо, пасущееся на склоне горы.

Сильный прибой пенящихся у расщеплённых скал волн становился всё отчётливее, и мы были уже так близко к берегу, что самым тщательным образом старались обнаружить каких-нибудь жителей или каноэ, которое, как нам казалось, должно было быть выслано из соседней бухты и спешить нам навстречу, привлечённое любопытством к европейскому кораблю; однако напрасно. Несколько раз мы видели отдельные скалы, выступавшие из воды в напряжённом ожидании какого-нибудь каноэ. Наконец мы почти совершенно отказались от надежды быть встреченными жителями со стороны моря.

Поэтому капитан фон Крузенштерн приказал спустить две шлюпки, чтобы исследовать близкий, безжизненный берег и гавань. Между тем мы заметили нескольких островитян, которые ловили рыбу у скалистого берега и, насколько мы могли различить, совершенно равнодушно главели на нас, когда мы проходили мимо. Вскоре после этого мы наконец увидели, к нашей большой радости, приближавшееся каноэ с белым флагом, в котором сидели восемь нагих людей, гребших прямо к спущенным нами шлюпкам; мы старались наблюдать за ними с некоторого расстояния и бесконечно обрадовались, когда увидели, как один из этих дикарей без всякой робости прыгнул из каноэ в шлюпку, после чего она тотчас направилась обратно к нашему кораблю. Высказывались разные предположения, но мы немало удивились, когда вдруг вместо островитянина Южного моря увидели на нашей палубе европейца, совершенно раздетого по местному обычаю и обнажённого, кроме узкой набедренной повязки. Перед нами стоял английский матрос, назвавшийся Робертсом и, Бог знает при каких обстоятельствах и каким случаем попавший сюда; он, довольно хорошо говоря по-английски, уверял, что живёт на этом острове уже несколько лет. По цвету кожи он мало или вовсе не отличался от остальных островитян. Столь велико было влияние климата на его кожу. Разные рекомендательные письма от других бывших здесь капитанов, которым этот человек оказал верные и полезные услуги и которые он теперь предъявил, естественно, должны были внушить нам большее доверие, чем его одичавший вид, и мы немало радовались, неожиданно получив на борт европейского лоцмана, обещавшего дать нам точные сведения обо всём, что касается острова и его жителей.

Его осыпали тысячью и ещё тысячью вопросов, и каждый хотел первым получить ответ. Когда мы спросили о вожде или главе острова, он сказал, что здесь правит король и что брат этого короля прибыл вместе с ним в каноэ, которое теперь гребло рядом с нашим кораблём; это показалось нам смешным, однако мы тотчас позволили Его Королевскому Высочеству подняться к нам. На борт взобрался хорошо сложенный, татуированный по всему телу мужчина. Как и прочие его спутники, он был совершенно наг, не имел ни особенного вида, ни особого отличительного знака и был настолько робок и застенчив, что нас всех поразило видеть у такого сильного, мускулистого и крепкого мужчины столь детскую боязливость и страх. Поначалу он

отказывался взять протянутую ему руку, однако через несколько мгновений крепко прижился ко всякому, кто смотрел на него дружелюбно, и едва имел достаточно мужества хотя бы на мгновение оставаться один¹¹.

После того как редкие гости некоторое время робко осматривались на нашем корабле и захотели вернуться к своему каноэ, им подарили несколько гвоздей, ножей, красную ткань и другие предметы, с которыми они радостно прыгнули за борт и вплавь поспешили к своему судёнышку.

Тем временем, разговаривая с нашим лоцманом и задавая ему всевозможные вопросы, мы достигли гавани, где около часа пополудни бросили якорь примерно в половине морской мили от берега.

На близких, большей частью песчаных берегах всё ещё казалось мёртвым. Но прошло немного времени, и там собралось множество людей обоих полов. Большинство женщин можно было издали отличить по большей частью жёлтой ткани, сделанной из бумажной шелковицы и наброшенной вокруг тела.

Теперь многие островитяне приплыли с противоположного нашему месту стоянки северо-западного берега, удалённого примерно на три морские мили. Поначалу издали мы могли видеть лишь множество выступавших из воды черноволосых голов, но вскоре перед нами предстало редкое зрелище: несколько сотен нагих мужчин, женщин и девушек плавали вокруг нашего корабля, причём большинство приносило на продажу кокосовые орехи, бананы и плоды хлебного дерева.

Крик, смех и шум этих всегда весёлых людей были неописуемы и производили на каждого особенное впечатление. Лишь немногим островитянам, которых англичанин Робертс объявил более знатными, был разрешён доступ на корабль, остальные ликовали, словно сирены, плавая вокруг него. Непрерывный шум был сильнее, чем на самой многочисленной нашей ярмарке, и за столом мы едва слышали собственное слово. Молодые девушки и женщины, которые, как и мужчины, собрались совершенно нагими и в немалом числе, были необычайно шумны и разговорчивы и, по нашим европейским понятиям, бесстыдны. При каждом нашем движении или поступке они разражались громким и весёлым смехом, а так как мы не понимали ни слова из множества прекрасных речей, которые они нам рассказывали, то они очень скоро делали себя понятными посредством самых непристойных и бесстыдных жестов и пантомим, которыми предлагали свои прелести. Некоторые насмешливо указывали на своих более крупных подруг и старались сами добиться большего предпочтения, громко повторяя «Wahine iti iti», то есть «маленькая девушка», и старались придать своим предложениям больше веса словами «huka-huka»; другие показывали свою физическую ловкость, кувыркались в воде, ложились и плавали на спине и были вне себя от радости, когда замечали, что какая-либо из их проделок привлекла внимание зрителя. Едва ли можно вообразить непристойную позу, которой они не показали бы нам. Мужчины, приплывшие вместе с ними, нисколько не ревновали; напротив, муж, казалось, расхваливал достоинства своей жены, брат — сестры, отец — дочери, любовник — возлюбленной.

К вечеру большинство островитян по нашей настоятельной просьбе удалились на сушу после того, как некоторые из них по меньшей мере четыре-пять часов непрерывным криком и шумом действительно немало утомляли наши уши.

¹¹ Эта необычная боязнь, быть может, объясняется столкновением, которое предназначено для Ванкувера провиантское судно «Daedalus» имело здесь с жителями, когда в феврале 1793 года, прибыв с северо-западного берега Америки, оно бросило якорь в этой гавани (Port Anna Maria). Начавшееся дружеское общение было прервано ссорой между матросом и островитянином. Последний ударил первого и был тотчас застрелен матросом после того, как прыгнул за борт. Лейтенант Хэнсон, командовавший судном, после этого был вынужден из-за враждебного поведения островитян покинуть гавань, и эта смерть, которая, как мы впоследствии услышали, коснулась человека из уважаемой семьи, по-видимому, ещё оставалась в свежей памяти и объясняла его страх.

Женщины и девушки и здесь, как почти везде, оказались упрямее или по меньшей мере менее послушными, чем мужчины; возможно, избалованные прежними посещениями европейцев, они также знали, что эти прибывающие чужеземцы и добродушные люди в конце концов не привыкли отвечать отказом. Одним словом, красавицы острова столь упорно настаивали на своей просьбе подняться на борт и были столь навязчивы и шумны, что в конце концов, только чтобы положить конец шуму, пришлось прислушаться к их отчасти уже совсем жалобным просьбам и разрешить по меньшей мере некоторым из них доступ на корабль.

Теперь эти грации явились во всей своей наготы; ибо хотя они никогда не покидают сушу, не привязав по меньшей мере зелёный листочек, у большинства это небрежное покрытие исчезло от долгого плавания и многочисленных проделок. Лишь у некоторых сохранилось немного листвы, и, к счастью для них, у нас не было на борту коз или овец, которые, вероятно, так же жадно стремились бы к этим листьям, как мы к принесённым нам бананам, кокосовым орехам и плодам хлебного дерева, иначе нам пришлось бы вместе с Вильсоном¹² сказать: «Проказливые козы причинили прекрасным молодым девушкам много неприятностей; они не оставили им даже их зелёных листьев и набросились на них со всех сторон так, что вскоре те остались совершенно нагими и лишёнными листвы».

Как ни готовы были эти островитянки раздавать знаки своей благосклонности и как ни охотно следовали они за каждым матросом, протягивавшим им руки, всё же между ними царила известная стыдливость; ибо все те, кто потерял свои листья, немало опасались, что можно увидеть часть их обычно скрытых прелестей, и, чтобы избежать этого, шли маленькими шагами, едва переставляя одну ногу перед другой, согнувшись, с втянутыми и плотно сведёнными коленями и бёдрами, стараясь рукой заменить лист; так что в этой позе, подобной Венере Медицейской, они представляли философскому наблюдателю человека прекрасное зрелище. Те же, у кого ещё висел листочек, при каждом движении были заняты тем, чтобы снова вернуть его на надлежащее место.

Мы немало удивились, заметив среди этих девушек, которые сами добровольно теснились к нам, некоторых, которым едва ли могло исполниться восемь или девять лет и которые при ещё далеко не сформировавшемся теле во всех отношениях должны были считаться детьми, но тем не менее весело и радостно столь же охотно выставляли на рынок свои юные прелести, как и их старшие подруги. На мой прямой вопрос и расспросы об этом Робертс сообщил мне, что эти мнимые дети уже давно утратили то, что у них следовало бы предполагать; более того, он уверял меня, что взрослой девушке считалось бы позором, если бы, отвергаемая мужчинами, она не могла раздавать знаки своей благосклонности, и что незамужняя девушка ценится тем больше, чем больше у неё любовников. Другая девочка, которой могло быть самое большее десять-одиннадцать лет, по словам нашего осведомителя, была признанной женой одного островитянина.

Мы недолго могли предаваться нашим философским размышлениям; ибо вскоре одна сирена за другой, рука об руку с матросами, исчезала во внутреннем пространстве корабля, и богиня ночи своим тёмным покрывалом скрыла всё, что там могло происходить.

Так среди новых, удивительных и никогда не виданных сцен закончился первый день нашего пребывания здесь. На следующее раннее утро одна красавица за другой перепрыгивала за борт и проворно плыла к близкому берегу с подарками разного рода.

Матросы, которым самим было нечего особенно раздавать, одаривали своих возлюбленных бутылками, разбитыми горшками, осколками фарфора, цветными лоскутками и другими предметами, и всё это в первый день, казалось, производило живейшее впечатление радости. Один из них, не зная в спешке, чем выразить свою признательность, оторвал тесьму от пары

¹² A Missionary voyage to the southern Pacific Ocean, performed in the years 1796, 97–98 in the ship Duff commanded by Capt. James Wilson. London 1799, 4°, with maps, charts & views.

старых изношенных штанов и украсил ею шею своей красавицы, которая, щедро вознаграждённая столь редким европейским подарком, поспешила домой более гордая и довольная, чем иной рыцарь с орденой лентой, и, вероятно, думала про себя:

Honni soit qui mal y pense.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

Описание острова Нуку-Хива. Введение. Краткий обзор Маркизских и Вашингтоновых островов. Описание острова. Климат. Положение. Население. Продукты страны. Жители.

Вместо того чтобы в форме журнала рассказывать о случившихся событиях, мне кажется более целесообразным свести воедино результат наблюдений, сделанных мною во время нашего пребывания на Нуку-Хиве, и таким образом бросить общий взгляд на этот архипелаг и его жителей вместе с их нравами и обычаями. Однако для этой цели я считаю необходимым предпослать следующие замечания.

Из предыдущего уже известно, что нас встретил англичанин по имени Робертс; он тотчас сообщил нам, что на острове мы найдём также француза, которого, однако, старался представить в очень дурном свете, и одновременно предостерёг капитана фон Крузенштерна от общения с этим человеком. Если бы французу посчастливилось первым прийти к нам, то он, несомненно, сказал бы нам то же самое о Робертсе, своём заклятом враге; как бы то ни было, хотя этот англичанин хотел воспрепятствовать всякому общению француза с нами, последний сумел так ловко устроить дело, что вскоре после нашего прибытия явился к кораблю в обществе так называемого короля. Он называл себя Жан Батист Кабри, уроженец Бордо. После дружеского увещания нашего достойного командира фон Крузенштерна, который всеми способами старался восстановить спокойствие, мир и согласие между обеими сторонами, они, казалось, действительно примирились друг с другом и во время нашего пребывания сообща оказывали нам полезные услуги. В особенности англичанин Робертс, которому его порядочное поведение в общении давало нам основание оказывать большее доверие, всё время держался самым бескорыстным и безупречным образом и всеми силами стремился удовлетворить наши желания.

Оба этих европейца уже несколько лет жили то на одном, то на другом острове этой группы и оба, особенно француз, изучили их язык, так что могли, как переводчики, сообщать нам наилучшие сведения об этих островах, нравах, обычаях и привычках их жителей, насколько это было доступно их пониманию. Жаль только, что такой редкой возможностью мы могли пользоваться лишь столь мало дней¹³.

Последующие замечания не являются простыми предположениями, возникшими из философского суждения о до сих пор ещё неизвестной группе островов; напротив, это её верное изображение по показаниям двух людей, которые уже несколько лет прожили среди этих народов и не имели ни малейшей причины что-либо от нас скрывать, да и сами не были достаточно просвещены, чтобы навязывать нам целенаправленные выдумки. Я старался как можно больше расспрашивать обоих и принимал какой-либо факт за истинный лишь тогда, когда находил его подтверждённым двумя людьми, в основе своей враждебно настроенными друг к другу. Впрочем, должен признаться, что сообщения англичанина я ценю ниже, чем сообщения француза, потому что последний дольше жил здесь и настолько одичал, что между ним и туземцами в отношении его нравов, образа жизни и, я бы сказал, образа мыслей было очень мало различий. Свой родной язык он почти забыл и поначалу мог привести в доказательство своей национальности только постоянно повторяемое «me parler François». Он был татуирован по всему телу, не исключая лица, плавал так же хорошо, как островитяне, жил с дочерью одного мелкого вождя в браке с богатейшим человеком острова и находился на самой доверительной ноге с его семьёй и принадлежавшими к ней жителями Нуку-Хивы. Англичанин

¹³ Мы находились на Нуку-Хиве всего 10 дней.

Робертс, напротив, жил более обособленно от жителей, насколько мы могли заметить, не обладал такой свободой в местном языке, по моему мнению, был менее знаком с нравами страны и сам довольно безразличен к ним; зато имел лучший характер и больше природного рассудка, был гораздо образованнее и, по-видимому, своим хорошим поведением приобрёл значительное влияние на жителей; возможно, впрочем, это было лишь теперь, поскольку жители вскоре заметили, что мы оказываем ему большее доверие и что он является нашим настоящим деловым посредником и переводчиком, тогда как француз был лишь его спутником.

Влияние, которое первый утверждал, будто приобрёл благодаря брачной связи, вероятно, мало способствовало его авторитету, поскольку он жил с девушкой низкого происхождения и лишь под покровительством одного уважаемого вождя, на родство с которым хотел претендовать, хотя только обменялся с ним именем, что здесь и во многих местах Южного моря создаёт род родства или тесную религиозную связь, приблизительно как у нас кумовство.

Первая часть путешествия капитана фон Крузенштерна теперь, когда я это пишу, уже появилась в печати; его интересные замечания отчасти отличаются от моих, причина этого, очевидно, заключается в том, что он больше расспрашивал Робертса, я же — Кабри. Ни один справедливый судья, конечно, не подумает, будто этим различием мнений или отдельных фактов я преследую намеренные или тем более оскорбительные цели и хочу обвинить достойного фон Крузенштерна, без поддержки которого я не мог бы представить эти замечания публике, в отдельных неправдах или публично выступить против него; поэтому, чтобы быть правильно понятым и не предстать в ложном свете, я считаю необходимым здесь публично заверить человека, которому я всем обязан и за дружбу которого питаю самые тёплые чувства благодарности, что я ни из какой низкой цели не отступаю от него там, где ему противоречу, а делаю это лишь потому, что имел другого осведомителя. Поэтому, если я, например, говорю, что матери кормят своих детей грудью, если я допускаю существование брачных связей и т. п., то в этих и других противоречиях виноват Жан Кабри. Мысли свободны; эти и подобные мелочи, право же, недостаточно значительны, чтобы ставить под угрозу дружбу человека, которого я всегда буду уважать и чьи заслуги признаны всей Европой. Благодаря этим расхождениям публика скорее сможет увидеть трудности, стоящие на пути путешественника, желающего исследовать истины и факты чужих стран и народов. Впрочем, всякому, конечно, предоставляется свобода присоединиться к мнению Робертса или Кабри.

Краткий обзор группы Маркизских и Вашингтоновых островов.

Группа Маркизских островов была открыта Альваро Менданьей де Нейрой в июле 1595 года; он назвал её так в честь маркиза Мендосы де Каньете, который был тогда вице-королём Перу и послал его с четырьмя кораблями, чтобы исследовать открытые тем же Нейрой Соломоновы острова. Впоследствии эти Маркизские острова вновь были впервые посещены Куком, который в 1774 году нашёл до тех пор неизвестный остров Фетугу, или Фатаугу, и дал ему название Hood's Island. С тех пор эту группу посещали Ле Маршан в 1791 году, Хергест в марте 1792 года, Браун в июне 1792 года, капитан Робертс в 1793 году, Вильсон в 1797 году и многие другие мореходы, особенно из Соединённых Американских Штатов.

Капитан Робертс, также американец, провёл три месяца на Тахуате (Санта-Кристина) и построил там небольшое судно, на котором ради пушной торговли отплыл к северо-западному берегу Америки.

Маркизские, или Вашингтоновы, острова были открыты Ингрэмом и Ле Маршаном почти одновременно. Кто особенно интересуется географическими сведениями об этих островах, тот найдёт у Ле Маршана, Ванкувера, Вильсона и прежде всего в путешествии фон Крузенштерна весьма верное, подробное и точное описание; я же ограничусь здесь только общим обзором.

Табличный обзор старых Маркизских островов.

Истинное название

Старое название

Название у европейцев

Кем назван

Определённое место

1. Fatuiva

Ohitaoa

La Magdalena

Mend. de Neys, 1595

середина острова, около $10^{\circ} 30'$ ю. ш.; $138^{\circ} 29'$ з. д.

2. Motane

Onateia

St. Pedro

—

около $9^{\circ} 47'$ ю. ш.; $138^{\circ} 55'$ з. д.

3. Tahuata

Ohiata

St. Christina

—

Port Madre de Dios, около $9^{\circ} 54'$ ю. ш.; $139^{\circ} 8'$ з. д.

4. Hivaoa

Ohivaua

La Dominica

—

восточная оконечность, около $9^{\circ} 59'$ ю. ш.; $138^{\circ} 24' 30''$ з. д.

5. Fetugu

Tithoa

Hood's Island

Cook, 1774

середина, около $9^{\circ} 57'$ ю. ш.; $138^{\circ} 29' 30''$ з. д.

Табличный обзор новых Маркизских, или Вашингтоновых, островов.

1. Nukahiwa

Federal Island — Ingraham, 1791; Ile Baux — Marchand, 1791; Sir H. Martins Isl. — Hergest, 1792; Adams Isl. — Roberts, 1793

юго-восточная, южная и северо-западная оконечности определены различными мореходами.

2. Uahuga

Ruahuga

Washington Isl. — Ingraham; Massachusetts Isl. — Roberts; Riou's Isl. — Hergest

западная оконечность, двойной пик и середина острова определены различными наблюдениями.

3. Уароа

Ruaroa

Adams Isl. — Ingraham; Ile Marchand — Marchand; Jefferson Isl. — Roberts

северная оконечность и другие пункты.

4. [острова, известные под названиями Lincoln, Ile Platte, Resolution Isl., Covell Isl.]
названия у Ингрэма, Маршана, Робертса и Вильсона.

5–6. [Motu и соседние острова]

Franklin Isl. — Ingraham; Bligh Isl. — Roberts.

7. Ниау, или [неразборчиво]

Knox or Hancock — Ingraham.

8. Fatahu

Masse et Chanal — Marchand; Franklin and Lynd — [неразборчиво]; Roberts Isl. — Hergest.

Описание острова Нуку-Хива.

Берега этого острова большей частью круты и представляют собой чёрные голые массы скал, которые, без сомнения, обязаны своим существованием вулкану и поднимаются из поверхности моря почти отвесно. Близость экватора, от которого остров удалён лишь на несколько градусов, уже позволяет предположить очень жаркий климат, поэтому термометр, вероятно, редко показывает ниже 18–20° тепла. Маршан в июне наблюдал 27°, а мы в мае обычно 23–25°, притом на корабле. Пребывание здесь должно быть весьма здоровым, чему оба европейца служили для нас наглядным доказательством. Болезней почти не знают, за исключением ран и других случайных повреждений.

Зима, как и в большинстве мест между тропиками, характеризуется здесь частыми ливнями. Однако если случается — как это, к несчастью, бывало иногда и, в частности, за год до нашего прибытия, — что в течение девяти-десяти месяцев не выпадает ни капли дождя, наступает голод, который не только вызывает большую смертность, но и служит поводом к самым отвратительным и неслыханным поступкам, о которых я буду говорить ниже.

Господствующие ветры — восточные пассаты, особенно сильные осенью и называемые tiutin. Юго-западные ветры островитяне называют tuwatone. Они, как говорят, господствуют зимой и тогда используются для плавания к соседним островам; мореплавание у них находится в плохом состоянии, потому что на путь к близкому острову Санта-Кристина они обычно тратят три дня. Весной и летом большей частью дуют северные ветры, называемые tukuahu; для западного или северо-западного ветра, говорят, в местном языке нет особого названия, потому что этот ветер, как утверждают, дует здесь чрезвычайно редко или вовсе не дует. Грозы бывают лишь изредка.

Остров имеет приблизительно пятнадцать немецких миль в окружности и, как уже сказано, состоит из голых, крутых, большей частью неприступных гор, между которыми лежат узкие, местами очень плодородные и богатые водой долины.

На южном берегу находятся несколько безопасных гаваней, а именно:

1) гавань и бухта Тауо-Ноае, или Taiohaie, или Tiohai¹⁴, которую Хергест назвал Port Anna Maria;

¹⁴ Из этих и последующих различных произношений видно, насколько трудно чужеземцу уловить правильные звуки; я написал бы Tiohai, но следуя наименованию капитана фон Крузенштерна, который принял Тауо-Ноае.

- 2) Home, Hoome, Siume, Tscho-ome, Comptroller's Bay Хергеста;
- 3) новая гавань Напоа, Port Tschitschagoff фон Крузенштерна;
- 4) на северо-западной стороне острова капитан Браун на «Butterworth» утверждал, что открыл несколько хороших, многолюдных гаваней, которые, насколько мне известно, никем точно не исследованы и не описаны;
- 5) на северо-восточной оконечности «Нева» при своём прибытии заметила населённую бухту;
- 6) юго-западная сторона, по-видимому, представляет низкую и полого поднимающуюся землю, и, вероятно, здесь также нашлись бы бухты и безопасные якорные места.

Поскольку островитяне взаимно воюют друг с другом и живут в постоянной вражде, мы могли получить мало сведений об отдалённых областях острова. Реки и горы определяют границы их поселений.

Наиболее населёнными местами в окрестностях нашей якорной стоянки являются три первые из вышеупомянутых гаваней и прилегающие к ним долины, которые, как говорят, вместе насчитывают около 3000 способных к войне мужчин.

Окрестности Comptroller's Bay, или Home, были названы нам одной из наиболее населённых частей острова и состоящими из трёх долин.

На западной или юго-западной стороне, как говорят, находится крупнейшая река острова и очень многолюдная долина, которую мне называли Ясара.

Капитан фон Крузенштерн получил сведения ещё об одной, Hotty shewe¹⁵, способной выставить до 1200 воинов.

Долина у гавани Чичагова (Uapoа) называется Schegua, а другая, непосредственно к ней примыкающая, Ihanahui.

Зять вождя Таю-Ноае по имени Mauday, как говорят, владеет долиной во внутренней части страны, которая также выставляет до 1200 воинов.

Из этих и других отдельных, ненадёжных сведений население Нуку-Хивы можно было бы определить до 18 000 человек; однако, судя по многим поселениям, с которыми мы познакомились, и по, вероятно, ещё большему числу неизвестных нам, я считаю эту цифру слишком низкой.

Войны уносят меньше людей, чем голод и связанная с ним мерзость — утоление голода человеческим мясом, вследствие чего только в долине Таю-Ноае в прошлом году, по словам наших переводчиков, погибло много сотен людей, так что теперь на одну женщину приходится четыре мужчины и осталось очень мало детей.

Насколько образ жизни способствует обезлюдению, станет ясно из приведённого ниже описания.

Возможно и весьма вероятно, что в иное время остров был значительно более населён и через несколько лет снова оправится. Хергест, посетивший эту гавань за двенадцать лет до нас, утверждает, что видел на близком берегу около 1500 жителей, тогда как при нашем прибытии собралось самое большее 800–1000.

Вашингтоновы острова в отношении произведений своей земли существенно не отличаются ни от известных по Куку и другим Маркизских островов, ни от островов Дружбы и Общества. Хлебное дерево (*Artocarpus incisa*), плод которого, по уверению Форстера, здесь крупнее и вкуснее, чем где-либо, кокосовые орехи и бананы, таро, или пищевой корень (*Arum esculentum*), ямс (*Dioscorea alata*) и бататы (*Convolvulus Batatas et chysorrhizus* Sol.) являются главнейшими продуктами растительного царства; кроме того, сахарный тростник также встречается часто, хотя его мало употребляют или используют. Таитянские масляные орехи (*Irocarpus Forsteri*) служат здесь, как и там, для освещения, древесина казуарины (*Casuarina*

¹⁵ Англичанин, вероятно, здесь неправильно произнёс слово; мне оно не кажется нуку-хивским.

equisetifolia) — для метательных копий, боевых палиц и другого оружия. Луб бумажной шелковицы (*Morus papuifera*) употребляется для приготовления тканей, единственной имеющейся у них одежды. Из бамбука (*Bambusa arundinacea*) они строят свои дома, а калесасы, вероятно, получают из *Crescentia Cujete*. Скорлупа кокосовых орехов служит им сосудами для воды и питья.

Большинство растений, найденных Форстером на Санта-Кристине, я снова наблюдал здесь, на Нуку-Хиве; несколько новых видов я опишу в своих ботанических тетрадах. Таитянские яблоки (*Spondias*), которых этот знаменитый натуралист не нашёл на Маркизских островах, встречаются здесь, на Вашингтоновых островах, хотя и редко.

Помимо названных выше пищевых растений имеются ещё некоторые плоды и корни, которые жители собирают во время голода, чтобы поддерживать жизнь. Поскольку они находятся лишь в высоких неприступных горах, мне удалось получить от туземцев только названия некоторых: *Wahinei*, очень хороший плод; плод *Pipa*, вероятно *Aniotum fagiferum*; *Tefah*, или *Tirah*, красный плод, который едят лишь по необходимости; *Tih*, толстый корень, имеющийся круглый год, но употребляемый только во время голода; *Cape*, хорошая питательная пища, вероятно, тождественная таитянскому *Ape* и *Карре* Сандвичевых островов (*Agum macrorrhizon*).

Земля была бы способна к очень высокой культуре многих полезных растений, например сахарного тростника. Мы дали Робертсу несколько апельсиновых косточек, и он, конечно, постарается развести здесь этот превосходный плод.

По свидетельству всех мореходов, посещавших острова Дружбы и Общества, жители Маркизских и Вашингтоновых групп превосходят всех остальных обитателей Южного моря ростом, телесной красотой, правильностью черт лица, цветом кожи и т. д.

Мужчины¹⁶ почти без исключения сильны, высоки и хорошо сложены. Немногие были столь толсты и неповоротливы, как знатные таитяне, ни один не был столь худ и истощён, как жители острова Пасхи; мы не заметили ни одного калеки или уродливого человека, а большей частью видели красавцев, правильность сложения которых возбуждала наше восхищение. Некоторых можно было бы поставить рядом с шедеврами античного искусства, и они, несомненно, ничего бы от этого не потеряли.

Борода блестящая, чёрная и обычно редкая, потому что они выдёргивают много волос. Волосы на голове обычно длинные, курчавые, густые и чёрные, лишь у немногих светлее.

Особенно привлек наше внимание некий *Mau-ka-u*, или *Mufau Taputafaya*, своей телесной силой, пропорциями мышц и всех отдельных частей. Ему было 20 лет, ростом он был 6 футов 2 дюйма парижской меры, и надворный советник Тилезиус, чей опытный глаз учёного и художника никогда не видел более прекрасного соразмерного строения живого тела, взял на себя труд точно измерить все отдельные части и их соотношения. После нашего возвращения в Европу он сообщил свои наблюдения надворному советнику Blumenbachу в Гёттингене, и этот достойный учёный, столь много сделавший для естественной истории человека, сравнил Муфау с Аполлоном Бельведерским и, к всеобщему удивлению, на основании имевшихся у него данных нашёл, что этот шедевр творческого искусства греков, соединяющий в себе всё, чем восхищаются как идеалом мужской красоты, по своим пропорциям и соотношениям совпадает с нашим Муфау, жителем Нуку-Хивы.

Нам ещё рассказывали, что вождь соседнего острова Ура при столь же правильных пропорциях на целую голову выше Муфау; следовательно, если сообщения наших Роберта и Кабри верны, его рост должен составлять по меньшей мере семь футов.

¹⁶ См. путешествие Форстера вокруг света.

Этот предмет кажется мне достаточно интересным, чтобы ещё раз привести здесь измерения Муфау, сделанные господином надворным советником Тилезиусом так, как они напечатаны в *Voigts Magazin der Naturkunde*, т. 12, вып. 6, с. 495:

Рост — 6' 2" парижской меры.

Ширина плеч — 19½".

Окружность [плечевого пояса] — 40".

Ширина груди — 15".

Длина руки от плечевого сустава до кончика самого длинного пальца — 22" 4".

Высота головы от темени до подбородка — 10".

Окружность головы через лоб и почти над ушами — 25¼".

Окружность груди — 42".

Окружность живота в области подреберий — 32".

Окружность большого таза, измеренная вокруг бёдер — 42".

Окружность бедра — 25".

Окружность икры — 17½".

Окружность голени на один дюйм выше стопы, где она тоньше всего, — 10".

Длина стопы — 12½".

Наибольшая ширина стопы — 5½".

Окружность плеча — 13½".

Окружность предплечья — 13½".

Окружность кисти — 11½".

Длина кисти — 9".

Окружность шеи — 16".

Расстояние от темени до пупка — 51½".

От пупка до разделения бёдер — 10½".

От разделения бёдер до подошвы — 38".

Черты лица этих людей почти без исключения приятны, открыты и полны живости; их чёрные глаза не лишены выразительности. Большинство имеет столь привлекательные и приятные черты, что мы думали замечать в них и в их обращении добродушие в самых живых проявлениях и, подобно Куку и Форстеру, покинули бы их в уверенности, что нашли дружелюбный, предупредительный и добрый народ, если бы европейские переводчики не разуверили нас.

Женщины вообще несоразмерно меньше мужчин, но имеют очень пропорциональное телосложение¹⁷. Некоторые по фигуре и физиономии похожи на хорошо сложенных знатных женщин Таити.

Капитан Вильсон, который в 1797 году отплыл с этого острова, прежде славившегося своими очаровательно красивыми девушками, к Маркизской группе и имел на борту таитянку, говорит: «Хотя наша отаитянка была довольно красива и мила, она всё же была затменена здешними, очень хорошо сложенными женщинами и, по-видимому, в немалой степени чувствовала своё поражение; однако она была любезнее и обладала большей мягкостью и нежностью своего пола, чем те».

Женщины¹⁸ имеют хорошо сформированную голову, полное, скорее круглое, чем продолговатое лицо, большие сверкающие глаза, свежий цвет лица, очень красивые зубы, выразительные, симметричные черты и чёрные, большей частью курчавые волосы. У многих из низшего класса, которые ежедневно являлись к кораблю, тело было маленьким, без осанки, живот несоразмерно толстым, походка волочашейся. У более знатных, которые редко или вовсе не

¹⁷ См. путешествия Форстера, с. 16 и 25.

¹⁸ См. Крузенштерн, с. 170.

приходили на борт, этого не было. У них более приятная фигура, более стройный рост и много живости, так что в этом отношении их можно назвать красивыми. В истинности этого я убедился во время отдельных прогулок, когда мы, майор Фридрици, надворный советник Тиле-зиус и я, в некоторых более отдалённых долинах иногда встречали девушек и женщин знатного класса, которые красотой превосходили всех прочих из окрестностей гавани, были выше ростом, держались с большим достоинством и всегда были одеты и не желали вступать с нами в разговор, а скромно, робко и сдержанно удалялись. Капитан фон Крузенштерн также признаёт (с. 42 и 152), что дочь и невестка вождя Тароһоае и жена Робертса были настолько красивы, что даже в Европе им не отказали бы в красоте, и (с. 147), что женщины в долине Schegua вообще были лучше сложены и даже многие из них могли считаться очень миловидными. Это были не те обыкновенные публичные женщины, которые посетили нас в первый день. Как бы ни восхваляли все мореходы красоту женского пола Южного моря, я всё же склонен полагать, что на Нуку-Хиве она значительно уступает мужской, и если бы отдельные примеры не убедили нас, что хорошо сложенных и красивых женщин держали от нас вдали и нас посещал лишь самый низкий класс народа, то физиологически было бы примечательно и необъяснимо, как слабые, маленькие девушки, чей рост был задержан ранними излишествами, могли производить на свет гигантское тело Муфау и многих других подобных мужчин.

Поэтому весьма вероятно, что мы видели лишь немногих из множества красивых женщин и большей частью только распущенных публичных женщин острова; впрочем, признаюсь, что форму и фигуру хорошо сложенной негритянки я считаю более приятной и, по нашим европейским понятиям о красоте и соразмерности, более совершенной, чем у островитянок Южного моря. Аполлона Бельведерского мы действительно нашли на Нуку-Хиве, однако вопрос, сможет ли следующий внимательный наблюдатель обнаружить оригинал Венеры Медичейской на африканском берегу или в Южном море.

Естественный цвет кожи этих островитян почти такой же белый, как у европейцев. Однако под влиянием климата и действия палящих солнечных лучей она постепенно становится буровой. Особенно это относится к людям низшего класса, у которых едва имеется набедренная повязка и которые из-за своей службы и работы постоянно подвергаются солнцу. Вильсон уверяет, что некоторые женщины, которые при его прибытии были почти столь же белы, как европейки, вследствие того, что приходили к кораблю и часто подвергались солнечному жару, в конце концов приобрели совершенно тёмный вид. Новорождённые дети, которых мы видели, имели почти такую же белую кожу, как в Европе. Женщины высшего класса заботятся о сохранении более светлого цвета кожи не меньше наших красавиц; чтобы не испортить его, они живут уединённо, редко подвергаются действию солнечных лучей, покрываются тканями из луба бумажной шелковицы и, выходя, носят зелёную ветвь дерева или банановый лист вместо зонтика от солнца; благодаря этому они настолько сохраняют естественный цвет кожи, что очень похожи на европейских брюнеток. Стремление нравиться достигло здесь среди дам уже такой степени, что они изобрели средство за несколько дней снова отбеливать обожжённую солнцем кожу; они пользуются им некоторое время перед большими народными праздниками и публичными играми, чтобы при этом вызвать больше одобрения и восхищения. Для этого они натирают всё тело соком листьев различных растений, которые называют *Eraphä*, *Hofosfuh* и *Ohue*. Кожа от этого сначала становится совершенно чёрной. Те, кто таким способом хочет вернуть себе красоту, в течение пяти-шести дней не должны покидать жилище и тем более подвергаться солнцу. По истечении этого времени, обычно за день до праздника, они смывают свежей водой чёрную краску растительного сока, после чего выступает естественная более белая кожа.

Другой обычай, как мужчин, так и женщин, состоит в смазывании тела кокосовым маслом, которое они считают очень благоуханным и ради красоты смешивают с различными окрашивающими в жёлтый цвет растительными соками, особенно *Hibiscus populneus* Linn. Эта

жёлтая краска вместе с блестящим маслом, по вкусу многих островитян, особенно мужчин, увеличивает телесную красоту, делает кожу мягкой и гибкой и прежде всего препятствует сильному испарению, которое в столь жарком климате очень скоро ослабило бы организм и причинило бы ему величайший вред; кроме того, это значительно облегчает плавание.

Хотя мы, европейцы, не могли найти приятного запаха в этой дурно пахнущей и блестящей мази, старые женщины и молодые девушки считали её большим украшением и усилением своих прелестей. Некоторые надеялись посредством этого туалетного искусства одерживать победы и очень удивлялись, когда им старались объяснить, что естественное состояние их кожи красивее.

Нуко-хивцы считают также приличным иметь совершенно гладкое, лишённое всяких волос тело и с этой целью выдёргивают волосы на руках и под ними, на груди, словом, повсюду, а оставление этого обычая приписывают большой небрежности. Вождь, или старейшина долины Katanua, однажды с удивлением остановился перед одним из наших морских офицеров и знаками велел ему стоять спокойно, затем вытянул пальцы и ногти и хотел выдернуть у него волосок с внутренней поверхности носа. В этом месте волосы, вероятно, считаются вдвойне неприличными, потому что на этой группе островов в знак любви и дружбы вместо поцелуя прижимают носы друг к другу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Татуировка. Одежда. Пища. Хлебное дерево. Жилища.

Самый примечательный и интересный способ, каким жители Южного моря украшают обнажённое тело, состоит в пунктировании, или татуировке. Это украшение столь многих народов земного шара заслуживает большего внимания путешественников, чем ему до сих пор уделялось, и я удивляюсь, что острый взгляд Форстера столь равнодушно прошёл мимо этого предмета, поскольку, бесспорно, очень поразительно находить один и тот же обычай у далеко удалённых народов, которые не имеют между собой никаких точек соприкосновения и, насколько нам известно, никогда их не имели.

Среди европейцев, особенно среди паломников ко Гробу Господню и матросов почти всех европейских народов, на Молуккских островах, на северо-западном берегу Америки, на Сандвичевых, Дружеских островах и островах Общества, на острове Пасхи, у новозеландцев и других народов, словом, на северном и южном полушариях, на востоке и западе, в Старом и Новом Свете, можно найти больше или меньше следов этого обычая, имеющего целью либо сохранить память о каком-либо месте или поступке, либо украсить тело¹⁹. Однако среди всех известных народов земли, вероятно, ни один не довёл искусство пунктирования до такой высокой степени совершенства, как жители Маркизских, или Вашингтоновых, островов.

Самые правильные рисунки и украшения, которыми на Нуку-Хиве тело мужчин покрыто с головы до ног, в известной мере заменяют этим людям одежду, без которой они вследствие жаркого климата могут совершенно обходиться. Многие здесь столь же сильно стараются приобрести значение посредством симметричной татуировки, как у нас — посредством богатого платья; и хотя это украшение не означает никакого личного отличия, особенно часто им пользуются лишь знатные, потому что только они способны за него платить.

Дело татуировки поручено некоторым людям, единственным способом заработка которых является занятие этим искусством, и я предполагаю, что тот, кто проявляет больше всего вкуса и обладает наибольшей ловкостью в исполнении, имеет и больше всего работы, приблизительно как у нас хороший портной, только с той разницей, что выбор здесь нельзя делать

¹⁹ Возможно и весьма вероятно, что распространяющаяся в тёплых земных поясах по всему телу татуировка посредством рубцевания множества кожных пор способствует уменьшению испарения через кожу и таким образом в известной мере заменяет смазывание маслом.

столь безразлично; ибо если платье татуировки однажды испорчено, вред приходится носить всю жизнь.

Для татуировки употребляют крыловые кости тропических птиц (*Phaeton aethereus*), которые на одном конце зазубривают наподобие гребня и заостряют, получая то полулунные, то прямолинейные, широкие или узкие инструменты, или татуировочные острия, смотря по тому, что художник считает необходимым для достижения своей цели.

Эти гребнеобразно заострённые кости вставляются под острым углом в бамбуковую палочку толщиной с палец, по которой мастер татуировки другой палочкой умеет ударять столь мягко и искусно, что их острия едва проникают через кожу. Основные линии фигур, которые предстоит татуировать, сначала рисуются на коже той же самой краской, которая впоследствии втирается в насечки, и служат как бы путеводными линиями, по которым накалываются желаемые формы. Когда это сделано и через тонкие проколы выступают кровь и лимфа, в них втирают уголь маркизского масличного, или свечного, ореха (*Aleurites triloba*), растёртый с небольшим количеством воды в густую краску. Затем на татуированном месте возникает лёгкое воспаление и струп, под которым, когда он через несколько дней отпадает, появляется синеватая, или чёрно-синяя, пунктированная фигура.

Как только житель Нуку-Хивы вступает в юношеский возраст, начинается татуировка, и это одно из важнейших событий его жизни. Художник, который её выполняет, получает в награду несколько свиней как до, так и после работы. Их количество определяется богатством отдельного человека. Во время нашего пребывания на этом острове татуировали сына вождя *Katanua*. Для этой цели, как сын знатного человека страны, он на несколько недель, пока продолжалась татуировка, был отделён в особом доме и был *tahbu*, то есть не должен был выходить и не мог принимать никого, кроме лиц, исключённых из действия *tahbu*, к которым, например, принадлежит отец. Всем женщинам, даже матери, доступ к кандидату воспрещён. Лучшие припасы, необходимые татуируемому и мастеру татуировки во время пунктирования, должны быть заранее доставлены, а последнему, пока он занят, ежедневно подаваться в изобилии. В первый год он закладывает лишь основу главных фигур на груди, руках, спине и бёдрах, причём так, что следующую не начинает, пока струп первой фигуры ещё не высох или не отпал. Таким образом, каждый отдельный рисунок требует от трёх до четырёх дней, и первый сеанс обычно длится три-четыре недели.

Во время первой операции, или наложенного *tahbu*, мальчику нельзя много пить, поскольку полагают, что таким образом предупреждают более сильное воспаление, а также нельзя есть рано утром, но только в полдень и вечером. После того как начало однажды положено, впоследствии каждые три или шесть месяцев, а иногда и через ещё большие промежутки, к главным рисункам добавляют побочные фигуры и украшения, так что может пройти тридцать-сорок лет, прежде чем тело будет полностью татуировано. Мы видели нескольких пожилых мужчин знатного положения, которые были настолько испещрены татуировкой с головы до ног, что рисунок отдельных фигур едва можно было различить, отчего тело приобретало совершенно негроподобный вид. По здешним представлениям это высокая степень совершенства телесного украшения, вероятно потому, что оно дорого и расходы на множество свиней, непосредственно с ним связанные, выдают состоятельного человека. Довольно странно, что богатые мужчины усматривают свою красоту в негроподобном облике, а женщины, напротив, — в сохранении естественного белого цвета кожи!

Пунктирование людей менее состоятельных производится в общих, специально для этого устроенных *tahbu*-домах, принадлежащих мастерам татуировки и представляющих собой как бы пансионы или татуировочные мастерские. В каждом таком жилище, которых один татуировщик, часто посещавший нас на борту, имел три, одновременно могут быть приняты восемь-десять человек, которые затем должны платить соразмерно за накалываемое им платье, смотря по тому, насколько фигура более или менее трудна и искусна.

Более бедные островитяне, у которых не так много свиней для убоя и которым, вероятно, большей частью приходится довольствоваться хлебными плодами, позволяют накалывать себя начинающим и дилетантам в искусстве татуировки, работа которых не заслуживает особого внимания и чьи пробные изделия даже чужеземец очень скоро распознаёт.

Самый низший и беднейший класс, большей частью рыбаки, которых, однако, нам довелось увидеть очень мало, не может собрать столько средств, чтобы заплатить за такое платье, даже сделанное учеником, и потому они вовсе не татуированы.

По уверению наших переводчиков, ни в пунктировании вообще, ни в рисунке отдельных фигур не существует какой-либо привилегии или отличия. Кто хорошо платит мастеру татуировки, тот получает украшение кожи соответственно оплате. Женщины на Нуку-Хиве татуированы лишь немного и этим отличаются от всех жительниц Южного моря. Пунктирование кисти, простирающееся только от пальцев до запястья, придаёт ей вид руки, покрытой красивой перчаткой, и наши перчаточники могли бы вполне позаимствовать у женщин этого острова для своих набивных перчаток штамп *à la Washington*²⁰. Ступни, татуированные лишь у некоторых, похожи на пёстро вышитые полусапожки; кроме того, у женщин иногда видны продольные полосы на руках и кольца там, где европейские дамы носят браслеты. У очень немногих татуированы также мочки ушей и губы до того места внутри рта, где они соприкасаются с дёснами.

Татуировка женщин производится не так, как у мальчиков и мужчин, в *tahbu*-доме, а без всякой церемонии, в их собственном доме, в присутствии родственников или где им угодно.

Иногда богатый островитянин из щедрости, честолюбия или любви устраивает в честь своей жены пир, состоящий в заклании свиньи; по этому случаю он велит вытатуировать ей браслет, мочку уха или иной какой-нибудь знак и сообщает приглашённым друзьям и подругам причину пиршества, а те через некоторое время отвечают на эту любезность таким же образом, велев вытатуировать своей возлюбленной ту же фигуру, что носит жена их друга.

Это один из немногих случаев, когда женщины получают свиное мясо.

Если в очень сухой год наступает голод и хлебные плоды, свиньи, корни и другие пищевые продукты становятся редки, тот, у кого ещё остаётся наибольший запас, обычно вождь, делится им со своими голодными братьями и затем некоторое время держит открытый стол для определённого числа бедных глоток, причём всем присутствующим вытатуировывают определённый знак этого пиршественного общества. В силу *tahbu* все эти орденские братья впоследствии обязаны поддерживать каждого из своих товарищей пищей, если при будущем голоде окажутся в состоянии отплатить равным за равное. Одна из самых разумных масонских лож на земном шаре.

Наш переводчик Кабри, почти по всему телу плохо и неправильно, то есть каким-то халтурщиком, татуированный, получил при подобном случае чёрно-синий, татуированный глаз, а Робертс, у которого можно было видеть только небольшой прямоугольник длиной около шести дюймов и шириной четыре дюйма, наколотый на груди, уверял, что никогда не согласился бы на украшение этим нагрудным щитом, если бы голод, господствовавший здесь в прошлом году, не заставил его войти в число двадцати шести сотрапезников, которых тогда кормил *Kātānuāh*, вождь долины *Tiohai*, и тем поддерживал их жизнь.

Один и тот же человек может быть членом нескольких подобных обществ; однако от всякого блюда порция должна быть послана так называемому жрецу или колдуну, Тауа, если он сам не является участником этого общества; подобные пиршественные общества возникают и при танцевальных праздниках.

Во время голода иногда также соединяются несколько людей, одинаково татуированных таким способом, и делят между собой всё, что имеют, грабят или убивают, образуя тем самым настоящие разбойничьи шайки.

²⁰ См. Voigts Magazin der Naturkunde, т. XI, вып. IV, где можно найти кисть так называемой королевы *Kātānuāh*.

Сами фигуры и рисунки выбраны с большим вкусом и приспособлены к каждой отдельной части тела; они изображают частью животных, частью какой-либо иной предмет, относящийся к образу жизни жителей этой группы островов, и каждая фигура здесь, на Нуку-Хиве, как и на Дружеских островах, имеет собственное название.

При более точном рассмотрении в них замечают расположенные рядом точки или пятна, кривые линии, квадраты и другие рисунки, имеющие величайшее сходство с узорами, известными под названием *à la Grecque*. На всём теле соблюдается самая совершенная симметрия, голова мужчины татуирована во всех отдельных частях, грудь же обыкновенно украшена фигурой в виде щита, на руках и бёдрах несколько то узких, то широких полос расположены столь искусно, что можно было бы предположить, будто эти люди изучали направление и волокна мышц. Вдоль спины проходит широкий крест, начинающийся у затылка и заканчивающийся у последнего спинного позвонка. На верхней и передней стороне бёдер обычно находятся фигуры, которые должны изображать человеческое лицо. Колено имеет свои особые украшения. По обеим сторонам икр находятся две овальные фигуры, которые выглядят очень хорошо; словом, всё целое обнаруживает большой вкус и искусство, ибо от татуировки не избавлены даже самые нежные части тела, например веки.

Одежда этих островитян, как я уже упоминал выше, состоит в набедренной повязке, называемой у мужчин *Tschiabu*, у женщин *teweu*, или *teuwei*. Женщины обычно заворачиваются в большой кусок ткани, приготовленной из луба бумажной шелковицы (*Morus papuifera* Linn.). Это делается, вероятно, меньше из стыдливости, чем для того, чтобы не обгореть на солнце. Во время нашей меновой торговли на берегу многие охотно отдали бы свою накидку за кусок железа или за нож, если бы не находились слишком далеко от жилища и не боялись потерять под палящими солнечными лучами красоту более белой кожи.

Лишь у немногих мужчин мы видели ткань или циновки из луба, переплетённые и связанные на груди или под подбородком, очень небрежно прикрывавшие спину.

Основная пища этих людей берётся из растительного царства и состоит из уже названных выше природных продуктов, а именно хлебных плодов, кокосовых орехов, бананов и т. д.

Хлебный плод здесь и почти на всех островах Южного моря играет ту же роль, что зерно и картофель в Европе, тапиока, или корень кассавы (*Jatropha manihot*), в Бразилии и рис у народов Востока.

Хлебное дерево (*Artocarpus incisa*) первоначально родом с островов Южного моря и было прежде всего введено в наши знания великими английскими мореходами. Важность и польза этого открытия побудили английское правительство в 1787 году снарядить экспедицию под командованием капитана Блая, чтобы пересадить эту здоровую и превосходную пищу в английские Вест-Индские владения. Хотя эта первая дорогостоящая попытка не удалась, капитан Блай впоследствии всё же был вторично отправлен на Отаити, откуда наконец счастливо доставил этот божественный дар в Вест-Индию, где он с 1792 года прекрасно произрастает²¹.

Хлебный плод приблизительно имеет величину и форму кокосового ореха или дыни и растёт на высоком, толстоствольном, тенистом дереве, листья которого похожи на дубовые, только гораздо крупнее и имеют от 2 до 4 футов в продольном размере. Этот плод, как картофель, нельзя есть сырым, а только варёным, жареным на огне или печёным; его вкус различен в зависимости от способа приготовления и вообще может сравниться со вкусом бананов, однако он менее сладок и не столь жирен и сытен, так что больше всего напоминает вкус булки или белого хлеба, приготовленного из тончайшей муки с маслом, яйцами, молоком и сахаром. Вещество этого плода рыхлее и мучнистее, чем у банана.

²¹ Voyage to the South Sea for the purpose of conveying the bread-fruit tree to the West-Indies, by W. Bligh. London 1792, 4°, и Voigts neues Magazin der Naturkunde, т. I, вып. 2, с. 140.

Обычный способ печь его состоит в том, что вырытую в земле яму выкладывают гладкими широкими камнями и разводят в ней сильный огонь. Когда камни хорошо раскалены, яму очищают от углей и золы, выстилают бамбуковыми палками и листьями, а завернутый в банановые листья хлебный плод покрывают бамбуком, горячими камнями и землёй и оставляют это блюдо в земле столько, сколько считают нужным. Хлебный плод, таким образом нежно испечённый в закрытой яме и затем приготовленный с молоком, выжатым из натёртых кокосовых орехов, называется *Waifas*; он очень любим и вкусен. Вождь долины *Taiohai* однажды принёс нам это блюдо в подарок, как образец здешнего кулинарного искусства, и всем нам оно показалось очень вкусным.

Если хлебный плод обжаривают на огне, соскребают наружную оболочку, а затем смешивают с небольшим количеством воды или у знатных — с натёртым кокосовым орехом и выжатым из него молоком, это вкусное блюдо называется *Kafuh*.

Спелый хлебный плод в свежем виде можно хранить лишь несколько дней, поэтому во время большого изобилия его режут на небольшие кусочки и бросают в ямы приблизительно восьми футов длиной, четырёх футов шириной и пяти-шести футов глубиной, выложенные широкими камнями. Там он вскоре начинает бродить, и образуется настоящая закваска, сохраняющаяся месяцами. Жители называют эту пищу *Roroï*²² и повсюду носят её с собой свёрнутыми комками как самую обычную из всех пищ.

Когда эту закваску (*Roroï*) смешивают с водой, получается напиток, вкус которого совершенно напоминает вкус хорошей жирной пахты и который очень охлаждает и освежает. О специальном способе приготовления других блюд, состоящих в различных соотношениях из смеси корней таро и ямса, бананов, кокосовых орехов и других плодов, мне не удалось получить точных сведений.

Животная пища этих островитян состоит из человеческого и свиного мяса, рыбы и кур; два последних почти не имеют значения, свиньи же наряду с человеческим мясом играют главную роль в хозяйственном и политическом отношении.

Не рождается ребёнок, не заключается брак, не совершается погребение, не татуируют знатного человека, не устраивают танца, праздника или иной церемонии без того, чтобы не было заколото больше или меньше свиней; их едят, запечёнными в горячих каменных ямах, обычно без соли, поскольку островитяне не привыкли к её употреблению и лишь иногда замешивают её морской водой.

Рыба и раки ценятся невысоко, а кур и особенно петухов держат больше ради перьев, чем ради пищи.

Недостаток разнообразия животной пищи они стараются восполнить поеданием, или пожиранием, своих убитых врагов, то есть человеческим мясом. Важность этого предмета побуждает меня ниже говорить о нём подробнее.

Во время голода они с удовольствием также соглашались есть крыс, медуз (*Medusa*) и некоторые другие продукты, обычно не употребляемые в пищу.

Употребления обычного на других островах Южного моря опьяняющего напитка *Cova* из корня перца (*Piper latifolium*) мы не заметили, хотя растение и приготовляемый из него напиток жителям известны. Вероятно, воздержание от этого нездорового напитка много способствует красоте здешней человеческой породы.

Жилища нуко-хивцев различны по величине и снаружи похожи на европейский одноэтажный домик без окон, разрезанный вдоль посередине и с задней стеной, значительно более высокой, чем передняя, потому что последняя имеет лишь три-четыре фута, а первая — более 20–22 футов. Длина такого дома около 25 футов, ширина 6–8 футов, и он укреплен четырьмя

²² Вероятно, *Roroï* означает пищу вообще, поскольку пищевой дом, см. с. 110, называется *Roroï tahbu*, хотя там едят главным образом свиное мясо.

крепкими столбами, прочно вбитыми в землю, над которыми лежат горизонтальные жерди. Боковые стены состоят из тонких бамбуковых палок одинаковой толщины, поставленных на расстоянии около трёх дюймов одна от другой в отвесном направлении, частью весьма аккуратно, и изнутри завешены листьями пальмы *Soroba* и некоторыми папоротниками, чтобы препятствовать сквозняку. Крыша покрыта несколькими слоями листьев хлебного дерева, благодаря чему жители защищены от самых сильных ливней.

Вход находится в передней низкой стене, и мне кажется странным, что не только здесь, на Нуку-Хиве, но и в жилищах всех грубых и некультурных людей он настолько несоразмерно низок и узок. В холодных климатах, населённых низкорослыми людьми, можно было бы привести справедливой причиной холод, легче проникающий через большее отверстие; однако почему эти вообще столь высокие люди в жарком климате затрудняют себе вход в дома столь низким, маленьким и узким отверстием, для меня непостижимо.

Хорошие жилища построены на платформе или возвышении из больших, четырёхугольных и закруглённых камней, которая иногда ещё на несколько футов выступает перед домом, благодаря чему жилище, бесспорно, становится суше, а вид свободнее. При этом основании нельзя не удивляться также ловкости, с какой жители умеют столь искусно и красиво, без извести или раствора, соединять довольно большие камни, которые едва могут быть перенесены или перекатаны десятью-двенадцатью людьми, возводя настоящие римские стены, делающие честь европейскому строителю.

При постройке нового дома соседи попеременно помогают друг другу. Часто строят ради развлечения, а состоятельные люди имеют в нескольких частях своей долины подобные жилища, или, скорее, хижины, которые можно поставить за несколько дней.

Строительство более крупных жилищ, где совместно может жить многочисленная семья, выполняется как мужчинами, так и женщинами; однако если мужчины совершенно одни, без помощи женщин, доставляют камни, необходимые для основания дома, то именно поэтому построенное на них жилище впоследствии становится для женщин *tahbu*, то есть они никогда не смеют в него входить. Каждый состоятельный островитянин имеет по меньшей мере одну такую *tahbu*-хижину, обычно несколько отделённую от жилого дома. Он устраивает её по своему удобству и главным образом как свою столовую, чтобы здесь в одиночестве, без присутствия жены, тем спокойнее есть свиней, от которых женщины лишь в редких случаях и по любезности и великодушию мужа получают маленький кусочек. Такой *tahbu*-дом называется *Poroi tahbu*.

Каждое новопостроенное жилище должно быть освящено Тауа, жрецом, колдуном, знахарем, или как угодно называть этих людей; он произносит речь, а затем говорит на языке, непонятном каждому туземцу. Его нужно угостить свиньями и другими хорошими блюдами, за что он совершает множество весьма странных церемоний и первую ночь спит в новом доме, благодаря чему тот оказывается защищён от всех злых духов, которые могли бы впоследствии явиться.

При особых обычаях домашней жизни для женщин также назначаются отдельные дома; например, молодую девушку, когда у неё появляются признаки зрелого возраста, и женщину во время родов отделяют в отдалённые хижины, построенные только для этой цели.

Внутри домов чисто, потому что их жители посредством *tahbu* или законов обязаны соблюдать большую чистоту. Брус по длине делит пол внутреннего пространства на две неравные части, на узкой передней видны голые камни, а на задней лежит мягкая трава, покрытая соломенными циновками и служащая жильцам обоих полов местом для сна. На стенах висят принадлежности, например большие и малые сосуды из калекас (*Crescentia Cujete*), скорлупа кокосовых орехов, рыболовные сети, копья, пращи, ходули, боевые топоры, тесла, различные украшения, барабаны и т. д.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Общественное устройство. Религия и законы.

Об общественном устройстве, войнах, религии, характере и образе мыслей этих островитян было настолько трудно составить за немногие дни нашего пребывания правильное представление, что я едва осмеливаюсь сказать об этом что-либо определённое. Познания и способность наших переводчиков к суждению также были столь ограничены, что они обыкновенно противоречили сами себе, как только хотели установить что-нибудь общее.

Собственно какой-либо формы правления мы вовсе не заметили. Робертс, который как англичанин, вероятно, всегда имел в уме короля, дал этот титул самому уважаемому человеку в долине Tihohae по имени Kätänuäh; однако сам он, по-видимому, не присваивал себе даже власть вождя, не говоря уже о власти правителя. Вероятно, он происходит из одной из старейших семей и, быть может, как уважаемый отец семейства имеет самое обширное родство и самые большие владения; политически же он не осуществляет никакой верховной власти. Никакими внешними знаками почёта или одеждой он нисколько не отличается от своих сограждан, кроме того, что был несколько больше татуирован, но это было общим у него со многими другими богатыми людьми. Его тело было хорошо упитано и неповоротливо, так что он едва ли мог бы выгодно отличиться как предводитель или в спорах, где всё решает ловкость.

Его властные решения или приказания высмеивались, и он имел так мало влияния на жителей, что по просьбе капитана фон Крузенштерна не мог даже удержать толпу народа от нашего места стоянки или наложить на него tahbu. Иногда он приезжал с другими островитянами на каноэ, а в другое время вместе со своими земляками вплавь поднимался на борт, причём нельзя было заметить никакого различия или почтения к его достоинству, которое внушало бы его присутствие. Каждый округ и каждая долина острова, по словам наших переводчиков, имеет короля, так что на этом острове, имеющем едва 46 немецких миль в окружности, должно находиться десять-пятнадцать и более таких лиц; однако, как мы видели, они имеют над своими подданными меньше власти, чем у нас сельский староста над своими крестьянами. Поэтому я склонен утверждать, что Робертс и Кабри сделали Kätänuäh королём и что ни он, ни остальные старейшины, ни богатые, ни бедные не имеют никакого понятия о политической верховной власти, правительстве или государственном устройстве.

Этот вождь, так называемый король долины, владеет и, вероятно, наследует множество хлебных деревьев, кокосовых и банановых рощ и как таковой способен кормить многих людей, которые ради этого отдают себя под его защиту, однако так, что каждый остаётся своим собственным судьёй, а поступки всех островитян определяются tahbu.

Если один убивает другого, что при столь бурных страстях, вероятно, случается нередко, семья убитого объединяется против убийцы; возникает открытая борьба, и оскорблённые обычно не прекращают её до тех пор, пока не будет убит либо сам убийца, либо человек из его семьи; но как только убит мужчина или женщина, мальчик или девочка, всякая вражда прекращается и между обеими сторонами снова устанавливается наилучшая гармония. Во время такой семейной распри иногда, как говорят, присутствует очень много зрителей из соседних домов, причём никто не вмешивается, чтобы попытаться установить дружбу и примирение.

Каждый островитянин в своём образе жизни руководствуется предрассудками и обычаями, а его страсти сдерживаются укоренившимся суеверием, страхом перед невидимыми духами и привидениями, всё это заключено в слове tahbu. Отсюда происходят их законы и то, что у них можно было бы назвать религией.

Знание всех законов tahbu могло бы многое объяснить в отношении устройства, образа жизни, нравов и обычаев, и если бы Робертс и Кабри были более образованными людьми, мы, вероятно, могли бы собрать об этом более важные сведения; вместо этого я должен ограничиться лишь немногими замечаниями, которые сделал случайно.

1) Личность жрецов, или Тауа²³, и всё их имущество, а именно украшения, калебасы, инструменты, каное и т. п., являются tahbu, то есть должны считаться как бы священными и не могут быть никем, кроме владельца, носимы или трогаемы.

Поначалу нам было непонятно, почему некоторые островитяне, которые в остальном нисколько не отличались от других, не хотели отдавать свои головные украшения или другие обыкновенные принадлежности даже за значительные подарки, пока слово tahbu не дало нам объяснение.

2) Личность знатных и богатых является tahbu, то есть без оскорбления невидимых духов и возбуждения их ненависти нельзя совершать над ними никакого личного насилия.

3) Каждый человек, будь он даже самым низким в долине, который на войне убивает одного врага или первого врага, вследствие этого геройского поступка становится tahbu на десять дней, или, другими словами, в течение этого времени он не может иметь общения со своей женой. Ему приносят в подарок свиней, и ему служат как знатному; даже огонь в это время для него tahbu, следовательно, другой должен разводить ему огонь и готовить для него. Возможно, такой особой почётной заботой хотят поощрить его и других к дальнейшим геройским поступкам.

4) Moraï, или место погребения, является tahbu для женского пола, поэтому ни одна женщина не может посещать это место и, если приближается к нему, должна накинуть большой кусок ткани или, если она нагая, сделать большой крюк.

У каждого островитянина имеется место погребения возле его дома; при нём или недалеко от него находится Ророï-Tahbu, или пищевой tahbu-дом, где мужчины спокойно поедают своих свиней.

Moraï Тауа совершенно отделён от всех жилищ, и здесь обыкновенно съедают убитых врагов. Таким образом, посредством этого tahbu женщины весьма удачно удерживаются от употребления свиного мяса и ещё большего лакомства — человеческого мяса. В этом пиршестве могут участвовать только лица, являющиеся tahbu, Тауа, знатные страны, их тётки и герои сражения.

5) Человеческое мясо является tahbu для женщин, то есть они ничего не получают от этого лакомства. Правда, при известных обстоятельствах бывают исключения, но они мне точно неизвестны.

6) Жена вождя является tahbu для его друзей и для всех, кто носит его имя, то есть друзья и тётки не могут позволять себе особых вольностей в отношении его жены.

7) Голова каждого островитянина является tahbu, поэтому нельзя переступать через голову спящего; даже отец не может переступить через голову своего сына.

При нашем прибытии мы хотели погладить некоторых красивых мужчин по голове, отчего они пришли в страх и смущение и познакомили нас с этим tahbu.

По-видимому, в основе этого закона лежит забота о личной безопасности, поэтому никого нельзя застать врасплох во сне или даже только схватить за голову.

8) Каждый ребёнок сразу после рождения получает от родителей по меньшей мере одно хлебное дерево, и оно является tahbu даже для отца и матери. Если родители настолько бедны, что не могут уступить хлебное дерево, для ребёнка тотчас сажают новое, и таким образом обеспечивается его питание, поскольку одного или двух хлебных деревьев достаточно, чтобы кормить одного человека в течение целого года.

9) Большие калебасы (Crescentia Cujete), служащие сосудами для питья и воды, являются tahbu для каждого отдельного человека обоих полов. Женщины никогда не могут прикасаться к мужским, даже вешать их в доме; отсюда очевидно право собственности.

²³ Поскольку название «жрец» или «первосвященник» легко могло бы вызвать слишком религиозное представление, я буду здесь и далее всякий раз называть этих колдунов или чародеев по местному языку Тауа.

10) Если у кого-либо что-нибудь украдено, например свинья, и потерпевший подозревает виновника, он из мести налагает tahbu на свиней или владения вора. Он даёт его свиньям или деревьям своё собственное имя или имя другого человека, вследствие чего эти вещи, по представлениям островитян, одухотворяются или заколдовываются; ибо они полагают, что в них находится дух умершего или живого человека (natetu), и такая процедура иногда оказывается достаточной, чтобы заставить вора оставить свои владения и поселиться в другом месте. Свиней, которые являются nateta, то есть одухотворёнными, нельзя закалывать.

Каждый житель мужского и женского пола может одухотворить и сделать tahbu самые красивые из своих деревьев, и это охраняет его собственность.

11) Набедренная повязка каждого является tahbu, то есть её нельзя употреблять ни для какой иной цели или вешать в доме рядом с другими принадлежностями; она должна висеть в углу на палке или лежать на земле. Этим достигается чистоплотность.

12) Жилище является tahbu для воды, или вода является tahbu для жилища, поэтому нельзя мыться в хижине или выливать хотя бы одну каплю воды на камни или циновки; благодаря соблюдению этого обычая дом всегда сух и чист.

13) Самые искусные ходоки на ходулях, выступающие на публичных танцевальных праздниках, являются tahbu в течение трёх дней перед ними; следовательно, они не выходят, хорошо ухаживают за собой и не имеют общения со своими женщинами, вероятно чтобы накопить больше сил.

14) Та часть места для танцев, которую занимает музыка, а именно десять и более барабанов и множество певцов и крикунов, является tahbu для женщин, потому что эти весёлые и беспокойные создания своей живостью легко могли бы мешать музыкантам.

15) Огонь мужчины является tahbu для женщины, то есть она не может готовить на огне, разведённом мужчиной, и не может есть ничего из пищи, приготовленной на нём; мужчина, напротив, может по своему желанию есть всякую пищу женщины.

16) Если мужчина вечером зарывает блюдо из бананов и кокосовых орехов в горячую каменную яму, чтобы оно жарилось всю ночь, он является tahbu и должен всё это время держаться вдали от женщины, иначе блюдо не приготовится.

17) Если свинья где-нибудь лежит поперёк тропы и спит, она является tahbu, и нельзя переступать через неё или будить её, а нужно обойти вокруг, вероятно чтобы не нарушать покой этого доброго животного.

18) Свинина, как уже сказано, вообще, как и человеческое мясо, является tahbu для женщин, то есть собственно они не могут её есть; однако и здесь бывают исключения. Например, если мужчина дарит своей жене свинью, что, впрочем, бывает крайне редко, и она сама её жарит, она может съесть её со своими подругами; или если мужчина даёт жене поросёнка и она сама кормит его с юности, выращивает, сама закалывает и жарит, такая свинья является tahbu для мужчины, а женщина может затем без дальнейшего его согласия распоряжаться ею как пожелает. В отдельных случаях также устраивают пиры, на которых женщины получают свиное мясо. См. выше, с. 103.

19) Почти все рыбы, в частности *Perca*, *Chaetodon*, *Diodon*, *Muraena*, *Raia*, *Squalus*, *Scomber* и т. д., в то время, когда большинство хлебных плодов ещё незрелы, являются tahbu, следовательно, их нельзя есть. Существует суеверие, что при нарушении этого закона все молодые хлебные плоды опадут с деревьев, что повлечёт голод. Связь хлебных плодов с рыбами непостижима. Может быть, последние в это время нездоровы и жители посредством такого tahbu удерживаются от их употребления? Или как раз наступает время нереста и соблюдением такого закона хотят предупредить ещё большее уменьшение и без того небольшого количества рыбы? По меньшей мере странно, что, как только хлебные плоды созревают и наступает величайшее их изобилие, рыбный tahbu прекращается и тогда можно ловить сколько угодно.

20) Если женщина prepares кокосовое масло²⁴, она в течение всего времени этой работы, то есть пять и более дней, является tahbu и должна избегать общения с мужчинами, иначе масла она не получит.

21) Кокосовое масло, приготовленное женщиной, является tahbu для мужчины, и наоборот.

Кто нарушает tahbu, тот Kikino, то есть дурной человек, и не может избежать справедливого наказания за свой проступок, а именно посредственного или непосредственного воздействия духов, Atuan, и жрецов Тааа; болезнь или внезапная смерть являются верными последствиями.

Если кто-нибудь дурно отзывается о Тааа, они тотчас узнают об этом через служащих им духов, и быстрая смерть злословившего неизбежна.

Из этого можно было бы заключить, что иногда люди внезапно умирают без предшествующей болезни, то есть от удара, и это кажется мне тем более вероятным, что, по здешним представлениям и по словам наших Робертса и Кабри, при нарушении tahbu лица иногда искажаются духами и возникают параличи рук и ног.

Такие и подобные представления и предрассудки лежат в основе общественного устройства, религии и законов жителей этой группы островов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Нравы и обычаи жителей Нуку-Хивы. Антропология. Война. Рождение. Брак. Погребение. Колдовство. Обрезание. Танцевальные празднества. Музыка. Хождение на ходулях. Плавание. Украшения. Утварь. Игрушки. Каное. Краткие замечания. Образцы языка.

Теперь я перехожу к нравам и обычаям нуку-хивцев и полагаю, что описанием отдельных поступков смогу несколько лучше осветить характер и образ жизни этого грубого народа.

Нет на земле существа, которое при всех поясах и климатах столь яростно выступало бы против собственного рода, как человек.

Стоит только бросить взгляд на историю земного шара. В самых бесплодных степях и самых плодородных странах, на самых маленьких островах и величайших материках, словом, во всех частях света, как среди диких, так и среди цивилизованных народов, человек вечно стремится уничтожить себе подобных, и повсюду мы видим его от природы грубым и жестоким! Наблюдения над обитателями этих недавно открытых островов, которые, насколько нам известно, никогда не находились в связи ни с одной цивилизованной нацией и потому могут рассматриваться как естественные люди в их первоначальном состоянии, дают замечательные примеры в подтверждение этого положения.

Нежные и сладостные чувства сердечности и любви, дружбы и привязанности, даже родителей к своим детям и обратно, я, к сожалению, лишь редко находил у грубых и необразованных народов.

Африканские орды приводят на рынок не только своих пленных врагов, но и собственных детей и родственников. То же самое делают киргизы, калмыки и некоторые жители северо-западного побережья Америки; и здесь, на Нуку-Хиве, женщина, которой в шутку предложили кусочек железа за ребёнка, сосавшего у неё грудь, тотчас, не задумываясь, хотела с ним расстаться.

Наши страсти удерживаются в узде более высокой культурой, то есть разумом, утончёнными нравами и преимущественно религией; если же этого и совести нет, человек груб и в таком первоначальном состоянии способен на всякие, даже самые отвратительные поступки, не сознавая при этом, что делает зло. С этой точки зрения мне весьма легко объяснить, как возможно, что нуку-хивцы, подобно многим другим народам, пожирают своих убитых врагов, а мужчины во время голода убивают и едят своих жён и детей. Это древний, унаследованный от

²⁴ О его приготовлении см. ниже.

отцов и дедов и укоренившийся обычай, который они столь же мало считают отвратительным и над которым столь же мало задумываются, как мы при поедании куска говядины, хотя у некоторых азиатских народов и это считается делом совести. Прежде чем говорить специально об антропофагии этих островитян, я предположу несколько общих замечаний, потому что предмет этот кажется мне достаточно важным, чтобы несколько дольше на нём остановиться²⁵.

Несколько знаменитых людей без достаточного основания сомневались в действительном существовании людоедов, хотя бесспорно, что почти все народы земли были повинны в этом пороке. Как ни невероятно это кажется, существовали и ещё существуют, особенно в Южной Америке, во внутренней и западной Африке, народы, которые едят человеческое мясо только ради его приятного вкуса и из одной лишь лакомости. Эти народы пожирают не только пленников, но собственных жён и детей; некоторые даже публично покупают и продают человеческое мясо. Именно от этих народов мы имеем сведения, будто белые люди вкуснее негров, а англичане должны быть вкуснее французов. Далее, мясо молодых девушек и женщин, а особенно новорождённых детей, будто бы значительно превосходит по вкусу мясо самых красивых юношей и мужчин, а внутренняя сторона ладони и подошвы ног предпочтительнее всех остальных частей человеческого тела.

Причины, побуждающие человека к этому кажущемуся противоестественным поступку, главным образом следующие:

1) Крайняя нужда, когда вследствие полного отсутствия пищи голод становится столь силен, что жизнь можно сохранить только таким способом.

Эта причина самая общая и представляется невинной, если употребляют лишь мясо трупов; ибо мёртвому совершенно безразлично, быть ли съеденным червями, животными или людьми; однако и при этом поступок нельзя оправдать по следующей причине: Лоурейро уверяет, что во время большого голода в Индии, когда погибло несколько сот тысяч людей и дороги и улицы были покрыты мертвецами, поскольку не хватало ни людей, ни сил их хоронить, он наблюдал, как многие решили поддерживать свою жизнь этой отвратительной пищей, а некоторые после окончания голода уже не по необходимости, а увлечённые непреодолимым желанием стали выслеживать живых людей, чтобы их пожирать.

Между прочим, один горец скрывался в лесу возле дороги, набрасывал петлю на шею прохожим, утаскивал их в кусты и пожирал. Он продолжал это до тех пор, пока наконец не был обнаружен, схвачен и казнён.

При тех же обстоятельствах и по той же причине нашлась женщина, которая ловила детей, удалившихся от родительского дома. Она затыкала им рот и нос глиной, таким образом душила их и призналась, что сначала употребляла их свежими в пищу из-за голода, а впоследствии от лакомства, частью даже зажаренными.

Из этих и многих других примеров видно, что человеческое мясо столь вкусно и привлекательно, что тот, кто однажды его попробовал и привык к нему, лишь с трудом может от него воздержаться.

В этом заключается причина, почему употребление трупов нельзя разрешать даже в крайней нужде и при сильнейшем голоде.

Имеется несколько несомненных примеров людоедства не только у варварских, но и у цивилизованных народов. Один из самых замечательных, как по древности факта, так и по числу участвовавших в нём лиц, представляет рассказ Геродота в третьей книге «Талия»: «Камбиз, царь Персии, желая отомстить за презрительный ответ, посланный ему царём Эфиопии относительно ихтиофагии его послов, тотчас поставил себя во главе многочисленной

²⁵ Во время моего пребывания в Лиссабоне (с 1797 по 1802 год) мне представилась возможность пользоваться рукописью И. де Лоурейро, известного автора *Flora cochinchinensis*. Я не колеблюсь соединить здесь с моими некоторые его интересные и неизвестные замечания об этом предмете и одновременно сослаться на сочинение заслуженного профессора Майнерса в Гёттингене: *De anthropophagia et diversis ejus causis*, Götting. Anzeigen von gelehrten Sachen, 155tes Stück, September 1785.

армии и двинулся в Эфиопию. Но так как путь его пролегал через длинные песчаные пустыни, армия испытывала недостаток в продовольствии, о котором ярость его мести не дала ему времени позаботиться. Сначала они утоляли голод забитыми лошадьми и выючными животными, затем употребляли травы, которые встречали по дороге; когда же и их не стало в раскалённых африканских пустынях, они наконец, в крайней нужде и отчаянии, были вынуждены убивать каждого десятого». Таким образом один пожирал другого, и этим способом большая часть армии была истреблена; царь Камбиз был вынужден отказаться от своего предприятия и возвратился с небольшим остатком.

На Нуку-Хиве, по словам наших проводников Робертса и Кабри, при наступлении голода многие мужчины убивают своих жён и детей, чтобы насытиться их мясом. Какова бы ни была крайняя нужда, побуждающая к этому поступку, те, кто имеет столько пищи, по-видимому, могут располагать каким-нибудь средством спасения; по крайней мере при голоде, царившем здесь несколько месяцев до нашего прибытия, никто из семьи Катануаха не умер и не был съеден. Напротив, он разделил свои припасы с двадцатью шестью людьми, и можно почти предположить, что природа и безотлагательная помощь при здешних условиях позволили бы по возможности избегать этих в основе своей чрезвычайно противоестественных и возмутительных поступков.

2) Вторая причина людоедства — необыкновенная и регулярная расточительность и лакомство человека.

Американцы, прежде всего в Мексике, не имели недостатка в продовольствии, когда беспрестанно и в огромном количестве приносили человеческие жертвы; хотя это совершалось под предлогом умиловливания богов, всё же главной целью было удовлетворение голода. Только поэтому, без какого-либо религиозного предлога, пользуются этой самой пищей табуа в Бразилии и другие южноамериканские народы, привыкшие услаждать своё нёбо и в течение нескольких месяцев перед смертью откармливать несчастных пленников, попавших им в руки.

Подобный обычай имеют яггасы, грубый африканский народ, широко расселившийся по пустыням до границ готтентотов у мыса Доброй Надежды. Анзигос, также африканский народ, живущий на окраине королевства Конго, убивают и едят не только пленников других народов, но и своих соотечественников, которых некоторое время кормят в изобилии и разными лакомствами, чтобы сделать мясо вкуснее, после чего пожирают на публичных пиршествах.

О народах Азии Плиний сообщает (lib. 7, с. 2), что большая часть скифских или татарских племён являются людоедами, а новейшие путешественники доказывают нам, что почти все жители островов Южного моря, а именно Новой Зеландии, Фиджи, Навигаторских, Мендосских, Вашингтоновых, Соломоновых, Сандвичевых и, весьма вероятно, также Дружеских островов, с большим удовольствием едят человеческое мясо.

В Европе это, насколько нам известно, в настоящее время более не происходит ни в одной её части, хотя, по словам Плиния, в древнейшие времена это было принято у итальянских народов, лестригонов и фалисков. То же утверждает Страбон (lib. 4, р. 292) о древних жителях Гибернии, которых мы обычно называем ирландцами, а Coelius Rhodiginus (Lect. antiq., lib. 28, с. 2) — о шотландцах, их соседях. Весьма вероятно, что и все наши предки в те времена, когда находились на самой низкой ступени культуры, были людоедами.

3) Третья причина самая странная, потому что, по-видимому, противоречит природе и здравому разуму. Под предлогом человеколюбия человек оказывается бесчеловечным; убеждённый в верности и любви, он враждебен и вероломен.

Что может быть дороже жизни? И кому более, чем родителям и родственникам, обязаны мы её сохранять? И всё же массагеты, восточный народ, живший за Каспийским морем и принявший, по Геродоту, поход против Кира, в котором тот погиб, не знали этой естественной обязанности. Об этом варварском народе Геродот рассказывает в первой книге своей истории («Клио»), что, когда кто-нибудь достигал дряхлого возраста, его сыновья и другие родствен-

ники соединялись, чтобы убить бедного старика. Его мясо они смешивали с внутренностями других животных и устраивали большой пир, на котором очень веселились, утверждая, что таким образом погрёбают его в собственных внутренностях и даруют ему самый почётный и счастливый конец.

Это известие подтверждается и другими писателями, например Помпонием Мелой, который, говоря о скифском народе исседонов, жившем около Меотийского озера, пишет: «*Essedones funera parentum laeti et victimis ac festo coitu familiarium excipiunt, corpora ipsa laniata et caesis pecorum visceribus immixta epulando consumunt*».

Массагеты и исседоны, таким образом, сходились в том, что весело пожирали ближайших родственников на праздничной трапезе.

Возникает вопрос, не происходит ли наше немецкое выражение «съесть кого-либо от любви» как традиция из тех древнейших времён, когда наши предки следовали тому же обычаю массагетов и исседонов.

4) Четвёртая причина людоедства — сильная ненависть, месть и презрение.

В Кохинхине законом было установлено, чтобы всех мятежников, признанных виновными, убивали, а их мясо поедали верные подданные и ближайшее окружение короля. Во время пребывания И. де Лоурейро в этой стране была произведена такая казнь: если виновный был мужчиной, ему отрубали голову, женщин же закалывали. Затем солдаты дворцовой стражи бросались к трупам, каждый карманным ножом отрезал от него маленький кусочек, вкладывал его в незрелый лимон и проглатывал сырым. Но так как размер куска не был предписан и народ испытывал отвращение к подобной пище, самые хитрые находили возможность уронить кусочек мяса между пальцами и проглотить один лимон.

Почти в то же время кохинхинцы воевали с горцами, называемыми *Moïs*, жившими к западу от них и часто совершавшими сильные нападения на названное королевство; их генерал выступил с армией к горам, но, не имея возможности из-за неприступности местности достичь неприятеля и придя в ярость, приказал убить двух пленников и обязал солдат их съесть.

Когда тот же Лоурейро в 1777 году находился на борту английского военного корабля в гавани Теирао, намереваясь покинуть Кохинхину, туда прибыл отряд мятежников, примкнувших к стороне могущественного вождя по имени Нге. Они схватили и убили нескольких лиц и доверенных короля, между прочим одного, который причинил им много вреда и оказывал сильное сопротивление; в знак особой ненависти они вырвали у него печень и съели её.

Кохинхинцы выражают склонность к этому излишеству, когда, желая показать ненависть к кому-либо, говорят: «Я хотел бы съесть печень или мясо этого человека».

У многих других народов жажду мести выражают желанием пить кровь врага, и наше немецкое выражение «быть кровожадным» может быть остатком тех времён, когда наши предки в отмщение действительно утоляли жажду кровью врагов, а не виноградным соком.

Когда в начале Французской революционной войны ярость и мстительность отдельных партий достигли высшей степени и люди, восторженно и до крайности преследуя друг друга во имя свободы, равенства и братства, старались их завоевать, кое-где даже в самых цивилизованных странах Европы человек являлся в своём первобытном облике, сбрасывая искусственную маску, созданную высшей культурой, и показывался как дитя природы; тогда, а прошло с тех пор лишь несколько лет, люди, как утверждают, из фанатической мести съели сердце принцессы Ламбаль, и почти одновременно мы читали в публичных листках, что в Лионе и Неаполе врагов пожирали на общественных площадях.

Таким образом даже у народов, наиболее развитых в нравах и культуре, иногда прорывается естественная склонность человека к грубости, и, как ни трудно ему подняться на высшую ступень развития, он очень легко одним-единственным ложным шагом может снова упасть на самую низшую.

Француз Кабри, которого мы встретили на острове Нуку-Хива и который, правда, имел лишь образование матроса, также представляет замечательное доказательство сказанного. Всякая окраска европейского воспитания у него исчезла, и он оказался в буквальном смысле физически и нравственно одичавшим. Правда, он утверждал, что никогда не ел убитых им врагов, а всякий раз обменивал их на свиней, и Робертс подтверждал это показание; однако я твёрдо убеждён, что человек, настолько совпадавший во всех своих чувствах с туземцами, сам признававшийся, что ходил охотиться, чтобы убивать людей и менять их на свиней, и находивший в этом развлечении большое удовольствие, столь же способен был вместе со своими братьями съесть добычу. Он сделал бы себя смешным, если бы оставил своим товарищам одним столь трудно добытую лакомую пищу. Свидетельство Робертса, освобождавшего его от вины в таком поступке, недостаточно; Кабри был достаточно хитёр, чтобы не уведомлять этого своего врага о пиршестве и не приглашать его туда, следовательно, тот ничего не мог о нём знать.

Нуку-хивцы, таким образом, бесспорно пожирают во время голода своих друзей, из ненависти или по привычке — врагов. Тауа идут ещё дальше, иногда лишь из лакомства позволяя возбуждать у себя желание человеческого мяса. С этой целью они притворяются, и делают это, естественно, там и тогда, где собрано много людей, будто ими овладел дух, и среди различных фокусов и притворных судорог некоторое время кажутся погружёнными в глубокий сон; затем внезапно просыпаются и рассказывают окружающим, что духи внушили и приказали им во сне. Иногда внушение состоит в том, что следует поймать женщину или мужчину, татуированного или нетатуированного, толстого или худого, молодого человека или старика из соседней долины или из-за реки. Тогда присутствующие отправляются, прячутся в кустах около тропинки или богатого рыбой ручья, и следствием бывает то, что человек, несколько похожий на увиденный во сне образ, оказывается схвачен и съеден на *moai* Тауа вместе с *tahbu*-друзьями. Таким образом нередко от колдуна, жреца или Тауа зависит определить, будут ли убиты враги и сколько их должно быть убито.

Если один из Тауа заболевает, то, смотря по тяжести болезни, ловят одного, двух или нескольких жителей враждебной долины, чтобы съесть их как бы в жертву для его выздоровления.

Укоренившиеся предрассудки и страсть к человеческому мясу являются, следовательно, главными причинами их войн или вражды, которые, однако, в общем я не могу представить себе особенно страшными, поскольку обе воюющие стороны редко выступают друг против друга многочисленными силами. Страсть к завоеваниям, гордость происхождением, притязания на целую долину или участок земли здесь, по-видимому, редко или никогда не вызывают войны.

При открытых военных действиях островитяне появляются украшенными множеством перьев на руках и ногах. Вокруг головы у них повязана праща, сплетённая из волокон кокосового ореха, которую чужеземец скорее примет за украшение, чем за оружие. Самые знатные герои привязывают к ногам и вокруг бёдер черепа прежде убитых врагов. В руках они несут копья, метательные копья и палицы из казуаринового дерева. Во время битвы они скачут и прыгают, делают всевозможные движения, стараясь уклониться от брошенных камней или копий, и часто покидают поле боя, как только на нём останется один-единственный враг. По рассказу француза, пытавшегося познакомить нас с военным духом этих островитян, мне показалось, что их сражения несколько похожи на военные игры наших уличных мальчишек.

Когда они поодиночке подстерегают врагов, то делают это главным образом в плохую погоду или в дождливые дни, потому что тогда больше людей отправляется ловить рыбу, враги не могут далеко видеть, а шум героя, спрятавшегося в кустах, трудно услышать.

Ищут ли эти островитяне врагов также во время голода, я не знаю. Странно и, по меньшей мере для меня, необъяснимо было бы, если бы в крайней нужде они предпочитали убить собственных жён и детей, а не подстеречь своих враждебных соседей.

Когда женщина приближается к родам, для этого рядом с её жилищем строят маленькую tahbu-хижину. В основе такого обычая явно лежит чистоплотность. Мать или другая близкая родственница принимает роды, при которых могут присутствовать лишь несколько женщин и ни одного мужчины. Большой кусок ткани из коры бумажной шелковицы кладут на землю, а другим покрывают роженицу. Отец обычно находится поблизости от родильной хижины и, как только получает известие о рождении ребёнка, спешит туда и острым камнем примерно в футах от пупка ребёнка перерезает пуповину. Затем, чтобы остановить кровотечение, её завязывают узлом, и она остаётся висеть, пока сама не отпадёт. Очень большой выпуклый пупок, почти похожий на пупочную грыжу, который мы наблюдали здесь и на Сандвичевых островах, вероятно, является следствием такого обращения.

Сразу после родов мать снова начинает ходить. Первый выход её бывает к ближайшему ручью, чтобы вымыться, и туда же с той же целью другой человек приносит ребёнка. Благополучие требует, чтобы по этому случаю было заколото по меньшей мере одно поросяенок, а через несколько дней, когда отпадает пуповина, — второе. Первого большей частью съедает отец один, на второго приглашаются хорошие друзья.

Роды, говорят, проходят легко и обычно заканчиваются не более чем за один час. Однако иногда бывают и тяжёлые роды, заключающиеся в неправильном положении ребёнка или выпадении какой-либо части конечностей. Каждая мать вообще кормит ребёнка сама, но иногда, если очень занята, на короткое время поручает его хорошей подруге.

Продолжительность кормления не установлена. Большинство детей не отнимают от груди прежде, чем они начинают самостоятельно ходить, а некоторых — лишь когда уже умеют говорить. Многие, однако, уже очень рано получают другую пищу, состоящую из ророи, а через несколько месяцев после рождения — из сырой рыбы.

Молодые незамужние девушки могут без всяких препятствий, без наказания и без бесчестия для себя или своей семьи следовать склонностям чувственности. Но как только они однажды избрали состояние брака, то есть стали женой одного мужчины, по закону прекращается всякое свободное общение с другими мужчинами. Как рабыню мужа, за неверность её наказывают побоями или прогоняют, соблазнитель же по желанию мужа наказывается тайно, публично или вовсе не наказывается. Это ясно доказывает, что действительный брачный союз и ревность существуют, если только сообщение Кабри правильно.

Как только два человека по взаимному согласию решили жить вместе, жених делает подарки родителям невесты, а те — жениху. Брак продолжается, пока существуют согласие и взаимное единодушие. Если одна или другая сторона хочет разорвать связь, ей это позволено. Дети везде находят пищу и остаются либо у отца, либо у матери, смотря по тому, как договорятся родители; в целом, полагаю, этот вопрос редко играет большую роль, поскольку между родителями и детьми господствует полное безразличие.

Когда дочь уважаемого человека выходит замуж, закалывают много свиней и приглашают на пир всех друзей и знакомых. Каждый из свадебных гостей имеет право, с согласия невесты, разделить с женихом радости брачной ночи. Это продолжается обычно два-три дня или до тех пор, пока не съедены все забитые свиньи; после этого молодая жена должна прекратить общение с другими мужчинами и жить только со своим мужем, по крайней мере ей нельзя произвольно следовать своей склонности, если только супруг не станет снисходительнее благодаря подаркам или даже против её воли не уступит её другому.

Богатые мужчины могут по своему усмотрению иметь столько жён, сколько хотят или способны содержать; однако моногамия всё же является самым обычным случаем.

Когда кто-нибудь умирает, труп тотчас тщательно обмывают, кладут на сделанный из бамбуковых жердей помост, покрытый новым куском ткани, накрывают несколькими новыми полотнищами и закалывают и жарят по меньшей мере половину свиней, которыми владела семья умершего. Затем о смерти сообщают Тауа и другим tahbu-лицам и приглашают их на сле-

дующий день на погребение. Позади помоста, на котором лежит покойник, к прибытию гостей растягивают кусок ткани и устанавливают несколько палочек, украшенных тонкими белыми полосками ткани.

Это знак *tahbu*, или *tahbu*-места. Тауа приносит по меньшей мере четыре большие барабана и совершает погребальные церемонии, состоящие в тараторении длинной речи на непонятном языке под непрерывный грохот барабанов, возможно для того, чтобы этим шумом помешать злым духам причинить вред покойнику. Затем гости начинают есть свиней, ророи и хлебные плоды и не прекращают, пока ничего не останется. Тауа получает в свою долю свиные головы, а главе долины, которого приглашают на все похороны в его долине, если он не приходит, должны послать домой заднюю четверть свиньи. Поэтому ему выгодно обычно не являться. Ближайшие родственники тем временем должны день и ночь стеречь труп и ежедневно сильно натирать его большим количеством кокосового масла. Это продолжается недели и месяцы, благодаря чему тело предохраняется от гниения и в конце превращается в настоящую мумию. Наконец труп снова заворачивают в ткани, предварительно пропитанные этим маслом, и помещают на особый помост в *moai*, или семейном месте погребения, которое для женщин является *tahbu*.

Подобная забота об умерших встречается почти у всех грубых народов, у которых в остальном не обнаруживается никакого следа религии, и примечательно, что эти люди оказывают своим мертвецам столь большое почитание и уважение, что почти можно было бы предположить у них смутное чувство продолжения жизни. Враги из соседних областей стараются взаимно похищать трупы из *moai* и считают большим геройским подвигом, если это удаётся. Чтобы этому воспрепятствовать, когда предполагают сильное нападение врагов, трупы вынимают из *moai* и хоронят неподалёку.

К числу различных видов колдовства, которые, как говорят, применяются как отдельными островитянами, так и Тауа, относится искусство посредством чар сделать другого больным. Для этого требуется орудие, называемое *Kacha*. Изготовление его относится к величайшим тайнам жителей острова. Некоторые существенные принадлежности его, говорят, следующие. Тот, кто хочет приготовить *Kacha*, должен тщательно вымыть всё тело, три дня ничего не есть, мало пить, не иметь общения с женским полом и во время приготовления находиться на *tahbu*-месте, например в *moai* или *Roroi-Tahbu*. Сам *Kacha* состоит из маленькой палочки или мешочка, сплетённого из волокон кокоса и других растений, в который связывают кожу недавно освежёванной ящерицы, различные виды растений, несколько камешков особой формы, кусочек бамбуковой трубки и множество других вещей. Главное состоит в том, чтобы получить какой-нибудь предмет, принадлежавший врагу, которого хотят сделать больным, или связанный с ним, и сохранить его в мешочке вместе с этой смесью, например несколько его волос, остатки еды, землю, на которую он плюнул или помочился, кусочек ткани его набедренной повязки и т. п.; без этого никакой *Kacha* не получится.

Таких волшебных мешочков обычно изготавливают три и, когда они готовы, хорошо окуривают и закапывают по отдельности в каком-нибудь удалённом месте. Если через короткое время наступает естественное действие и заколдованный человек заболевает, он должен постараться, особенно при помощи Тауа, разыскать виновника; тот в силу *tahbu* обязан признаться, то есть если человек, на которого больной подозревает, действительно завязал волшебный узел, то, когда его спросят, он должен признать это, поскольку отрицание считается нарушением *tahbu* и повлекло бы немедленную смерть. Больной тотчас приносит этому колдуну или врагу подарки из одной или нескольких свиней, чтобы тот снял колдовство, что состоит в выкапывании *Kacha* и должно происходить в присутствии нескольких лиц. Если первый подарок свиньями недостаточно значителен, больной не выздоравливает, ему приходится снова делать колдуну подарки, после чего тот при тех же обстоятельствах вынимает второй и наконец третий *Kacha*. Если колдун достаточно вознаграждён, больной выздоравливает; если нет, спасения нет,

ибо духи подкрепляют справедливую месть врага и содействуют смерти больного, который, смотря по тому, как приготовлен Kacha, должен умереть раньше или позже.

Страх перед колдовством и воздействием духов направляет и удерживает в узде большинство поступков жителей этих островных групп. Англичанин Робертс уверял нас, что очень часто угрожал нуку-хивцам воздействием своего духа и что иногда они повиновались только потому, что боялись, как бы его дух, желая отомстить, не призвал европейские корабли, которые одним ударом прекратили бы их существование.

Благодаря глубокому знанию колдовства Тааа способны также исследовать причины многих болезней. Если кто-нибудь чувствует себя нездоровым, он велит позвать Тааа; тот спрашивает больного или уже заранее заставил других это сделать. Во время посещения он трижды проводит рукой по груди пациента и делает вид, будто хочет поймать его дух, примерно как мы ловим мух. Вероятно, при этом он совершает ещё несколько колдовских приёмов и церемоний; француз Кабри совершенно серьёзно уверял меня — настолько глубоко суеверие пустило корни и в нём, — будто он сам слышал дух больного в сжатой руке Тааа, будто тот иногда громко свистел и даже на вопрос, почему больной должен так страдать, отвечал на непонятном языке, известном одним Тааа, а затем открывал тайну, что больной нарушил tahbu, сорвал хлебные плоды, кокосовые орехи или что-нибудь другое с tahbu-дерева; одновременно он определял наказание и число свиней, необходимое, чтобы загладить нарушение tahbu и выздороветь. Эти умиловительные жертвенные свиньи затем съедаются на moгаi одними Тааа за здоровье больного, поэтому им выгодно увеличивать их число соответственно состоянию последнего.

Обрезание, или разрезание и расширение крайней плоти, является всеобщей операцией, которую производят в более поздние годы и большей частью тогда, когда мальчик достигает половой зрелости. Под крайнюю плоть вводят маленькую палочку, обёрнутую лоскутком, разрезают её острым камнем, а затем втирают в рану сок растения Päähra. Хотя иногда возникает довольно сильное воспаление, большей частью оно, говорят, проходит примерно за десять-двенадцать дней. Операцию может производить всякий, кроме отца. Оперирующий является tahbu; пока воспаление не прошло, его обильно кормят свининой в доме оперированного, а при уходе он получает ещё одну свинью в награду. Чистоплотность, очевидно, является одной из причин этого обычая.

Стыдливость мужчин заключается в тщательном сокрытии той части, которая лежит под крайней плотью; поэтому её всякий раз натягивают вперёд и перевязывают шнурком. Ходить совершенно нагим не считается неприличным; но если мужчина перестанет перевязывать крайнюю плоть, то, по понятиям этих островитян, он будет бесстыдным.

При изобилии жизненных припасов эти всегда весёлые люди имеют постоянную склонность ко всякого рода развлечениям. В то время года, когда хлебные плоды созревают в наибольшем количестве, главы или знатнейшие люди долины устраивают народные празднества, для которых они уже задолго до того собирают и сохраняют свиней, кокосовые орехи, бананы и несколько видов корней, чтобы при этом случае тем расточительнее распределить их между народом.

Одним из главнейших общественных празднеств являются танцы, при которых участники прыгают и изображают различные пантомимы, делая быстрые движения руками и кистями, почти не сходя с места. Кажется, будто нуку-хивцы, как и многие другие народы, пантомимически изображают в танце разные действия жизни, например рыбную ловлю, метание камней, хождение на ходулях, плавание и т. п.

При этих случаях все присутствующие появляются в самых драгоценных украшениях, которыми владеют; особенно следует назвать украшение из хвостовых перьев тропической птицы, состоящее из кольца, украшенного шестью такими перьями и надеваемого на средний палец каждой руки танцора, отчего движения рук бесконечно выигрывают. Кроме этих укра-

шений пальцев видны другие, искусно сплетённые из волос и перьев, на руках, ногах, вокруг бёдер, на голове, шее и в ушах.

Хотя женщины высокого положения, как я уже замечал выше, всегда одеты по меньшей мере в набедренную повязку, на танцевальных праздниках они должны появляться совершенно обнажёнными. Это обстоятельство даёт повод ко многим непристойностям, которые при этом разрешаются каждому и служат развлечением черни. То же обстоятельство заметил Кук при танцах на Отаити. Француз Кабри утверждает, что танцуют лишь те молодые девушки, женщины или вдовы, чьи любовники или мужья были взяты в плен или погибли на войне, и что при этом они маленькими камешками раздирают себе кожу и рассматривают танец как действие скорби и печали. Если при этом принять во внимание, что они именно при таком случае необыкновенным образом должны являться совершенно нагими и подвергаться смеху и насмешкам черни, то очевидно, что танец для них является принуждением.

На танцевальных площадках, расположенных в самых ровных местах долин, большие гладкие камни в несколько футов шириной настолько плотно и чисто пригнаны друг к другу, что почти можно было бы поверить, будто европейские мастера вымостили такую площадку, длиной по меньшей мере в сто сажений, тесаным камнем.

Танцевальные площадки являются tahbu, и во время больших празднеств всякая вражда с соседями в разных долинах прекращается, чтобы их жители также могли участвовать в этих увеселениях. Но несмотря на tahbu, эти чужие, в сущности враждебно настроенные гости всё время чрезвычайно осторожны. Они никогда не являются безоружными и держатся все вместе на одной стороне танцевальной площади, чтобы при возникновении беспорядка находиться вместе и в случае необходимости лучше защищаться. Обыкновенно они вооружены каменной пращей, которая очень легка и, будучи повязана вокруг головы, имеет скорее вид головного украшения, чем оборонительного оружия.

В действительности гости, пришедшие из отдалённых долин, не всегда защищены от нападения или иных враждебных действий, ибо такие празднества иногда служат коварным средством заманить врагов в ловушку и тем вернее схватить. Достаточно одному Тауа вздумать впасть в вдохновение и увидеть сон, как всякое веселье прекращается и вражда начинается вновь.

Музыка на этих празднествах состоит из дикого крика и звуков нескольких, частью очень больших барабанов. Они имеют приблизительно форму стоящего на ножках цилиндра или бочонка, высотой от земли около четырёх или четырёх с половиной футов и диаметром от полутора до двух футов, очень чисто обработаны и обтянуты кожей акулы. Место, на котором находятся музыканты, является tahbu для женщин.

Господин надворный советник Тилезиус, соединяющий с обширными научными знаниями редкие таланты в нескольких областях изящных искусств, был столь любезен сообщить мне следующие замечания о музыке этих островитян, которые я принял с тем большим удовольствием, что сам не принадлежу к посвящённым Аполлона.

Странно, говорит этот учёный, что почти все песни некультурных народов и даже европейских наций, мало развитых в музыкальном искусстве, идут в минорных тонах. Характерно же для нуку-хивского пения, что оно движется лишь по четвертям тона и не выходит из малой терции от *e* до *g*, за исключением того, что иногда опускается до *dis*. Оно совершенно унисонно и лишь изредка исполняется в октаву юношами, ещё не достигшими низкого голоса, или, что бывает реже, женщинами. Оно звучит всё время протяжно и гудяще, мрачно и меланхолически и опускается подобно нашим хоралам. В нём много сходства с мелодией литании «*Kyrie eleison*», которая ещё поётся в некоторых немецких церквях, а также с монотонными хорами монахов. Подъём и спуск от *e* к *g* и от *g* к *e* я смог выразить лишь половинными тонами, а именно посредством *fis* и *f*; однако при более точном слушании приходится признать четвертитоны. Чтобы обозначить эту небольшую разницу высоты, они при каждом окончании слова

или строфы, выраженном протяжным «а», задерживаются несколько мгновений и затем снова тянут звук вниз, постепенно ослабляя голос, от удерживаемого g к e, что я всякий раз обозначал нисходящей диагональной линией. И эта особенность, как и то, что нуку-хивский каннибал, этот грубый и дикий человек природы, несомненно лишённый всякого следа музыкальной и вообще иной культуры, любит малую терцию и минор и, быть может, предпочитает их другой причине, нежели мы, остаётся для меня естественной загадкой. Почему же главным основанием и предпочтением должен быть минор, я объяснить не могу и не нашёл по этому поводу ничего удовлетворительного у учёных музыкальных авторов. В песнях русских матросов, которые я привык слышать, минор почти постоянно появляется между тремя-четырьмя тактами, а иногда чаще; однако в них одновременно заметно искусство, ибо хотя многие состоят из минорных тонов, всё же переходы к родственным тонам, возвращающимся через два-три такта, очевидно искусственны или, в противоположность этим жалким, грубым и печальным островным песням, уже обработаны; эти песни имеют искусство и несколько гармонирующих голосов, всё время сохраняют более бодрый и быстрый темп, а их певцы обнаруживают больше музыкальной культуры и слуха, поэтому их нельзя сравнивать с этими грубыми песнями и их монотонным хрым минором. Именно естественный, меланхолический оттенок, особенный характерный звук и огонь, с которым они исполняются, гораздо больше оживляют целое и придают ему живость, составляющую источник этих песен.

Совсем иначе обстоит дело с единственной мелодией национальной песни дикарей Нуку-Хивы; она употребляется при смертях, свадьбах, танцах, боевых песнях, застольных песнях и т. д. и поётся при всяком случае.

В нескольких строках, написанных мною ниже о смысле текста, я хотел только объяснить его происхождение, указать на противоположные чувства, лежащие в характере дикарей и вызвавшие возникновение их национальной песни. Но так как в смысле текста, по-видимому, содержатся также некоторые доказательства и подтверждения того, что я в психологическом отношении предполагаю о нуку-хивцах, то, если мои замечания о национальном характере и состоянии этих грубых, необразованных островитян основательны, они могут рассматриваться как подтверждение моих наблюдений.

Вероятно, первоначально нуку-хивцы пели эту песню лишь после возвращения из боя и особенно после побед, в которых они потеряли не более одного-двух человек, тогда как враги — десять. Вероятно, сначала лишь голод или потребность подкрепиться после напряжения, пример врагов или месть, по которой они осуществляли право возмездия, привели их к решению приносить человеческие жертвы и заниматься людоедством. Их жрецы (Тааа), более хитрая и лукавая часть этого народа, впоследствии всё чаще требовали таких пиршеств, пользовались ими при всяком религиозном или нерелигиозном случае, поддерживали простодушие и склонность к суеверию и чудесному и требовали человеческих жертв также по другим поводам. Дикарь привык к этому и вскоре предстал в ужасном облике каннибала.

Свои песни при многочисленных собраниях и народных праздниках они сопровождают размеренным, очень громким звуком, который производят следующим образом: обнажённую левую руку прижимают к туловищу и правой рукой ударяют в углубление между рёбрами и внутренней стороной локтевого сустава. Эти громкие удары падают в определённом такте; большей частью одни отбивают четверти, другие голой вогнутой ладонью — восьмые, а одновременно, особенно когда танец и пир торжественны, к ним присоединяются барабаны, на которых руками ударяют в том же такте. После этой гротескной музыки, сопровождающей и без того печальное и хоралоподобное минорное пение, толпа обычно танцует на специально предназначенной для этого площадке. Барабаны состоят из выдолбленных древесных стволов, обтянутых акульими шкурами и продырявленных вдоль нижнего более узкого конца, подобно резонансной деке струнного инструмента. В зависимости от большей или меньшей натяжки кожи и размера барабанного корпуса или цилиндра они имеют различную высоту и глубину

звука, однако без определённых правил и принципов настройки. Особенно употребляются они при погребениях, на которых поют, но не танцуют. Эти барабаны вместе с военной трубой, которая одновременно с боевым криком войска подаёт призыв к сражению, являются единственными музыкальными инструментами этих дикарей. Военная труба состоит из большой раковины Kink или Triton (*Murex tritonis*), украшенной волосами убитого врага; к её нижней отшлифованной вершине, являющейся одновременно концом и узким отверстием во внутреннюю полую, спирально изогнутую полость, прикреплена небольшая скорлупа кокосового ореха или оболочка масляного ореха в качестве мундштука. Она звучит приблизительно как пастуший рожок и, насколько мне удалось узнать, употребляется лишь при военных предприятиях.

О нижеследующем тексте песни нуку-хивцев господин надворный советник Тилезиус делает следующие замечания.

Предмет песни — образное изображение военной сцены. Дикарь ночью видит огонь на неприятельском острове и спрашивает товарищей: «Где огонь?» Они отвечают: «На острове Motitane (Св. Педро)» или «на Tauata (Санта-Кристина)». Думают о военном походе, в котором один из своих попал в плен или был убит врагом; все восклицают: «прочь, прочь!» или хотят мстить и отправляются добыть пленного врага. Они радуются героическому подвигу и всем обстоятельствам, при которых одновременно проявляется отрадное чувство сострадания и человечности к печальным последствиям и при мысли о смерти убитого для его жены и детей, для родителей и семьи. Дни, перечисленные в конце песни, возможно, должны указывать, как долго запасались человеческим мясом. По моему мнению, в тексте этой песни заключено многое, раскрывающее национальный характер этого народа и особенное смешение добра и зла, лежащее в его нравах, тесное соединение мщения и сострадания, жестокости и милосердия.

Ночная песня, соединённая с размеренным хлопаньем и видом огня, вокруг которого они лежат, производит вдали столь дикий, полумеланхолический, полугрозный звук, что её характер можно узнать уже по нему.

В течение целой ночи, проведённой мною на берегу, я слышал непрерывное пение этих казавшихся добродушными людей в гораздо более приятном виде, нежели только что описанное чувство. Там сильные руки хлопали высоко над головой, по груди и по согнутым плечам в такт, представлявший собой положение Sterbeglocke. Между тем лёгкие люди танца, состоявшего лишь из произвольных и бессмысленных прыжков и скачков, делали вытянутыми руками, кистями и пальцами попеременно быстрые и дрожащие движения.

Песня жителей Нуку-Хивы с музыкой. Перевод и критические замечания.

Эту песню я получил от француза Кабри и, насколько касается текста, она, вероятно, верна; но в его переводе, когда я сравнил его с языком островитян и затем со словарём, собранным на Нуку-Хиве, я нашёл многое неверным, неточным и ошибочным. Если мой буквальный перевод верен, доказательства чего лежат в самих словах и моих критических замечаниях, то я не могу согласиться с суждением господина надворного советника Тилезиуса относительно образа мышления и смешения добра и зла, чувства жестокости и сострадания этих островитян, которые он думает найти в этой песне; напротив, я утверждаю, что у них вовсе нет чувства сострадания, по крайней мере в данном случае, где они не сознают за собой никакого дурного поступка и всецело предаются радости от того, что убили врага и могут его зажарить и съесть, вместо того чтобы самим быть зажаренными и съеденными.

Нуку-хивский текст. — Перевод Кабри. — Критический перевод.

1. Hia-t-eama äh? — Где свет? — Где свет?
2. I Tauata oh. — На Tauata. — На Tauata.
3. t'eama hä. — Зачем или для чего свет? — Свет, зачем?
4. tau enata äh. — Чтобы зажарить врага. — Здесь человек.
5. Hia eama äh? — Разожжём огонь. — Где огонь?

Критические замечания к каждой строфе.

1. Thea или hia означает «где», eama — «свет». Буква t, кажется, вставлена ради благозвучия. Äh является окончанием вопроса. См. словарь.

2. Tauata — остров Санта-Кристина, один из старых Маркизских островов.

3. В сущности это повторение первой строфы и могло бы также означать: «где свет?» или «для чего свет?»

4. Tau должно было бы означать «жарить»; к сожалению, этого слова нет в моём собрании языка, поэтому я не могу определить достоверность. Enata означает «мужчина, человек». Возможно, Tau и tai одно и то же; последнее означает «здесь», следовательно: «здесь уже человек», или «враг пойман». Как только эти островитяне кого-нибудь убили, следующая естественная мысль — зажарить его.

5. Nia, вероятно, снова должно означать то же, что и в первой строфе.

Нуку-хивский текст. — Перевод Кабри. — Критический перевод.

6. Tai eama oh. — У нас есть огонь. — Здесь свет.

7. Tau enata äh. — Мы хотим его зажарить. — Здесь человек.

8. enata oh. — Он у нас. — Человек.

9. Otemao. — Он хотел убежать. — Летучая рыба?

10. äh mate mate äh. — Теперь он мёртв. — Он мёртв?

11. ituetue äh. — Сестра плачет. — Он плачет?

12. titi hei äh. — Его родители плачут. — Кто сердится?

13. mate moi äh. — Его дочери плачут. — Дочь мертва?

14. Atahi äh etc. — Первый, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й день.

Критические замечания к каждой строфе.

6. Tai — «здесь» (см. четвёртую строфу), eama — «свет».

7. Возможно, это Tau опять следует читать tai: «здесь огонь, здесь человек», который, естественно, пойман, чтобы быть зажаренным и съеденным.

8. Это повторение, вероятно, усиливает радость.

9. Образно: подобно тому как летучая рыба часто ловится при бегстве, так и этот человек теперь наша добыча.

10. Это может означать: «он мёртв» или «он мёртв?» Последнее мне нравится больше из-за следующих непосредственно затем вопросов.

11. Fie, или umäh, означает «плакать». Здесь, вероятно, речь идёт об убитом враге, а не о родственниках. Кабри в разное время переводил эту строфу по-разному: однажды — «камень попал», в другой раз — «человек пойман». В обоих случаях естественно, что несчастный плачет. О сестре (Toähine) здесь, вероятно, вовсе нет речи, но есть слово «плакать», которое естественнее всего отнести к врагу, и тем самым оно служит противоположностью десятой строфе: мёртв ли он или жив? Если камень сильно попал, плач весьма вероятен.

12. Titi, говорят, мужское имя; hei означает сердитый, разгневанный. Враг, раненный камнем или копьём, по-видимому, часто приходит в ярость и, возможно, ещё пытается спастись бегством или силой.

13. Moi означает «дочь», mate — «мёртв», äh снова могло бы обозначать вопрос. Возможно, moi вообще означает женский пол, и вопрос направлен на то, какого пола была жертва сражения — мужского или женского?

14. Затем следуют числа от одного до десяти или сколько пожелают. Настоящий смысл и значение мне неизвестны; обозначается ли этим число убитых в сражении врагов, осталось для меня неизвестным; поют от одного до десяти. См. числа.

Столь же большое удовольствие, как танцы, доставляет хождение на ходулях. В этом искусстве жители Вашингтоновых островов, возможно, искуснее любого народа на свете. На больших общественных праздниках они устраивают на ходулях состязания в беге, причём каждый старается помешать другому и, балансируя на одной ноге или жерди, другой сбить

соперника во время бега. Упавший становится предметом общего смеха и насмешек. Это упражнение тем более привлекало наше внимание, что гладкие камни, которыми выложена танцевальная площадка, должны делать бег ещё труднее. Дети восьми-десяти лет уже приучаются пользоваться ходулями. Склонность к развлечению, по-видимому, играет главную роль в этом упражнении; ибо если даже предположить, что частые наводнения и необходимость общаться друг с другом побудили их к этому, то всё же следует признать, что нагие люди, проводящие дни в воде, наверняка не боятся при каком-нибудь из этих случаев намочить ноги и, следовательно, не были вынуждены из необходимости изобретать такое средство.

Их искусство плавания вызывает величайшее изумление и превосходит всякое представление. Оно легко могло бы навести наблюдателя на мысль, что мы, люди, рождены для жизни в воде.

Они совершали в воде все произвольные движения, почти оставались на одном и том же месте в вертикальном положении и управлялись ногами так, что видны были только голова и плечи. Они раскалывали в воде кокосовые орехи и ели их, переносили разные предметы меновой торговли, привязанные к высокой палке, которую держали высоко над водой, чтобы предохранить вещи от сырости. Часто они плавали с маленькими детьми на плечах, бросались с высоких крутых скал в море и предпочитали переплыть на противоположный берег, чем идти по острым камням вокруг бухты.

Мы видели отдельных островитян, которые почти весь день плавали вокруг корабля и, казалось, ничуть не уставали. Известный из предыдущего Муфау несколько раз подряд, никогда прежде не бывав на европейском корабле, по собственной охоте взбирался на большую мачту и оттуда для собственного удовольствия и удивления зрителей бросался в море. Капитан фон Крузенштерн велел его отозвать, когда тот уже собирался броситься с верхних реев. Нельзя было без содрогания и удивления смотреть, как он с такой высоты несколько секунд как бы балансировал в воздухе, прижав ноги к телу, чтобы сохранить голову наверху, а затем от силы падения и тяжести своей значительной массы погружался настолько глубоко, что лишь через несколько секунд снова появлялся на поверхности.

Украшения, которых существует весьма много видов, по-видимому, не обозначают какого-либо особого отличия ни по положению, ни по личности. Голову украшают частью повязками на лбу, частью перьями, смешанными с перламутром и другими украшениями. Обычно голову бреют, оставляя лишь два маленьких круглых участка непосредственно над ушами, длинные волосы на которых затем связывают в высокий пучок, отчего эти люди кажутся как бы рогатыми; подобный обычай почти повсеместен у китайских детей.

Отверстие в ушах настолько велико, что в него свободно можно вставить предмет диаметром в три-четыре линии, то есть примерно маленький палец. Раковина весом около унции, на задней стороне которой прикреплён несколько отшлифованный кабаньей клык, или лёгкая овальная пластинка из древесины хлебного дерева — величайшее украшение ушей; туда они также вставляют большие железные гвозди, маленькую чёрную деревянную палочку толщиной в несколько линий и длиной около двух дюймов и разные другие мелочи или подвешивают их на шнурах.

К красивейшим шейным украшениям относится род кольцевых воротников, имеющих форму гусяного пера и состоящих из нескольких нанизанных один за другим маленьких палочек из лёгкого дерева хлебного дерева; на них прикреплены красные и чёрные горошины *Abrys ptesatorius* Linn., столь любимые в Европе в женских ожерельях. Рядом со свиными клыками и отдельными костями или маленькими изогнутыми и искусно сплетёнными пластинками, которые часто носят на шее на кокосовых шнурах, встречаются также небольшие рыбы, краб, цветы, раковины, плоды или какой-нибудь предмет, полученный от нас, — гвоздь, нож или иной предмет, который они умеют подвесить к нитке, продев его через отверстие.

Красные или вообще естественно пёстрые перья, которые они умеют очень быстро различать среди искусственно окрашенных, по-видимому, высоко ценятся; Катануах, который не слишком щедро отдавал нам своих свиней, хотел отдать одну за маленького попугая, привезённого нами из Бразилии. Кабри рекомендовал Робертсу уверять, что он «un singe», обезьяна, чтобы сделать из него платонического человека, и говорил, что они очень часто совершенно ошипывают кур и других пёстрых птиц и снова надевают оперение, когда перья отрастают.

Наивысшую ценность имеет Houemoo-Schmuck, повязка из длинных распущенных волос, которые мужчины отрезают своим женщинам и связывают позади; по ней, вероятно, изготовлены кольца для пальцев, употребляемые на танцевальных праздниках и сделанные из перьев тропической птицы. Чтобы добыть эти перья, жители в брачный сезон поднимаются на высокие скалы, ловят птиц, вырывают хвостовые перья и отпускают их снова, чтобы через некоторое время, когда перья отрастут, повторить ту же процедуру. Кроме этого мы видели украшения из перьев на руках и ногах и шнуры из нанизанных один за другим маленьких раковин.

Изготовление одежды, или ткани из луба бумажной шелковицы, мало отличается от описанного в путешествии Кука и предоставлено исключительно женщинам; изготовление утвари и оружия, напротив, составляет главное занятие мужчин. Последние вещи сделаны заботливо и со вкусом. Копья, метательные копья и боевые палицы у одних украшены резьбой, у других — искусно сплетёнными волосами убитых на войне врагов. Пращи прочно и красиво плетут из волокон кокосовых орехов и другого растения, которого мне не удалось увидеть, вероятно одного из видов крапивы или *Phormium tenax* Forst. Ходули изготовлены тщательно и искусно. На *morai* встречаются фигуры, которые должны изображать человеческий облик и ясно доказывают, что в изобразительных искусствах эти люди ещё не достигли больших успехов. На изготовление рыболовных сетей они тратят больше времени, чем на крючки; последние просты, без всяких бородак, и сделаны из перламутровой раковины. Солнечные или ветровые веера обнаруживают искусство и ловкость в плетении. Домашняя утварь состоит из калebas, украшенных человеческими и другими костями и оплетённых сетью, из меньших и больших сосудов для еды, похожих на корыта, на которых можно видеть плохо вырезанные фигуры человеческих лиц, рыбьих и птичьих голов. Скорлупа кокосовых орехов служит сосудами для питья.

Среди игрушек мы познакомились с одной, состоявшей из маленькой палочки толщиной примерно в дюйм и длиной в фут. На одном конце она была просверлена, и в отверстие вставлялся заострённый книзу стержень длиной около пяти-шести дюймов. На нижний конец этого стержня насаживали рыхло намотанный клубок кокосовых волокон. Когда другой палочкой ударяли по первой, сидевший на стержне клубок от сотрясения падал, и искусство состояло в том, чтобы поймать его в воздухе прежде, чем он достигнет земли; получалось нечто вроде *joujou*.

Весьма вероятно, что у этих островитян есть ещё и другие игры и развлечения, о которых мы не получили сведений.

Кораблестроение нуку-хивцев по сравнению с другими жителями Южного моря находится ещё на очень низкой ступени. Каноэ имеют длину от двадцати до пятидесяти футов, ширину всего один фут и вмещают самое большее шесть-семь человек; чтобы препятствовать опрокидыванию, употребляются балансирующие жерди, или аутригеры, обычные и у многих других народов. Всё каноэ сделано легко и грубо. Доски, увеличивающие высоту бортов, сшиты кокосовыми волокнами, отверстия и щели заткнуты мхом и замазаны смолой хлебного дерева. Если лодка опрокидывается или сильно протекает, все находящиеся в ней выпрыгивают, плывут рядом и руками за несколько минут вычерпывают воду, после чего снова могут без опасности затонуть сесть в неё и продолжить грести. Гребные лопасти и рулевое весло изготовлены тщательнее самого каноэ.

Краткие замечания.

Хлеб, сахар, сухари, словом всё, что им предлагали, эти люди обнюхивали, как обезьяны; несколько раз я имел случай заметить, что у них очень острое обоняние. Сахар они очень любят, солёное мясо — вовсе нет.

Так как у них нет одежды и они не носят карманов или мешков, мелкие вещи для хранения они часто кладут в рот. Однажды один житель, увидев, как я разыскиваю на берегу и под камнями маленьких карманных крабов, сопровождал меня и вынул изо рта шесть таких живых крабиков, которых только что поймал.

Во многих телесных упражнениях и действиях они очень искусны. Они с неопишуемой ловкостью лазают на самые высокие деревья, поднимаясь не так, как мы обычно, с прижатыми коленями, а скорее как обезьяны, упираясь пальцами ног, чему, вероятно, помогают и крепкие ногти. Самые крутые скалистые горы они преодолевают легко; в быстром беге, напротив, неуклюжи.

Когда хотят дать кому-нибудь отрицательный ответ или сказать «нет», они высовывают язык.

Угрожать указательным пальцем на этих островах является знаком дружбы.

Когда встречаются два друга, они взаимно прижимают друг к другу кончики носов; это заменяет им поцелуй, сладостное ощущение которого им совершенно неизвестно.

Знатные люди оставляют ногти на пальцах очень длинными, как это принято у многих азиатских народов, чтобы таким образом показать другим, что им не приходится заниматься ручной работой.

Пальцами ног они могут свободно и произвольно двигать; часто, находясь на борту, они передавали кусок железа, удерживаемый пальцами ног, товарищу, плывшему рядом с кораблём, чтобы таким образом не наклоняться.

Для приготовления кокосового масла натирают ядра нескольких кокосовых орехов и кладут натёртую массу на банановые листья на четыре-пять дней на солнце. Затем поверх неё выжимают сок из стольких же свеженатёртых кокосовых орехов и снова оставляют на солнце на два-три дня, после чего повторным выжиманием получают кокосовое масло, которое до употребления хранят в бамбуковых трубках.

Зубы акулы из верхней челюсти служат здесь, как на Сандвичевых и других островах Южного моря, для резания и даже бритья. Зубы нижней челюсти употребляют как сверло: их укрепляют в палочке и при использовании вращают рукой.

Маленькие куски кораллов, мадрепор и миллепор служат для рашпильвания и обработки утвари и твёрдой древесины казуарины; они действуют как деревянный напильник. Акуля кожа употребляется для полирования оружия. Лук и стрелы, которыми пользуется столь много народов, здесь, по-видимому, совершенно неизвестны.

Отцу Катануаха, пожилому человеку, приписывают большие медицинские знания; морская вода, употребляемая внутрь, будто бы является его главным лекарственным средством.

По уверению Кабри, рождения близнецов происходят не особенно редко.

Свиньи и крысы, вероятно, единственные местные млекопитающие острова; последних жители ловят руками и предназначают на корм свиньям. Во время голода они служат пищей и людям и, говорят, имеют весьма хороший вкус.

Свиней величиной с европейских мы видели достаточно, особенно в долине Schegua, но владельцы не желали их менять или продавать, по крайней мере по назначенным нами ценам.

У англичанина Робертса были две собаки, которых жители, почти никогда не видевшие другого животного, называли свиньями. Говорят также, что с Санта-Кристины на Нуку-Хиву были привезены козёл и коза, которых, вероятно, называют рогатыми свиньями; но так как они находились в другой долине, мы больше ничего о них не слышали.

Ни домашних, ни собственно диких кошек здесь нет, однако имеются одичавшие, питающиеся крысами в необитаемых областях.

Разведением кур занимаются мало, но петухи с красивым оперением весьма ценятся ради перьев и время от времени совершенно ощипываются. Блох здесь вовсе нет.

Вот приблизительно всё наиболее замечательное, что я мог наблюдать во время нашего десятидневного пребывания на Нуку-Хиве. Тот, кого особенно интересует эта группа Маркизских и Вашингтоновых островов, найдёт у Кука, Форстера, Ванкувера, Маршана, Вильсона, фон Крузенштерна и других ещё много интересных замечаний, которые я, чтобы избежать повторения, обошёл молчанием.

Благодаря помощи Робертса и Кабри мне представилась редкая возможность собрать некоторые образцы языка, которые, хотя и несовершенны и мало занимательны, всё же достаточно важны, чтобы получить здесь место.

Образцы языка острова Нуку-Хива.

Отрубать — *koti*, то есть собственно: делать дерево; «давайте рубить деревья, или заготавливать дрова» — *koti te make*.

Откусывать — *vabu*; «откуси кусок свинины» — *ane-vabu to buaca ou*.

Охлаждаться, обмахиваться; «обмахивайтесь веером» — *ata tahi malo te tukuanu*.

Соскребать, счищать, тереть — *amuu*; «соскребите кокосовые орехи и выжмите из них сок» — *umano tehi ...* [окончание в скане неразборчиво].

Отплывать — *wata*; «корабль отплыл» — *to waa wata-i*.

Отрезать, отсекать кусок чего-либо — *koko ...* [окончание в скане неразборчиво].

Старый мужчина — [слово в скане неразборчиво].

Старая женщина — *baghalo*.

Рыболовный крючок — *ala*.

Одеваться, то есть взять кусок ткани — *to kahu*.

Предводитель — [слово в скане неразборчиво].

Прибывать — *watät*; «корабль прибыл» — *te waka nai ...* [окончание в скане неразборчиво].

Ответь мне — *apa wai oe*.

Зажигать — *araki*; например, свет — *teuma*.

Руки — *obisua*.

Бедный, небогатый — *kikino*.

Дыхание — [слово в скане неразборчиво].

Глаза — *mataki*.

Брови — *tuko hä*.

Просыпаться — *ua*.

Раздеваться — *bo*.

Подвешивание трупа в *morai* — *bakute*.

Подвешивать на стену — *akikiciiuaka*.

Открывать сосуд — *арепехо*.

Гасить свет — *matte ama*, то есть «свет мёртв».

Воскликание для духа умершего, которому что-либо приносят в жертву — *nateta*.

Устрицы — *uek*.

Топор — *toki*.

Купаться, мыться — *kaukau*.

Ручей, вода — *wai nui*, буквально: «много воды».

Бананы — *meiga*.

Скоро — *орро*, или *horpo*.

Борода — *kumi*.

Живот — *коори*, *соори*.

Бататы — *tekuma*.

Начальник — niki.
Топор — toki.
Оба, два — tau.
Место погребения — mahai.
Совокупление — uka-uka, titäi.
Ноги — waiwai.
Кусать — vaku.
Связывать крайнюю плоть шнурком — [слово в скане неразборчиво].
Повязка, набедренная повязка — oute.
Грубая набедренная ткань — tiabu.
Связывать — abumu.
Кровь — toto.
Цветок — ruamomono.
Молния — teu-i-ia.
Лист дерева — tohai.
Красные бобы (*Abrus precatorius*) — boni.
Хлебный плод — mäkie.
Перебродивший хлебный плод — маа.
Хлебное дерево — tema mi.
Земля, почва — whenua, hennua.
Грудь — huma.
Женские груди — teu, shou.
Принеси, принеси мне — tukukumai.
Брат — tunano oteine.
Гореть, сжигать — etutu te ahi.
Злой — whahai.
Куст — teta.
Каноз — hina, wabab, wakah.
Кокосовые орехи — niu, [варианты написания в оригинале].
Кораллы, стеклянные пуговицы — pipi.
Большой палец — maga magaima.
Гром — hatu piki, hatuti.
Ты или вы — oi.
Вор — ekamu.
Кинжал — koke.
Железо — toki.
Есть — akai.
«Дай мне поесть» — kai mai.
Муж — medua, motun.
Отец — motua.
Он, она, вы — oe.
Земля — heonua.
«Это так, это правда» — ehoi.
Локоть — kima.
Ящерица — ekaka.
Родители — teamutu.
Веер — tahi.
Веер с резной ручкой — whikato.
Ловить — umu.

Скалы, остров — moto, medio.
Огонь — eohi, ahi.
Разводить огонь трением — oika te ahi.
Огнестрельное оружие, ружьё — pai.
Украшение из перьев, головное украшение — heie.
Другой вид — heigaa.
Петушиные перья — teuhe.
Украшение из перьев для зада — horemoa.
Биться, сражаться — tona.
Пятки — tuki te waiwai.
Рыба — ia.
Ловить рыбу — tanai ika, peka te ika.
Особый вид чёрной рыбы — pahña.
Рыболовный крючок — meap.
Палец — magamagaima.
Сгибать — [слово в скане неразборчиво].
Лежащая рыба — [слово в скане неразборчиво].
Муха — tika ue.
Флейта из двух трубок — [слово в скане неразборчиво].
Друг — tai, буквально: хороший.
Дружелюбный человек — enata mita.
«Будем друзьями» — mitai ... [окончание неразборчиво].
Женщина — wakia.
Жена мужа — wohanna.
Бояться — [слово в скане неразборчиво].
«Я боюсь» — [слово в скане неразборчиво].
«Я не боюсь» — [слово в скане неразборчиво].
Следуй за мной — tamui mai.
Чужеземец — ranihib.
Давать — tukemai.
«Дай мне что-нибудь» — tukumai, tanai.
«Дай мне пить» — eiou mai.
Родить — ala teama.
Сосуд для воды, калеваса — hab.
Закон — toua.
Вчера — enenaho.
Подарок — taitai.
Язва — memät, mamai.
Женская одежда вокруг бёдер — taiwea.
Хороший запах — kekä.
Дух умершего — vahinehai.
Преследующий дух, привидение — tetu.
Также дух живого, действующий при tahbu.
Жёлтый — [слово в скане неразборчиво].
Приручённый — mohoi, pomi.
Достаточно — [слово в скане неразборчиво].
Стеклянные кораллы — pipi.
«Это хорошо» — mei taki-mitaki.
Трава — muga, totoe buaga.

Большой, много — *puī*; очень большой — *puī-puī*.
Большой, длинный — *boa*; большой мужчина — *enata boa*.
Волосы — *whu oho*.
Очень длинные волосы для танцевального украшения — *hoberaa*.
Держать — *koiteima*.
«Стой» — *ata*.
Рука — *eima*.
Шея — *kakī, kikeiho*.
Ожерелье из красных бобов — *teha ...* [окончание неразборчиво].
Дом — *ohi, tohu*.
Человеческая кожа — *tiko*.
Смола хлебного дерева — *eipku*.
Акула — *moпо*.
Сегодня — *kaho*.
Спускаться — *amai ahoke*.
Задняя сторона — *papa titoke*.
Подниматься — *amai ahiti*.
Дерево — *makie*.
Яички — *komki*.
Высокий — [слово в скане неразборчиво]; очень высокий — [слово в скане неразборчиво].
Принести, «принеси мне это» — *uu*, [окончание неразборчиво].
Холм — *riku*.
Собака — *buaka nuho*.
Курица — *moha*.
Кашлять — [слово в скане неразборчиво].
Быть голодным — *one*.
Зарывать в землю — *etomi*.
Я — *au*; употребляется также в вопросительном тоне, подобно французскому *est-ce*.
Вы, ты, человек — *oe*.
Остров, земля — *whenua*.
Остров, скала — *moto*.
Холодный — [слово в скане неразборчиво].
Кошка — [слово в скане неразборчиво].
Каноэ — *waа*.
Палица, боевая палица — [слово в скане неразборчиво].
Подбородок, нижняя челюсть — [слово в скане неразборчиво].
Маленький — *iti*; очень маленький — *iti-iti*.
Маленький мальчик — *tamaiti*.
Приходите сюда — [слова в скане частично неразборчивы].
Голова, человеческий череп — *uroko*.
Карканье — [слово в скане неразборчиво].
Крабы — [слово в скане неразборчиво].
Ловить крабов — [слово в скане неразборчиво].
Целовать носом — [слова в скане частично неразборчивы].
Смеяться — *hueta, hakaia*.
Хромой — *oomi*.
Танец тяжёлый, медленный — *pakein*.
Танец лёгкий — *koha*.

«Покажи» — ai.

«Оставь меня одного» — tuma ahu.

Любить женщину — wahine nau.

Губы — kiautu, piwai.

Татуировка губ — koniko.

Мужская набедренная повязка, сетка или ткань, в которой во время боя носят запас камней — kava.

Женщина — [слово в скане неразборчиво].

Оскорбительное слово, довольно похожее на европейское ругательство — tararo.

Худой мужчина — bua moven.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.